СТУДЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

В. П. БЕРКОВ

Филологический
факультет
Санкт-Петербургского
государственного
университета

В. П. БЕРКОВ

ИСТОРИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2012

ББК 81.2Нор1-03
Б48

Берков, В. П.
Б48 История норвежского языка / В. П. Берков. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 152 с. — (Студенческая библиотека).

ISBN 978-5-8465-1208-5

Эта книга предназначена для двух групп читателей. Во-первых, она прежде всего является учебником по курсу «История норвежского языка», читаемому, как правило, студентам старших курсов скандинавских отделений университетов и иных вузов, поэтому содержит достаточно полный курс истории норвежского языка от его древнейших дней.

Во-вторых, история норвежского языка столь своеобразна, особенно в его новом и новейшем периодах, и во многих отношениях крайне поучительна, что книга о ней, хочется надеяться, привлечет к себе внимание достаточно широкого круга социолингвистов. По этой причине в начальной части книги содержится материал, который читается студентам в курсе «Введение в германскую филологию» на втором году обучения, т. е. за два года до данного. В пользу этого решения говорит и то, что названный курс студенты помнят далеко не всегда хорошо, а эти знания необходимы для понимания истории норвежского языка.

ББК 81.2Нор1-03

ISBN 978-5-8465-1208-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описание истории какого-либо языка естественно разделить на две части — внешнюю историю и внутреннюю историю. Внешняя история — это описание изменения в функционировании языка в пространстве и во времени. Простыми примерами внешней истории языка являются описания расширения или, напротив, сужения области его распространения в связи с историей языкового коллектива. Внутренняя история языка — это изменения в самóм языке на разных его уровнях: фонетическом/фонемном, грамматическом, лексическом.

Легко формулируемое в общей форме разделение описания истории какого-либо языка на две названные части оказывается затруднительным и трудно осуществимым последовательно. Многие чисто языковые изменения тесно связаны с изменениями в существовании языкового коллектива. Например, завоевание одним народом территории, населенной другим народом, может привести не только к утрате последним — частично или полностью — территории своего распространения, но и к сугубо языковым последствиям, например превращению этого исчезающего языка в субстрат, т. е. язык, оказывающий влияние на язык завоевателей. Так произошло с латынью на территории Европы в нынешних странах романских языков. Завоевание скандинавами, а затем нормандцами Англии оставило глубокие следы в английском языке.

По этой причине описание истории какого-либо языка по неизбежности бывает в подавляющем большинстве случаев — если не во всех — чередующимися изложениями его внешней и внутренней истории. Так обстоит дело и в этой книге. Многие стороны современного норвежского языка невозможно понять в отрыве от их исторических причин — например, вытеснение норвежского языка датским изо всех официальных сфер к XVI в.

В конце книги даются два систематических обзора — исторической фонетики и исторической грамматики.

Автор выражает благодарность С. Н. Берковой за помощь в работе над этой книгой.

ВВЕДЕНИЕ

НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК НА ЯЗЫКОВОЙ КАРТЕ МИРА

1. Общие сведения. На норвежском языке в настоящее время (по данным на 2010 г.) говорит приблизительно 4,9 млн чел., что составляет менее одной тысячной населения мира. Он распространен только в одном государстве — Королевстве Норвегия, находящемся в западной части Скандинавского полуострова, а также в некоторых его владениях (где нет постоянного населения).

Кроме норвежцев, в стране давно живут две национальные группы — саами и квены (финны).

Основная масса **саами** (samer, ранее lapper) живет в Финнмарке, самой северной провинции (фюльке) Норвегии. Кроме того, саами живут на севере Швеции, Финляндии и России. Их точное число определить трудно, потому что к понятию 'саами' можно применять разные критерии (родной язык, самоопределение индивида и др.). В зависимости от критерия называются цифры от 30 до 60 тыс. чел. Больше всего саами живет в Норвегии — 20–30 тыс. чел.

Саамский язык относится к финно-угорской семье языков. Он делится на ряд существенно различающихся диалектов и обладает сложной морфологией. Наиболее распространен северосаамский диалект. В нескольких коммунах (районах) Финнмарка саамский язык является официальным наряду с норвежским. По Центральному норвежскому радио на саамском языке ведутся ежедневные короткие передачи.

Крупнейшие населенные пункты саами — Ка́рашок и Кэ́утокейно. В Карашоке, саамском культурном центре, заседает Саамский тинг — консультативный совет при норвежской администрации; здесь же — саамский музей. В Кэутокейно находится Саамский институт Скандинавии, Государственное училище оленеводства и др.

Квены — название финноязычного населения, проживающего в Северной Норвегии, преимущественно в фюльке Финнмарк. Миграция финнов в Норвегию началась в первой половине XVIII в. и носила волнообразный характер. Причинами в основном были различные бедствия

в Финляндии: голод из-за неурожая, гражданская война и др. В настоящее время число людей в Норвегии, говорящих в быту по-фински, составляет всего немногим более тысячи (по другим оценкам, около двух тысяч) человек. Следует иметь в виду, что еще несколько десятилетий назад слово kven (вариант kvæn) было пренебрежительным и даже уничижительным, а теперь стало вполне нейтральным и официальным.

Норвежский диалект финского языка признан в настоящее время в соответствии с положениями Совета Европы самостоятельным «квенским языком». Существует Квенский институт — национальный центр квенского языка и культуры, который находится в населенном пункте Бёрсельв в Финнмарке, а также Квенский языковой совет и Языковой форум.

Число говорящих на так называемом норвежском **ру́мани** (norsk romani, смешанный язык, основу которого составляет норвежский, использующий множество слов цыганского и иного происхождения) точно неизвестно. Оценки варьируются от нескольких сотен до нескольких тысяч. На **цыганском** языке (rómani, romanés) говорит три-четыре сотни человек.

В последние десятилетия в Норвегию иммигрировало значительное количество иностранцев, в основном выходцев из Азии и Африки. По некоторым оценкам их количество в настоящее время (по данным на 2010 г.) составляет более 10% населения страны. Число мусульман к началу 2010 г. составляло 21,55% всего населения страны. Более всего иммигрантов из Пакистана (число школьников с родным языком урду примерно в 2 раза больше, чем число детей иммигрантов иного происхождения — вьетнамцев, арабов, албанцев, курдов, турок, сомалийцев и др.).

В 2009 г. в Осло были школьные классы, в которых не было ни одного этнически норвежского ученика. Всего школьники — неэтнические норвежцы составляли в Осло в названном году около 40%, причем распределение их по городским районам очень неравномерное: в одних районах таких учеников более 90%, в других — всего 0–5%. Это создает серьезные проблемы. С одной стороны, учитель сталкивается, особенно в младших классах, с учениками, слабо владеющими норвежским, и должен учитывать их языковой уровень. С другой стороны, такое снижение уровня преподавания делает уроки для этнически норвежских учащихся малопродуктивными и скучными. Есть случаи, когда по этой причине этнически норвежские семьи переезжают в другой район Осло. В общем отмечается, что норвежская школа по своей эффективности уступает школам ряда стран, хотя Норвегия занимает первое место в Европе по бюджетным расходам на одного ученика.

Более всего иммигрантов, как сказано выше, из Пакистана. Младшее (уже третье) их поколение, как правило, очень хорошо владеет норвежским. Так, например, среди потомков первых иммигрантов — выходцев

из Пакистана есть дикторы норвежского телевидения, писатели, политические деятели, врачи и т. д. На норвежском языке происходит, естественно, общение разных по этническому происхождению групп норвежского населения — к примеру, вьетнамцев и турок, сербов и курдов и т. п. Особенно много иммигрантов и их потомков в больших городах, прежде всего в Осло. Число говорящих на норвежском языке, за вычетом слабо владеющих им, составляет минимум 4,5 млн чел.

2. Норвежский язык за пределами Норвегии. Начиная с 1825 г. из Норвегии эмигрировало — преимущественно в США и Канаду — значительное количество норвежцев (по некоторым оценкам, до 3 млн чел.). Самая большая волна эмиграции пришлась на период 1879–1893 гг. — 250 тыс. чел. Около четверти вернулись впоследствии на родину.

В настоящее время потомки норвежских эмигрантов практически полностью перешли на английский язык (обычно третье поколение иммигрантов переходит на язык новой родины).

3. Генеалогическая принадлежность норвежского языка. Норвежский язык относится к северной (скандинавской) группе германских языков, поэтому изложение начинается с характеристики последних в целом.

Германские языки входят в семью индоевропейских языков. Коротко скажем о понятии языковой семьи.

Языковая семья — это группа родственных языков, связанных происхождением, т. е. восходящих к одному языку. Семьи эти очень разные как по числу говорящих, так и по числу языков. Среди них есть очень большие, на которых говорят сотни миллионов человек, и очень маленькие. Более того, в настоящее время в мире есть несколько языков, вообще не входящих ни в какие семьи (возможно, они ранее входили в несохранившиеся семьи). Таков, к примеру, язык буруша́ски (имеющий и другие названия, в частности верши́кский); на нем говорит всего несколько десятков человек в горной части Центральной Азии. Считается генетически изолированным также баскский язык, распространенный к северу и особенно к югу от границы Испании и Франции (доказательства его родства с некоторыми языками Кавказа сейчас принято считать неубедительными).

САМЫЕ КРУПНЫЕ И ИЗВЕСТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ

Индоевропейская семья языков. В нее входят следующие группы (они перечислены ниже в традиционном порядке):

1. Индийские языки
2. Иранские языки

3. Славянские языки
4. Балтийские языки
5. Германские языки
6. Романские языки
7. Кельтские языки

Следующие 3 языка в настоящее время не входят ни в какую группу в пределах этой семьи, т. е. образуют самостоятельные группы:

8. Греческий
9. Албанский
10. Армянский

Кроме 10 названных групп живых языков в индоевропейскую семью входят и мертвые:

11. Хеттский (представлен памятниками клинописного письма; Малая Азия, приблизительно 1900–1200 гг. до н. э.).

12. Тохарские (представлены рукописями VI–VII вв. н. э., обнаруженными в Северо-Западном Китае).

Норвежский язык, как уже сказано, входит в германскую группу индоевропейской языковой семьи.

Живые германские языки представлены двумя группами: западногерманскими и северогерманскими, или скандинавскими, языками. Они очень различаются по количеству говорящих на них, ср. приводимую ниже таблицу (цифры в ряде случаев приблизительные):

Западногерманские языки	1	Английский	≈ 500 млн
	2	Фризский	0,5 млн
	3	Немецкий	≈ 110 млн
	4	Нидерландский	22 млн
	5	Африкаанс	6,5 млн
	6	Идиш	0,5 млн
Северогерманские языки	1	Исландский	320 тыс.
	2	Фарерский	50 тыс.
	3	Норвежский	4,9 млн
	4	Шведский	≈ 9 млн
	5	Датский	5,7 млн

Примечания: 1. В приводимых числовых характеристиках говорящих на германских языках не учтено, да и не может быть учтено различие между родным языком говорящих и «выученным». Так, в число говорящих на английском языке (500 млн. чел.) входят не только люди, для которых это первый язык, усвоенный с детства («язык матери»), но и многие овладевшие им впоследствии. Степень

владения выученным языком бывает, разумеется, весьма различной — от владения им в совершенстве до более или менее хорошего. Как известно, есть люди, прекрасно овладевающие иностранным языком (и переходящие на него), и есть люди, всю жизнь пользующиеся неродным языком и при этом допускающие разного рода ошибки. В наше время, характеризующееся значительными миграциями населения, такое «более или менее приличное владение иностранным языком» очень широко распространенное явление. 2. Число лиц, для которых идиш является родным языком, точно неизвестно. В разных источниках называются весьма различные цифры. Можно полагать, что приводимая цифра (0,5 млн чел.) максимальная. Для подавляющего большинства евреев среднего и младшего поколения родной язык — это язык страны проживания.

Кроме двух названных групп — западногерманской и северогерманской, или скандинавской, — существовала и восточногерманская группа. Это группа мертвых языков. До нас дошли тексты только на готском языке.

ДРУГИЕ БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ МИРА

Афроазийские языки (устаревше название — семито-хамитские языки) насчитывают более 250 млн говорящих. Они делятся на несколько ветвей. Наиболее распространенный из них — арабский, на котором говорят от атлантического побережья Африки до Красного моря. К этой же семье относится иврит — государственный язык Израиля.

Уральские языки подразделяются на финно-угорские (от Северной Норвегии до Таймыра; южнее на них говорят в Венгрии, Мордовии и Марий Эл) и самодийские (север России).

Одна из самых крупных языковых семей мира — китайско-тибетская. В нее входит более сотни (по другим оценкам, несколько сотен) языков. На китайском, официальном языке КНР, говорит свыше миллиарда человек.

Не до конца ясны генетические связи японского языка.

В Индии крупнейшей семьей являются индийские (индо-арийские) языки, число говорящих на которых приближается к 800 млн чел. Следует отметить, что к их числу относится цыганский язык. Другая крупная языковая семья в Индии и прилегающих регионах — дравидийская (около 200 млн чел.).

Среди кавказских языков, которые делятся на 3 группы, насчитывается около 40 коренных языков. Как редкую особенность можно отметить, что во входящей в их число абхазо-адыгской группе инвентарь согласных насчитывает несколько десятков фонем при 2–3 гласных. Необычная языковая ситуация наблюдается на территории небольшого Дагестана, где насчитывается 29 языков.

Языковые семьи (с разным количеством языков и разной численностью говорящих на них) есть в Сибири, Африке, Северной, Центральной и Южной Америке, на Крайнем Севере России и т. д.

В заключение этого небольшого раздела кратко скажем о понятии языкового союза. Этим термином называют группы языков, не находящихся в близком родстве или вообще не родственных, обнаруживающих сходство в некоторых отношениях. Идея языкового союза была высказана И. А. Бодуэном де Куртенэ, а сформулирована — Н. С. Трубецким в 1923 г. Понятие это можно проиллюстрировать следующим примером. Суффигированный артикль (артикль, присоединяемый к существительному «сзади», т. е. к его основе) характерен для таких неблизкородственных языков на Балканах, как болгарский, румынский, албанский и др. Языковые союзы складываются как следствие длительного взаимного влияния в пределах единой географической области.

4. Древнейшие сведения о германцах. Считается, что германцы живут в Европе по крайней мере с III тыс. до н. э. Областью их расселения предположительно были север Центральной Европы между Эльбой и Одером, Ютландия и юг Скандинавского полуострова. Постепенно она расширялась.

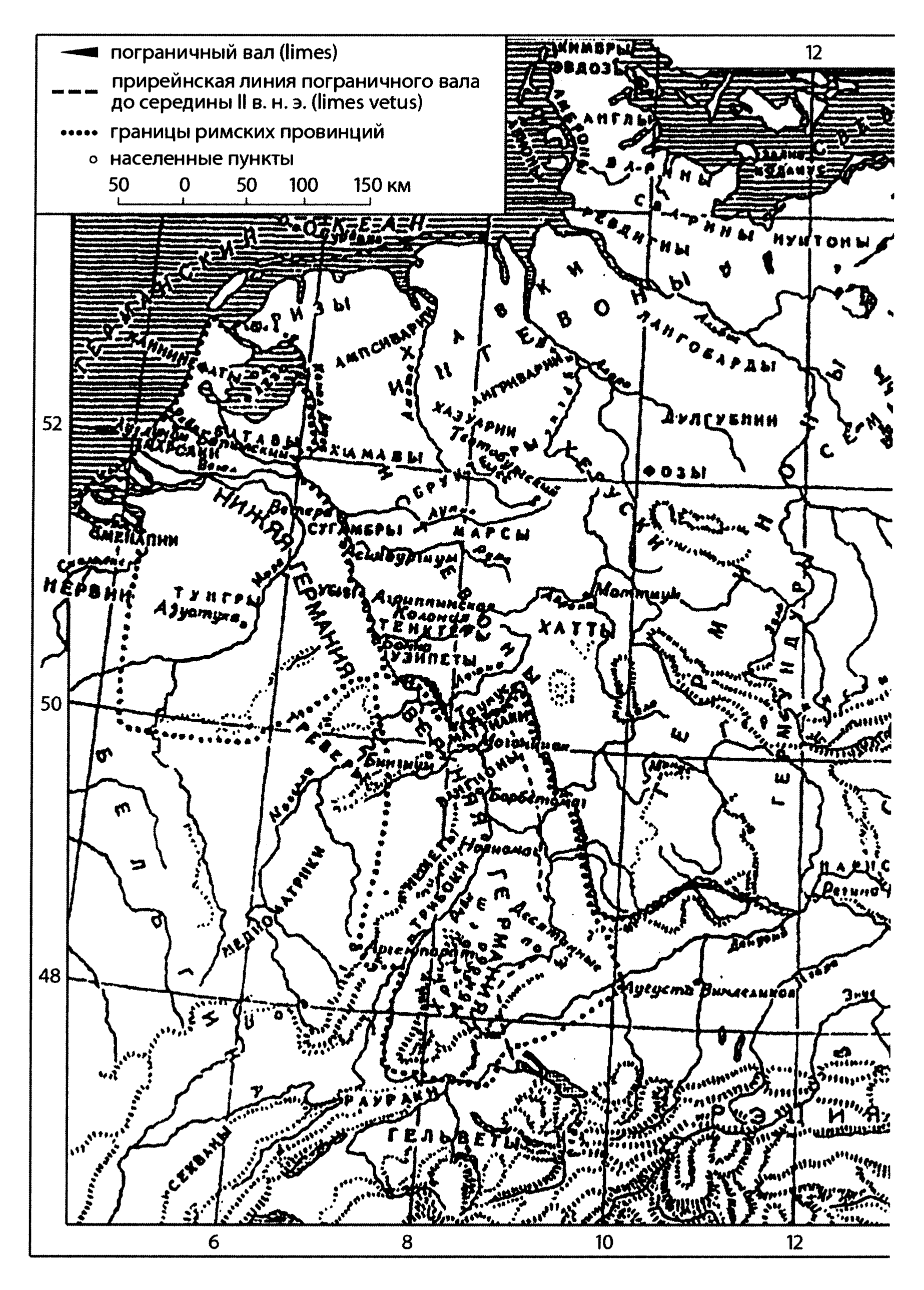
Первые сведения о древних германцах встречаются у античных авторов.

Впервые они упоминаются греческим купцом Пифе́ем (Pytheas) из Массилии (нынешний Марсель). Во второй половине IV в. до н. э. он описал свое путешествие вдоль западного побережья Европы и южного побережья Северного моря и, в частности, упоминает племена *гуттонов* и *тевтонов*. Само описание путешествия Пифея не сохранилось, но оно было использовано позднейшими греческими и римскими историками и географами.

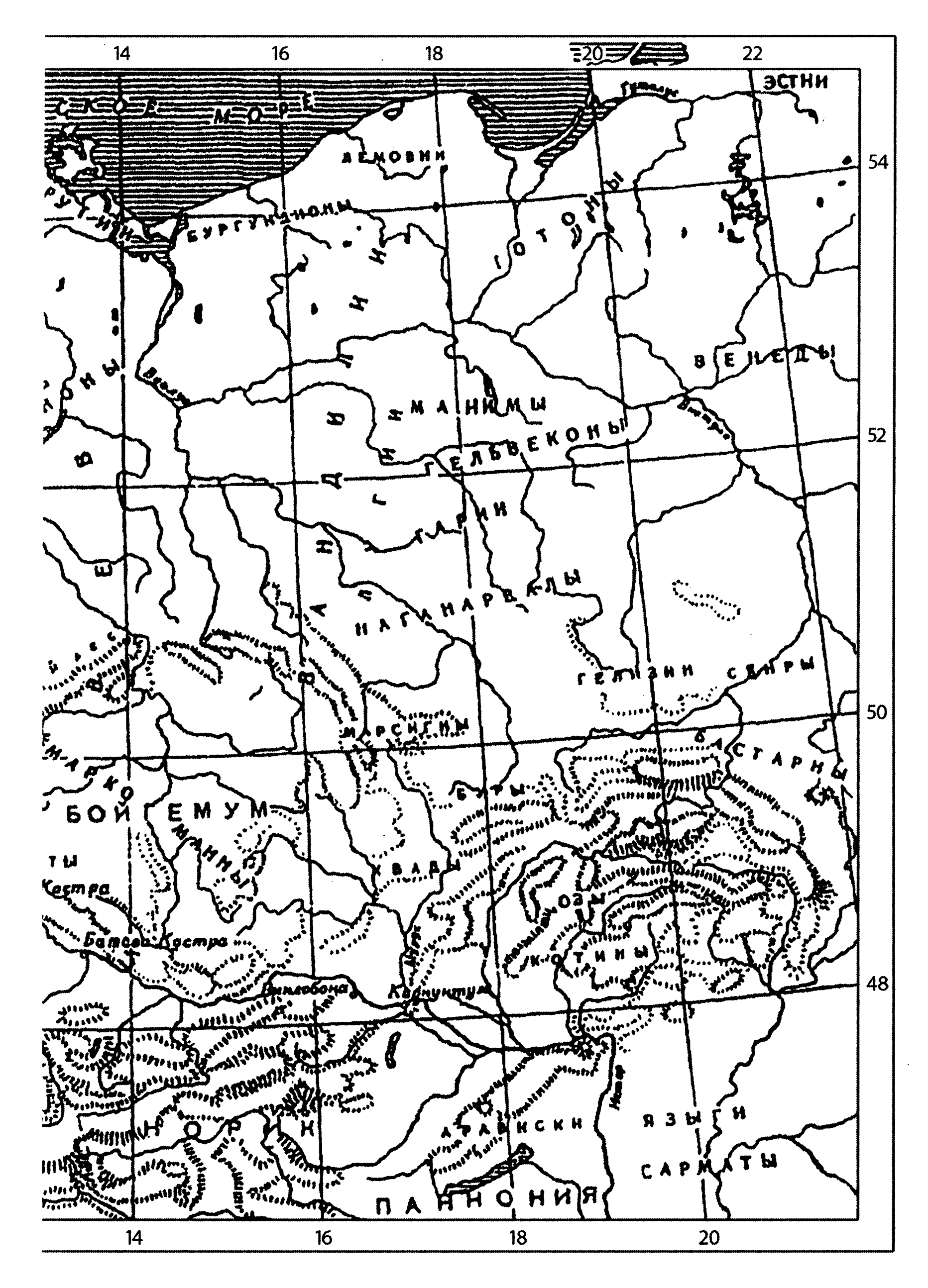
Первое соприкосновение германцев с Римом относится к концу II в. до н. э. Это был поход германских племен кимвров и тевтонов (101–100 гг. до н. э.), сначала одержавших ряд побед над римлянами, но впоследствии разбитых римским полководцем Марием.

До I в. до н. э. — начала н. э. сведения о древних германцах скудные. С начала новой эры они становятся подробнее (Страбон, Плутарх). Основные же сведения — это «Записки о галльской войне» Цезаря (100–44 до н. э.; в 58–51 гг. он был наместником Галлии), «Естественная история» римского ученого Плиния Старшего (23–79) и «Германия» римского историка Тацита (ок. 58–ок. 117; Тацит употреблял название *Германия*, естественно, в смысле ‘область, населенная германскими племенами’).

Античные авторы упоминают множество названий германских племен. Поскольку, однако, римляне со многими из них непосредственно

Карта к «Германии» Тацита (перевод

и редакция карты проф. А. И. Неурыхина)

не соприкасались и сведения о них брались из вторых (третьих и т. д.) рук, а племена кочевали, сливались, исчезали, то многое в этих сочинениях неясно, ненадежно, спорно.

Первым дал классификацию германских племен и перечислил их Плиний Старший. Она такова:

1) виндилии (виндилы) — племена, населяющие восток «Германии»: бургунды, карины, варины, гуттоны;

2) ингвеоны (ингевоны) — племена, обитющие на северо-западе «Германии», т. е. на побережье Северного моря и в Ютландии: кимвры, тевтоны, хавки, англы, саксы, юты, фризы;

3) иствеоны — прирейнские племена: бруктеры, хамавы, салии, сикамбры и др. (будущие франки);

4) герминоны (гермионы, эрминоны) — живущие на юге «Германии»: маркоманны, алеманы, лангобарды, квады и др.;

5) певкины и бастарны населяли, по Плинию, восток «Германии», «у границы с даками». В другом месте он называет их гиллевионами.

Некоторые историки объединяют группу 5) с группой 1).

Сходная классификация есть у Тацита. Он пересказывает древнегерманский миф, согласно которому у бога Манна (сына рожденного Землей бога Туискона) было три сына, по имени которых и названы племена:

1) ингевоны (ближайшие к «Океану», т. е. Северному морю);

2) герминоны (живущие внутри страны);

3) иствеоны (остальные).

Он дает подробное описаиие всех известных ему германских племен. Поскольку языковых памятников того времени нет, эта классификация является этнической, а не языковой. Предположительно языковая картина была такой:

виндилы — готы, бургунды (а также лугии, герии, гельвиноны, манимы и др.) — впоследствии носители восточногерманских языков;

ингвеоны — тевтоны, хавки, англы, фризы, юты, жившие по берегам Северного моря, — впоследствии англо-фризская подгруппа западногерманских языков;

иствеоны — впоследствии франкские племена;

герминоны — алеманны, баварцы, лангобарды, свевы (?) и др. — впоследствии верхненемецкие племена;

гиллевионы — впоследствии скандинавы.

5. Экономический и общественный строй древних германцев. У Цезаря (середина I в. до н. э.) германцы в основном кочевники-скотоводы и охотники, которые также занимались военными набегами. Земледелие у них уже было, но играло незначительную роль. В «Записках о галльской войне» Цезаря содержится так называемый «свевский, или первый германский экскурс», где, в частности, говорится: «Племя све-

вов — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов и каждый высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном месте для возделывания земли».

Примечание. Утверждение Цезаря, что свевы ежегодно выставляют стотысячное войско, представляется сомнительным.

«Они питаются не столько хлебом, — говорит Цезарь, — сколько — и главным образом — молоком и за счет скота. Всё это вместе взятое, а также свойства пищи, ежедневные военные упражнения, свободный образ жизни, в силу которого они, не приучаясь с самого детства ни к повиновению, ни к порядку, ничего не делают против своей воли — [всё это] укрепляет их силы и порождает людей столь огромного роста. Кроме того, они приучили себя, [живя] в странах с очень холодным [климатом], не носить никакой другой одежды, кроме звериных шкур, которые вследствие их небольших размеров оставляют значительную часть тела открытой, а также привыкли купаться в реках».

В так называемом «втором германском экскурсе», среди прочего, говорится: «Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом...» Земля обрабатывалась довольно примитивно. Преобладало залежное земледелие (т. е. снималось несколько урожаев, затем земля на долгое время оставлялась без обработки для восстановления плодородия почвы). Возделывались хлебные злаки, в том числе ячмень и овес.

При Таците (т. е. через полтора столетия после Цезаря) древние германцы уже в основном оседлы, и земледелие играет большую роль.

У них, видимо, было три основных вида жилищ: бревенчатые избы; дома из веток, обмазанные глиной (ср. совр. нем. Wand ‘стена’, первоначально ‘что-л. переплетенное, плетень’); землянки, утепленные сверху.

Древним германцам времен Тацита уже были знакомы ремесла — ткачество (в том числе производство красителей), обработка металлов, гончарное дело.

До III в. н. э. германцы жили при родовом строе. Оии селились родами и родственными группами. Это древнее расселение по родам отразилось в ряде сохранившихся до сих пор топонимических названий с так называемым патронимическим суффиксом -ing-/-ung- (+ окончание дат. п. мн. ч.) типа названия современного германского города Майнинген.

П р и м е ч а н и я: 1. Впоследствии, уже после разложения родового строя, этот суффикс стал обычным показателем названий городов, как, например, *Золинген*, *Гёттинген* и т. п. 2. Типологически древнему германскому патронимическому суффиксу соответствует славянский патронимический суффикс -*ич*-, ср. *Боровичи*.

Во главе рода стоял родовой старейшина — двн. kuning, др.-исл. konungr (ср. рус. *князь*). Это слово образовано от понятия 'род': гот. kuni, др.-исл. kyn, гр. genos, лат. genus. Верховная власть принадлежала народному собранию, которое составляли все мужчины, способные носить оружие. В промежутках между собраниями текущие дела решались советом старейшин. Для военных действий избирался военачальник («воевода») — двн. herizogo, др.-исл. hertogi (отсюда нем. Herzog 'герцог'); он собирал свою дружину.

Хотя у германцев того времени существовал патриархат, сохранялись пережитки матриархата. Они проявлялись, в частности, в следующем:

1) авункулат (< лат. avunculus 'дядя по матери'): брат матери считался более близким родственником, нежели отец; это восходит, видимо, еще к групповому браку;

2) особое отношение к женщине. Считалось, что женщины обладали пророческой силой. Так, Тацит пишет: «Они думают, что в женщинах есть нечто священное и вещее, не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний [...]. Мы сами видели Ве́леду, которая у многих германцев считалась божественным существом; да и раньше Аври́ния (разночтение; Альбру́на) и многие другие почитались ими».

П р и м е ч а н и е. Веледа — дева-прорицательница из племени бруктеров (Тевтонский лес); при императоре Веспасиане была пленницей в Риме. «Жила в высокой башне, избранное лицо из ее сородичей передавало вопросы и ответы, подобно вестнику божества».

Далее, женщины могли влиять на ход сражения. По Тациту, «иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, [...которые] указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче связаны бывают своими обязательствами те германские племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек».

Рабство носило патриархальный характер (в основном рабами были военнопленные), и рабы не были существенной производительной силой, как, например, в Древней Греции или Риме. Раба можно было продать или убить. Раб мог иметь собственное хозяйство, т. е. быть издольщиком.

Действовал институт кровной мести. В сущности, кровная месть выполняла функцию самозащиты общества, препятствуя разгулу насилия, ибо в ее основе лежит неотвратимость наказания за злодеяние. Впрочем,

в отдельных случаях можно было откупиться вирой. Роль кровной мести очень хорошо видна в исландских сагах, созданных, правда, многими веками позднее. Вообще кровная месть была весьма распространена в древности, да и теперь сохраняется у некоторых народов.

Уже во времена Тацита начинается социальная дифференциация общества. Старейшины рода, вожди и их дружины постепенно составили высший слой общества. Правда, это еще были выборные должности. Тацит пишет, что королей (reges) германцы выбирают по знатности («большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам»), а военачальников (duces) — по доблести. «У королей нет неограниченной или произвольной власти, — продолжает он, — и вожди главенствуют скорее примером, чем на основании права приказывать, тем, что они смелы, выделяются [в бою], сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволяется никому, кроме жрецов...»

Но и при Таците высшим органом остается собрание (þing, thing) всех вооруженных мужчин. Собирались они обычно в новолуние или полнолуние.

По Тациту, дружина предана вождю, а вождь заботится о ней, дает дружинникам боевого коня и обагренное кровью победоносное копье (framea), а вместо жалованья устраивает для них пиры; уже в дружине устанавливается определенная иерархия. Вождю добровольно приносятся дары, скот и продукты. Особенно радуются вожди приношениям от соседних племен.

6. Отношения древних германцев с Римом. В постоянный контакт с Римом германцы входят в I в. до н. э. Это были беспрерывные военные столкновения, римлянам не удавалось сдержать натиск германцев. Чтобы остановить их продвижение на кельтские земли, завоеванные Римом во II в., при императоре Адриане (117–138), по Рейну и верхнему Дунаю — границе между германскими племенами и Римом возводятся мощные линии оборонительных сооружений. Опорные военные пункты (некоторые из них возникли ранее, еще во II в.) со временем превратились в города-колонии, являвшиеся также торговыми центрами. Многие из этих городов существуют и по сей день и даже сохранили древние названия; *Кобленц* из лат. ad Confluentes, досл. 'у сливающихся (рек)', т. е. 'у слияния' (о месте впадения р. Мозель в Рейн), *Кёльн* из лат. Colonia Agrippinensis/Agrippina, *Майнц* из кельт. Mogontiacum, *Трир* из лат. Augusta Treverorum/Trevirorum, *Вена* из кельт. Vindobona и др. Они стали центрами распространения римского влияния на правобережные германские племена, а через них — и далее вглубь «Германии».

На протяжении более трех веков германцы испытывали глубокое влияние более высокой римской культуры. Перенимая элементы римской материальной культуры, они, естественно, заимствовали слова, их обозначающие. Таким образом их языки вобрали в себя множество латинских заимствований. Заимствовались слова из самых разных областей — военной организации, торговли, строительства (германцам не было известно строительство из камня), названия сельскохозяйственных культур, предметов хозяйства и т. п. Почти все эти слова — заимствования из латыни — сохранились в современных германских языках. Некоторые из множества примеров (приводятся названия из современных германских языков):

Лат.	Англ.	Нем.	Сканд.	Нид.
strata via ‘мощеная улица’	street ‘улица’	Straβe ‘улица’	норв. strede, дат. stræde ‘узкая улица’	straat ‘улица’
milia (passuum) ‘тысяча (шагов)’	mile ‘миля’	Meile ‘миля’	норв., дат., шв. mil ‘миля’	mijl ‘миля’
saccus ‘мешок’	sack	Sack	норв. sekk, дат. sæk, шв. säck	zak
mur us ‘каменная стена’	(wall)	Mauer	норв., дат., шв. mur	muur
molina ‘мельница’	mill	Mühle	норв., дат. mølle	molen
prunum ‘слива’	plum	Pflaume	норв. plomme, дат. blomme, шв. plommon	pruim

На глубокое влияние латыни указывает тот факт, что заимствовались также прилагательные (например, англ. secure, нем. sicher, норв., дат. sikker, шв. saker, нид. zeker < лат. securus ‘безопасный’) и даже суффиксы (нем., норв., дат. -er, шв. -are < лат. -arius). На племена, удаленные от границы с Римом, влияние было, разумеется, меньше, ср.: ‘сыр’ — англ. cheese, нем. Käse, нид. kaas (< лат. case us) — норв., дат., шв. ost; ‘масло’ — англ. butter, нем. Butter, нид. boter (< лат. butyrum, заимствование из греческого) — норв., дат. smør, шв. smör и т. д.

7. Религия древних германцев. Верховным божеством был бог мудрости, магии, знания рун, покровитель воинов Вóдан/Вуотан (у скандинавов Один), господствовавший над людьми и богами. Он был властителем Вáлхаллы (по-русски обычно Валгáллы), где после смерти обитали павшие в бою. Дóнар (у скандинавов Тор) был богом грома и плодородия, помогал воинам в битвах; он изображался с молотом, которым сокрушал врагов и производил гром. Бог Тиу/Циу (у скандинавов Тю) — бог неба

и погоды, бог войны. Фрейя (у скандинавов также Фригг) — богиня брака и семьи.

Поскольку языческая религия искоренялась христианством, до нас дошли скудные сведения о верованиях континентальных германцев. Однако древнегерманская религия достаточно хорошо представлена в древнеисландских письменных памятниках (особенно в «Младшей Эдде» Снорри Стулусона, созданной в 1222–1225 гг.), и мы располагаем о ней подробными сведениями. Причина этого в том, что язычество в Исландии не подвергалось преследованиям (ниже будет коротко рассказано о некоторых чертах германской мифологии по древнеисландским источникам).

Названные выше боги (кроме Фрейи) принадлежали к главному роду богов — *асов*. Кроме них был род других богов — *ванов*. По мифу, асы и ваны поначалу воевали между собой, но потом примирились и даже обменялись заложниками. По «Младшей Эдде», основную массу богов составляли асы, а ванов было всего трое. В мифе о войне асов и ванов, по-видимому, отразилась смена религий.

В честь древнегерманских богов совершались кровавые обряды: например, у фризов, чтобы умилостивить Водана, вешали подростка, иногда приносимых в жертву топили в болоте. Обычно изображения богов находились в священных рощах, позднее — в храмах (капищах).

Имена древнегерманских божеств сохранились в некоторых современных географических названиях, ср., например, шведский город *Лунд* — первоначально '(священная) роща', столица Норвегии *Осло* — видимо, 'луг или поляна асов' (есть и другое толкование), датский город *Оденсе* — 'капище Одина', центр Фарерских островов *Торсхавн* — 'гавань Тора', немецкий город *Бад-Го́десберг* близ Бонна 'гора Водана' (< Wuodensberg) и многие другие.

Некоторые из этих имен сохранились также в большинстве современных германских названий дней недели — кальках с латыни, в которых имена римских богов заменены именами богов германских. Так, 'вторник' — это 'день Тиу/Тю' (ср. норв. tirsdag), среда 'день Водана/Одина' (ср. норв. onstag), 'четверг' — 'день Донара/Тора' (ср. норв. torsdag), 'пятница' — 'день Фрейи/Фригг' (ср. норв. fredag; первоначально Фрейя и Фригг — это одно имя), 'понедельник' — 'день луны', воскресенье — 'день солнца'.

Примечание. Конечно, не во всех современных германских языках сохранились эти древние обозначения; например, нем. Mittwoch, исл. miðikudagur 'среда' означает середина недели. Во всех современных скандинавских языках название субботы — это первоначально 'банный день'.

Важнейшую роль играли гадания. Гадали по полету птиц, по ржанию белых коней, по жеребьевым палочкам, жрецы — по крови и внутренностям пленных.

8. Фольклор древних германцев. Несомненно, у древних германцев существовало богатое устное народное творчество: мифы, предания, сказания, культовые и обрядовые песни, заклинания, заговоры и т. п. Однако до нас дошло очень немногое (например, записанные в X в. на древневерхненемецком языке «Мерзебургские заклинания»), но этот фольклор широко отражен в значительно более поздних (в первую очередь древнескандинавских) памятниках.

9. Язык древних германцев. Его принято называть германским языком-основой, или прагерманским.

Основные источники наших знаний о прагерманском языке следующие:

1) Рунические надписи (см. ниже).

2) Заимствования в финский и саамский, имевшие место еще в начале нашей эры (приводятся примеры только из современного финского языка): kulta 'золото' (ср. гот. gulþ), rengas 'кольцо' (ср. гот. brings), kuningas 'король' (ср. др.-исл. konungr), kaunis 'красивый' (ср. гот. skauns), kansa 'народ' (ср. гот. hansa 'толпа'), juko 'иго' (ср. гот. juk) и др. Этот источник весьма важен, в частности, потому, что в этих языках в заимствованиях сохранились основообразующие суффиксы и окончания.

3) Германские слова и имена у латинских авторов. У Цезаря встречаются, в частности, следующие слова: urus 'зубр' (двн. uiro, нем. Auerochs), alces (нем. Elche, норв. elg), у Тацита: glesum 'янтарь' (нем. Glas 'стекло'), framea '(германское) копье'; у более поздних авторов: medus 'мед (напиток)', fiado 'лепешка', runa 'руна', harpa 'арфа'. В варварских «правдах» — сводах законов, написанных по-латыни, — встречаются германские вкрапления, например в «Салической правде» durpilus 'сельский житель' (ср. нем. Dorf 'деревня').

4) Местные названия, топонимы: ср. названия норвежских областей Rogaland 'Ругаланн' от названия племени ругиев, Romerike 'Румерике' (< Raumariki) — племени раумов, Trøndelag — племени трендов. В названии датской местности Himmerland (< ддат. Himbersycel) отражено самоназвание племени кимвров и т. д.

5) Готский перевод Библии. До нас дошли отрывки перевода Нового Завета вестготом Вульфилой в IV в. н. э., правда, в более поздних списках остготского происхождения времен расцвета остготского королевства, т. е. V–VI вв.

ГЕРМАНСКИЙ ЯЗЫК-ОСНОВА

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Поскольку памятников германского языка-основы до нас, естественно, не дошло, перечисляемые ниже его черты — результат реконструкции на основании языковых фактов более поздней эпохи, а также названных выше источников. Далее, необходимо иметь в виду, что провести четкую границу между общегерманским языком-основой и скандинавским языком-основой невозможно, разделение материала по этим периодам в некоторых отношениях условно.

10. Ударение. Оно падало на первый (корневой) слог. (Видимо, при отделении германской ветви от индоевропейского языка-основы, т. е. на самом начальном их этапе, ударение было свободным, см. ниже о законе Вернера.) У существительных с приставками ударение падало на первый слог, у приставочных глаголов — на корневой, ср. гот. qiman ‘приходить’, gáqums ‘собрание’ — gaqiman ‘собираться’.

11. Гласные. В древнем общегерманском различались краткие и долгие гласные.

Кратких гласных было всего четыре: **ĭ**, **ĕ**, **ă**, **ŭ**.

Таким образом, отсутствовало краткое **o** (о причине его отсутствия будет сказано ниже).

Долгих гласных было пять: **ā**, **ō**, **ē**, **ū**, **ī**. Дифтонги: **ai**, **au**, **eu** (> **iū**).

Несимметричность рядов кратких и долгих гласных объясняется тем, что два индоевропейских гласных в германском языке-основе претерпели изменения. Они таковы:

индоевропейское краткое **o** (**ŏ**) перешло в германское краткое **a** (**ă**): лат. h**o**stis ‘чужеземец; враг’, ст.-слав. гость — рун. -g**a**stiR, гот. g**a**sts; лат. **o**cto ‘восемь’ — гот. **a**htau, нем. acht; лат. noct- (им. п. nox) ‘ночь’ — гот. nahts, нем. Nacht;

индоевропейское долгое **a** (**ā**) перешло в германское долгое **o** (**ō**): лат. m**ā**ter ‘мать’ — гот. *m**ō**dar (в готской Библии Вульфилы только aiþei), др.-исл. móðir; лат. frāter ‘брат’ — гот. brōþar, др.-исл. bróðir.

12. Аблаут. Аблаутом называют спонтанное (т. е. не обусловленное окружением) чередование гласных в корне, суффиксе и окончании.

Впервые аблаут был описан немецким филологом Якобом Гриммом (1785–1863).

Аблаут унаследован прагерманским от индоевропейского языка-основы, но получил в германских языках специфическое развитие.

Существовали два вида аблаута — качественный и количественный.

Из **качественного** аблаута в индоевропейском языке-основе наиболее распространено было чередование **е** — **о**, ср.: рус. *теку* — *ток*, *гребу* — *гроб* (первоначально 'яма; могила'), *веду* — *водит*, *-вод*, гр. légo 'говорю' — lógos 'слово'. Таким образом, качественный аблаут — это чередование разных звуков.

Количественный аблаут заключался в том, что чередовались краткий и долгий звуки одного качества, а также ноль (ниже обозначается как Ø), т. е. отсутствие звука. Соответственно выделялись три ступени количественного аблаута: нормальная (полная), ступень удлинения и нулевая (ступень редукции). Таким образом, встречались два типа количественного аблаута: а) **ĕ** — **ē** — Ø; б) **ŏ** — **ō** — Ø.

Первая из этих схем часто иллюстрируется примером некоторых форм греческого слова со значением 'отец', ср.:

páter (зват. п.; краткое безударное ĕ, т. е. нормальная ступень),

patḗr ('отец' — им. п.; долгое ударное ē, т. е. ступень удлинения),

patrós ('отца' — род. п.; Ø, нуль звука, т. е. нулевая ступень).

Иногда встречалась комбинация качественного и количественного аблаута.

Германский аблаут выступал, естественно, в несколько иных формах.

Качественный аблаут имел по большей части вид **ĕ** — **ă** — **Ø**. (Как уже говорилось, индоевропейское краткое **о** перешло в германское краткое **а** (**ŏ** > **ă**).) Пример: др.-исл. bera 'нести' — bar 'нес', ср. рус. *беру* — (*от*)*бор*.

Примечание. Следует помнить, что в случаях, приведенных выше и приводимых ниже, гласные без знака долготы (как в древнеисландских словах bera, bar, stela 'красть' и аналогичных) произносились кратко. Удлинение гласных в открытом слоге или формах глагола bære [ˈbæːrə], bar [baːr] — явление значительно более позднее.

Количественный аблаут мог, в частности, иметь следующие варианты: **ĕ** — **Ø**, **ă** — **Ø** (т. е. краткое **е** или краткое **а** чередовались с нулем). Из этого нуля развился специфический звук, называемый *шва секундум* (типа редуцированного **ə**), давший впоследствии краткое **u**. Таким образом, в окончательном виде рассматриваемый вариант получает вид **ĕ** — **ŭ**, **ă** — **ŭ**. Примеры: др.-исл. stela 'красть' — stuldr 'кража', kaldr 'холодный' — kuldi 'холод'.

Особый интерес представляет собой следующий германский вариант индоевропейского количественного аблаута: краткое **а** — долгое **о** (**ă** — **ō**).

Он характерен для VI класса сильных глаголов и сохраняется (естественно, с модификациями) до сих пор в германских языках, ср.:

исл. taka 'брать' — tok 'взял',
англ. take (то же) — took (то же),
норв. ta (то же) — tok (то же),
нем. fahren 'ехать' — fuhr 'ехал',
норв. grave 'копать' — grov 'копал'.

Легко увидеть, что этот вариант германского количественного аблаута представляет собой развитие индоевропейского количественного аблаута **ŏ** — **ō** (краткое **о** — долгое **о**); но, поскольку краткое индоевропейское **о** перешло в краткое германское **а**, о чем уже неоднократно говорилось, аблаут фактически стал одновременно и качественным.

Однако шире всего в древнегерманских языках встречалась комбинация обоих видов аблаута — качественного и количественного.

Наиболее частая форма германского аблаута: ĕ — ă — Ø.

Отчетливее всего аблаут проявляется в сильных глаголах. Их было 7 классов.

Аблаут проявлялся и в суффиксальных морфемах, ср. патронимический (родовой) суффикс **-ing/-ung**: др.-исл. Sturlungar 'Стурлунги' / Ynglingar 'Инглинги', названия племенных союзов готов tervingi/greutungi.

Наконец, аблаут был очень важным словообразовательным средством, примеры чему в изобилии можно найти и в современных германских языках, например: норв., дат. bære 'носить' (< bera) — barn 'ребенок' (первоначальное значение 'выношенный'); нем. binden 'вязать, связывать' — Bund 'союз' — Band 'том'; нид. drinken 'пить' — drank 'напиток, питье' — dronk 'глоток'. В настоящее время новые слова при помощи аблаута не образуются (кроме единичных случаев в исландском языке).

13. Умлаут (перегласовка). Умлаутом, или перегласовкой, называется вид частичной регрессивной ассимиляции, т. е. влияние артикуляции последующего звука (в большинстве случаев гласного) на артикуляцию предыдущего. К примеру, **i** во втором слоге может повлиять на артикуляцию **о** в первом, приближая ее к своей артикуляции — **о...i > ø**. Физиологически в основе регрессивной ассимиляции лежит предвосхищение артикуляции: человек произносит **о**, но при этом его артикуляционный аппарат уже готовится к артикуляции **i**.

Германский умлаут был, как правило, дистантной ассимиляцией, т. е. воздействующий последующий гласный звук был отделен от предыдущего гласного каким-либо согласным или группой согласных. В результате умлаута могли возникать аллофоны, которые впоследствии фонематизировались (превращались в фонемы). Поскольку перегласовки возникали только в определенных позициях, исходная

фонема во многих случаях не изменялась и расщеплялась на две, иначе говоря, происходила дивергенция фонем: сохранялась изначальная — неперегласованная фонема и возникала новая — перегласованная (умлаутизированная).

Умлаут был нескольких видов, и разные его виды возникли в разное время и в разных местах. Для удобства изложения все его виды будут рассмотрены в этом параграфе.

Принято различать *старшие* и *младшие* перегласовки. Старшими перегласовками называются случаи, когда звук, вызвавший их, отпал (например, ***barnu** ‘дети’ > ***bǫru** > др.-исл. **bǫrn**), младшими — когда он сохранился (***kallum** ‘зовем’ > др.-исл. **kǫllum**).

В приводимых ниже описаниях перегласовок перед звуком, вызвавшим их, ставится вертикальная черта, например:

a|u > ǫ,

что обозначает: корневое **a** перед (отпавшим или сохранившимся) **u** перешло в **ǫ**.

Древнейшей перегласовкой считается перегласовка на **-a: u|a > o**. Пример: *hurna — рун. **horna**, норв., дат., шв., исл. horn, нем. Horn. Эта перегласовка осуществилась более последовательно на западе региона, ср.: др.-исл. golf ‘пол’, brott ‘разлом’, дат. gulv, brud. Поскольку она проходила не всегда последовательно, могли возникать пары типа совр. норв. gulv/golv ‘пол’, brudd/brott ‘перелом, разлом’ и аналогичные.

Умлаут на **-i/-j** (палатальная перегласовка) возник, видимо, в V–VI вв.; он отсутствует в древнейших рунических надписях и рукописи готской Библии (V в.). Он заключался в том, что гласные заднего ряда переходили в более передние и более закрытые, т. е. приближались по артикуляции к **i/j**: **a > æ, ä, ɛ, e; a: > æ:, ä:, ɛ:, e:; o > ø, ö; o: > ø:, ö:; u > y, ü; u: > y:, ü:**, например: рун. **-gastir** ‘гость’ — др.-исл. gestr; гот. (как уже упоминалось, в готском этой перегласовки не было) domjan ‘судить’ — др.-исл. dǿma. Была также скандинавская перегласовка **e|i > i**, ср. лат. venus ‘любовь’ и др.-исл. vinr ‘друг’.

Перегласовка на **-u** (лабиальная) — **a|u > ǫ** (огубленное **a**, впоследствии перешедшее в **ö**, в норв. > **o**) — чисто скандинавское явление. Она была особенно характерна для западноскандинавских языков: др.-исл. barn ‘ребенок’ — bǫrn ‘дети’, kalla ‘звать’ — kǫllum ‘зовем’. Перегласовка **a > ö** пронизывает всю современную исландскую морфологию, охватывая даже заимствованные слова, например: gramm ‘грамм’ — grömm ‘граммы’.

Были и другие, более частные, виды умлаута (например, на **-R**).

При полном отпадении окончаний могла возникнуть внутренняя флексия, т. е. чистое чередование гласных в корне, ср.: др.-исл. land ‘страна’ — lǫnd ‘стрáны’.

Умлаут был представлен (и по-прежнему широко представлен в некоторых германских языках — исландском, фарерском, немецком) в словоизменении: др.-исл. langr ‘длинный’ — lengri ‘длиннее’, норв. lang — lengre. В большей части современных германских языков, однако, умлаутированные формы подверглись аналогическому выравниванию, так что их сохранилось совсем немного, например: норв. bok ‘книга’ — bøker ‘книги’, and ‘утка’ — ender ‘утки’, far ‘отец’ — fedre ‘отцы’ и др.

Умлаут — важное словообразовательное средство, ср.: норв. full ‘полный’ — fylle ‘наполнять’, lang ‘длинный’ — lengde ‘длина’, исл. blanda ‘смешивать’ — blönd un ‘смешение, смешивание’, blöndungur ‘карбюратор’ и т. д.

14. Согласные. Ряд согласных в древнегерманских языках, естественно, совпадает с согласными других индоевропейских языков, в частности, сонорные, ср.: лат. nomen ‘имя’, гр. onoma (то же) — гот. name, др.-исл. nafn, норв. navn; лат. mus ‘мышь’, ст.-слав. *мышь* — норв. mus.

Но были и существенные различия; главное из них состояло в том, что в германских языках некоторые индоевропейские типы согласных заменились другими. Этот процесс носит название **первого, или германского, передвижения согласных**. Эта закономерность была установлена датским языковедом Расмусом Раском (1787–1832).

Первое передвижение согласных можно свести к четырем основным типам (из них особенно важны первые два):

1. Индоевропейские **глухие смычные** заменились в германском языке-основе **глухими щелевыми** сходной артикуляции:

а) и.-е. **p** → герм. **f**

б) и.-е. **t** → герм. **þ**

в) и.-е. **k** → герм. **h**

Примечания: 1. Переход в) требует комментария. Глухому смычному **k** соответствует шумный щелевой, а не фарингальный **h**. О том, что на раннем этапе имело место именно такое соотношение, свидетельствуют многочисленные латинские передачи германских имен собственных на **h-** как **ch-** (Chamavi ‘название германского племени’ и др.). Переход **x** > **h** — очевидно, более позднее явление. 2. Звук **þ** был в готском, но в современных германских языках сохранился лишь в исландском и английском, поэтому примеры перехода **t** > **þ** берутся только из этих языков.

Примеры:

а) гр. patér, лат. pater ‘отец’ → гот. fadar, др.-исл. faðir

лат. piscis ‘рыба’ → гот. fisks, др.-исл. fiskr

б) гр. treis, лат. trēs ‘три’ → гот. þreis, др.-исл. þrír

лат. mentum ‘подбородок’ → гот. munþs ‘рот’

в) гр. déka, лат. decem ‘десять’ → гот. taíhun, др.-англ. tehan

гр. kardía, лат. cord ‘сердце’ → гот. haírto, др.-исл. hjarta

2. Индоевропейские **звонкие смычные** заменились в германском языке-основе **глухими смычными** сходной артикуляции:

а) и.-е. **b** → герм. **p**

б) и.-е. **d** → герм. **t**

в) и.-е. **g** → герм. **k**

Примеры:

а) ст.-слав. *слабъ* → гот. slēpan ‘спать’

б) лат. duo ‘два’, рус. *два* → гот. twai, др.-исл. tveir

в) лат. jugum, рус. *иго* → гот. juk, др.-исл. ok

3. Индоевропейские **звонкие смычные придыхательные** заменились в германском языке-основе **звонкими смычными непридыхательными** сходной артикуляции:

а) и.-е. **bh** → герм. **b**

б) и.-е. **dh** → герм. **d**

в) и.-е. **gh** → герм. **g**

Этот переход требует пояснения. Дело в том, что среди древних индоевропейских языков звонкие смычные придыхательные сохранились только в санскрите (**gh** не зарегистрировано и в санскрите); в латыни наблюдаются **f**, **d**, **(h)** и т. д. В германском языке-основе они перешли в соответственно звонкие щелевые непридыхательные (эта промежуточная стадия в приведенной выше таблице не указана), а затем превратились в звонкие смычные.

Примеры:

а) санскр. bhárāmi, гр. phéro, лат. fero ‘несу’ → гот. baíran, др.-исл. bera ‘нести’, норв. bære;

б) санскр. mádhyas, лат. medius ‘средний’ → гот. midjis ‘середина’, др.-исл. miðr ‘средний, срединный’, норв. mid- (middag ‘полдень’, midnatt ‘полночь’);

в) лат. hostis ‘враг’, ст.-слав. *гость* ‘иноземный купец’ → гот. gasts, др.-исл. gestr, норв. gjest.

4. Индоевропейские **огубленные** (лабиализованные) **смычные заднеязычные** заменились в германском языке-основе следующими звуками:

а) и.-е. $\mathbf{k^w}$ → герм. $\mathbf{h^w}$

б) и.-е. $\mathbf{g^w}$ → герм. $\mathbf{g^w}$

Примеры:

а) лат. quod ‘что’ → др.-исл. hvat, норв. hva

б) гр. gunē ‘женщина’ ст.-слав. *жена* → гот. qinō, норв. kvinne

Передвижения согласных не было в двух случаях:

1. После щелевого звука **s**:

гр. astēr, лат. stella ‘звезда’ → др.-исл. stjarna, норв. Stjerne

лат. piscis ‘рыба’ → др.-исл. fiskr, гот. fisks, норв. fisk

2. В группе из двух смычных в щелевой переходил только первый из них, тогда как второй сохранял свое качество:

гр. okto, лат. octō 'восемь' → гот. ahtau, др.-англ. Eahta

лат. noct (им. п. nox) 'ночь' → гот. nahts, нем. Nacht

15. Закон Вернера. Правила германского передвижения согласных были описаны в первой четверти XIX в. Со временем, однако, накопился массив фактов, которые не укладывались в эти правила. Это касалось щелевых; обнаружился ряд случаев, когда вместо ожидаемого по правилу глухого щелевого (например, **þ**) в древних текстах выступал его звонкий коррелят (**ð**). Эти факты не находили своего объяснения почти 60 лет.

Объяснил механизм этих исключений в своей очень краткой статье, опубликованной в **1877 г.**, датский ученый **Карл Вернер** (1846–1896). Установленная им закономерность вошла в германистику под названием «закон Вернера».

Вернер связал глухость/звонкость щелевых с индоевропейским ударением. По Вернеру, щелевой был глухим, если древнее индоевропейское ударение падало на гласный, предшествующий этому щелевому; в противном случае, т. е. когда ударение падало на гласный, следующий за щелевым, он был звонким. К. Вернер доказал это, сравнивая отдельные германские формы с формами индоевропейских языков с подвижным ударением.

Сравним два готских слова — brōþkar 'брат' и fadar [-ð-] 'отец'. Для того чтобы доказать закономерность звонкого щелевого **ð** во втором слове, Вернер сравнил ударение в этимологически соответствующих словах в некоторых других индоевропейских языках, а именно:

гот. brōþar и гр. phrāter (долгое ударное **a**!) 'член фратрии'

и

гот. fadar [-ð-] и гр. patēr (долгое ударное **e**!) 'отец'.

Отсюда можно вывести условную обобщенную формулу закона Вернера:

áþa — aðá,

где **a** обозначает любой гласный (**á** — ударный, **a** — безударный), **þ** — любой глухой щелевой, а **ð** — любой звонкий щелевой.

Аналогично: **áha** — **aγá** (щелевое **g**), **ása** — **azá** и т. д. Примеры: гр. déka, рус. *де́сять* — гот. taihan, двн. zehan // гр. dekás, рус. *деся́той* — гот. tigjus, двн. -zug, рус. *свёкор* — двн. swehur // рус. *свекро́вь* — двн. swigar, норв. svoger 'шурин; деверь'.

Примечание. Следует пояснить, почему в приведенных выше русских примерах вместо **[k]** выступает **[s]**. Дело в том, что в отношении этого звука (< и.-е. ***k'** — палатализованного [k]) индоевропейские языки делятся на две группы, которые принято называть группой centum [k-] (лат. 'сто') и группой sátem (древнеперсидское слово с тем же значением). Германские языки относятся к первой

из этих групп, славянские — ко второй. Ср. также приведенный выше пример, лат. cord — рус. *сердце*.

Рассмотрим более сложный пример. Древнегерманские сильные глаголы имели четыре основные формы; инфинитив, ед. ч. претерита (простого прошедшего времени), мн. ч. претерита и причастие II. В первых двух ударение на этапе формирования германских языков падало на первый (корневой) слог, во вторых двух — на окончание.

Как говорилось выше, общая формула аблаута у первых пяти классов сильных глаголов имела вид **e** — **a** — **Ø**. Для первой из названных четырех форм было характерно **e** (вопрос о его варьировании оставим пока в стороне), для второй — **a**, а для третьей и четвертой — **Ø** (нуль звука, реализовавшийся или как **u**, или иначе). Для простоты изложения ряд деталей здесь опущен.

Рассмотрим формы древнеисландского сильного глагола II класса **kjósa** 'выбирать' (полужирным шрифтом набраны изначально ударные слоги, светлым — изначально безударные: k**jó**sa — k**au**s — kur**um**/kör**um** — kor**it**/kör**it**.

В первой форме вместо **e** выступает сочетание **jó**, возникшее из-за того, что для всех форм это класса сильных глаголов было характерно неслоговое **u** (значение его неясно), вследствие чего произошло развитие **eu** → **ju** → **jú** → **jó**. Вторая форма была односложной и, следовательно, ударной (**a** + **u** > **au**). Звук и в третьей форме объясняется тем, что в первом ее слоге (безударном!) была нулевая ступень, осложненная неслоговым **u**, т. е. **0** + **u** > **u**. Звук **o** в четвертой форме (причастии II) объясняется перегласовкой на **a** (детали опущены).

Нас в связи с этим, естественно, интересуют срединные согласные. В первой и второй формах изначальное **s**, следовавшее за ударным согласным, осталось без изменений. Звук **r** в третьей и четвертой формах восходит к **z**, который затем перешел в звук, обозначавшийся в руническом как **R**. Впоследствии фонемы **R** и **r** слились в одну (/**r**/), и именно она представлена в приведенном примере (т. е. произошло развитие **z** > **R** > **r**). Звук **ø** (< **u**) — результат так называемой перегласовки на **R**.

Таким образом, обобщенная схема ударений сильных глаголов первых пяти классов выглядит так (заштрихованы ударные слоги):

Разумеется, чередования по закону Вернера были позже затемнены последующим развитием согласных в отдельных языках или их группах и аналогичными выравниваниями, ср., например, гот. brōþar 'брат', fadar [-ð-] 'отец' и др.-исл. bróðir, faðir.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

16. Морфологическая структура слова. Индоевропейское слово (имя, глагол) характеризовалось **трехморфемной структурой** (не считая возможной приставки и словообразовательного суффикса). Оно состояло из корня, основообразующего суффикса и окончания, т. е. имело следующий вид:

корень + основообразующий суффикс + окончание

Понятия корня и окончания комментариев не требуют. Напротив, понятие основообразующего суффикса нуждается в пояснении. Для этого рассмотрим элементарный пример.

В ряде русских терминов родства наличествует элемент **-р-**: *матери*, *дочери* (ср. более старые формы им. п. *матерь*, *дочерь*), ст.-слав. *братрѣ*, ср. также лат. pate**r**, гр. patē**r** (рус. *отец* другого корня). Из этого можно заключить, что для терминов родства (не всех, конечно) был характерен основообразующий суффикс **-r-**.

Значение индоевропейских основообразующих суффиксов, за единичными исключениями типа вышеприведенного, установить не удается. Видимо, с помощью этих суффиксов слова делились по значению на различные классы (категории), т. е. ими осуществлялась какая-то категоризация окружающего мира, но ее основания нам не ясны.

Некой параллелью (правда, весьма приблизительной) рассматриваемого членения лексики являются классы в некоторых языках, в частности в языке зулу в Юго-Западной Африке. Там существительные делятся на классы людей, деревьев и рек, вещей, животных и т. д. (изложение упрощено, на деле положение сложнее), и каждый класс имеет в этом языке свой префиксальный показатель.

О грамматическом роде речь пойдет ниже, но в данной связи следует отметить, что основание распределения существительных по родам в современных языках тоже далеко не всегда ясно. Не удается объяснить, например, почему в современном ирландском языке существительное magi 'желудок' мужского рода, существительное lifur 'печень' — женского, а существительное hjarta 'сердце' — среднего (сходное положение в норвежском языке).

Даже в дошедших до нас памятниках на самых древних языках основообразующие суффиксы прослеживаются неполно. С другой стороны, некоторые из них, точнее осколки этой древней системы, сохранились в ряде языков и по сей день. Так, например, реликты древнего основообразующего суффикса **u** прослеживаются в рус. *мед* — *медвяный*, *сын* — *сыновья*, *сыновний*.

Членение существительных по основам хронологически предшествует их членению по грамматическим родам.

В древних германских языках, за исключением рунического и отчасти готского, трехморфемная структура слова почти не сохранилась. Причину усматривают в том, что германский перенос ударения на первый слог способствовал выделению корня как носителя лексического значения и окончания как грамматического показателя, т. е. **развитию двухморфемной структуры слова**. Основообразующий суффикс постепенно исчез; он большей частью слился с окончанием (был поглощен им), либо сам стал окончанием, либо слился с корнем.

Вместе с тем, как сказано, старая трехморфемная структура слова кое-где просматривается в древних текстах. Например:

а) рун. -gast**i**R 'гость', ср. др.-исл. gestr;

б) в окончаниях дат. п. мн. ч. в готском: dag**a**m 'дням', gast**i**m 'гостям', gib**ō**m 'дарам', sun**u**m 'сыновьям'.

В дальнейшем для краткости наряду со словосочетанием «корень с основообразующим суффиксом...» будет использоваться термин «основа на...» (например, основа на **a**).

Разные основы в дальнейшем распределились, как правило, по разным грамматическим родам.

Германский язык-основа унаследовал от индоевропейского целый ряд основообразующих суффиксов. Они составляли 3 группы: основы на гласные, основы на согласные и корневые основы (т. е. без основообразующего суффикса).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Основы существительных

17. Основы на гласные. Основных видов их было четыре: **a**, **ō**, **i**, **u**.

К основам на **a** (< и.-е. **o**) относились существительные мужского и среднего рода, например, м. р.: гот. dags 'день', др.-исл. karl 'мужчина'; ср. р.: гот., др.-исл. barn 'дитя', др.-исл. vár 'весна'. Суффикс **a** также имел осложненные варианты **ja** и **wa**.

Основы на **ō** (< и.-е. **ā**) были характерны только для существительных женского рода: гот. halba 'половина', др.-исл. gjǫf 'дар'. Суффикс **ō** также имел осложненные варианты **jō** и **wō**.

Основы на **i** (и.-е. **i**) были характерны для существительных как мужского, так и женского рода, например, м. р.: др.-исл. vinr 'друг', гот. gards 'дом, двор; семья'; ж. р.: др.-исл. brúðr 'невеста', гот. libains 'жизнь'.

Наконец, основы на **u**, соответствующие индоевропейским основам на **u**, встречались у существительных всех трех грамматических родов,

но особенно у мужского рода, ср.: м. р.: гот. sunus, др.-исл. sonr ‘сын’; ж. р.: др.-исл. hǫnd, гот. handus ‘рука’, др.-исл. brúðr ‘невеста; ср. р.: гот. faíhu ‘имущество’.

18. Основы на согласные. Наиболее распространены были основы на **n**. Эти основы выступали в осложненных вариантах, дифференцировавших их по родам.

Для существительных мужского рода и некоторых среднего рода были характерны основы на **an/in**. Однако в формах им. п. ед. ч. звук **n** в этом основообразующем суффиксе в древнегерманских языках не засвидетельствован (ср. его отпадение в конечной позиции в других языках, например в некоторых латинских существительных типа sérmo ‘разговор’, род. п. sermónis). Поэтому существительные приводятся ниже в двух формах: им. п. ед. ч. и род. п. ед. ч.:

гот. м. р.: guma ‘муж’ — gumins; ср. р.: haírto ‘сердце’ — haitins

др.-исл. м. р.: hani ‘петух’ — hana (< hanan), ср. р.: hjarta — hjarta (< hjartan)

Основы на **ōn/īn** относились к женскому роду. В них так же, как и у существительных мужского и среднего рода, в им. п. ед. ч. **n** отсутствовало, ср. лексему ‘язык’ в именительном и родительном падежах:

гот. tuggō [-ŋ-] — tuggōns, двн. zunga — zungūn, др.-англ. tunȝe — tunȝan.

В древнеисландском языке конечное **n**, как правило, отпало, поэтому парадигмы основ на **n** (за исключением одного типа) имеют одинаковые формы во всех косвенных падежах ед. ч., ср. исл.

склонение на **an** м. р.: tími ‘час’ — род., дат., вин. п. tíma;

склонение на **an** ср. р.: lunga ‘легкое’ — род., дат., вин. и. lunga;

склонение на **ōn** ж. р.: gata ‘улица’ — род., дат., вин. п. götu (**ö** < ǫ — результат перегласовки на **u**);

склонение на **īn** ж. р.: gleði ‘радость’ — род., дат., вин. п. gleði.

Основы на **n**, как уже сказано, составляли основную массу основ на согласный. Остальные основы на согласный были немногочисленны:

основы на **r** (м. и ж. р.) — это, как уже упоминалось, термины родства (примеры см. выше);

основы на **s** (ср. р.) типа лат. genus ‘род’ в древнегерманских языках весьма немногочисленны. Они лучше сохранились в древнеанглийском и отчасти в древневерхненемецком. По правилу ротацизма в этих языках представлено не **s**, а **r** (< **z** < **s**), ср. лексему ‘ягненок’ в им. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. др.-англ., двн. lamb — соответственно lambru, lembir (**e** — результат перегласовки на **i**).

П р и м е ч а н и е. Характерно, что несколько основ на **s** сохранилось в руском языке, ср. *небо* — *небеса*, *небесный*, *чудо* — *чудеса*, *чудесный*, *тело* — *телесный* и шутл. *телеса*, *слово* — *словесный* и ирон. *словеса*, ср. также устар. *очеса* (от *око*).

Немногочисленный класс индоевропейских основ на **nt** по происхождению — субстантивированные причастия I. К этому классу восходят, в частности, две лексемы, широко употребительные и в современных германских языках (основы на **nd**):

гот. frȳōn 'любить' — норв., дат. frænde, исл. frændi, шв. frände 'родич'; англ. friend, нем. Freund, нид. vriend 'друг';

гот. fijan 'ненавидеть' — гот. fijands, норв., шв. fiende, дат. fjende, исл. fjandi 'враг', нем. Feind, нид. vijand 'враг'.

19. Корневые основы. Как подсказывает название, существительные этого класса не имели основообразующего суффикса, и окончание присоединялось непосредственно к корню. Классическими примерами корневых основ являлись такие слова, как гот. baúrgs 'город', др.-исл. fótr 'нога'. В некоторых древнегерманских языках у существительных с корневой основой в отдельных формах наблюдалась перегласовка на **i**: др.-исл. maðr (< *mannr) 'человек' — menn 'люди', hǫnd 'рука' — hendr 'ру́ки'.

Этот класс был весьма немногочислен и неустойчив, и ряд слов из него перестраивался но моделям других основ.

20. Некоторые важные положения:

1. Основы на **n** дали впоследствии так называемое **слабое** склонение, все прочие — так называемое **сильное** склонение.

2. **Разные основы имели разные парадигмы.** Разумеется, некоторые элементы у разных парадигм и даже в пределах одной парадигмы могли совпадать (т. е. наблюдалась омонимия форм), но это не меняет существа дела.

3. Среди типов основ были **продуктивные**, регулярные, экспандирующие и непродуктивные, остаточные. К **числу продуктивных, экспандирующих основ относились основы на a, ō, i, n**, к числу остаточных, «неиндуцирующих» — остальные.

21. Склонение существительных. Древнегерманские существительные обладали категориями рода, числа и падежа.

Грамматических **родов** было три: мужской, женский и средний. Как сказано выше, древние основы определенным образом распределились по грамматическим родам.

Число. Разумеется, различались единственное и множественное число. Двойственное число у существительных не зарегистрировано, оно было только у местоимений.

Падеж. В индоевропейском языке-основе насчитывалось 8 падежей: именительный родительный, дательный, винительный, вокатив (звательный), аблатив (отложительный), локатив (местный), инструменталис (орудийный, творительный). **В дошедших до нас древнегерманских памятниках господствовала четырехпадежиая система**: именитель-

ный, родительный, дательный, винительный. Лишь у некоторых основ в древневерхненемецком были формы инструменталиса, а в готском у основ на **u** был звательный падеж. **Падежные окончания одновременно выражали и число.**

Артикль развивается позднее, в следующий период.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

22. Склонение прилагательных. Изначально в индоевропейском языке-основе существовала единая категория имени. Выделение прилагательного из этой единой категории — явление более позднее.

Древнегерманские прилагательные имели два типа склонения — сильное и слабое.

Сильное склонение восходит к индоевропейскому склонению и происходило по основам; мужской и средний род изменялся как существительное с основой на **a** (< и.-е. **o**), а женский род — как основа на **ō** (< и.-е. **ā**). Впоследствии в парадигму сильного прилагательного проникают элементы склонения указательных местоимений, ср. др.-исл. blind**an** (вин. п. от blindr ‘слепой’), где **-an** — местоименное окончание.

Слабое склонение является германской инновацией. Слабые прилагательные изменялись как основы на **n**, ср. др.-исл. м. р. им. п. hvíti ‘белый’ — род., дат., вин. п. ед. ч. hvita. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что слабое прилагательное употреблялось как постоянный эпитет (после существительного, обычно имени) или при определенном существительном (при наличии артикля и т. п.).

23. Степени сравнения прилагательных. Сравнительная степень образовывалась при помощи суффиксов **-iz-/-ōz-**; в северных и западных германских языках — в результате ротацизма **-if-/-ōr-**. Превосходную степень образовывали суффиксы **-ist/-ōst**. У некоторых высокочастотных прилагательных степени сравнения образовывались супплетивно (т. е. от разных основ), ср. др.-исл. góðr ‘хороший’ — betri — beztr, двн. luȝȝil [-s:-] ‘маленький’ — minniro — minnist, норв. mange ‘многие’ — flere — fiest.

ГЛАГОЛ

24. Классификация глаголов. В древнегерманских языках было два основных типа глаголов — сильные и слабые. Помимо этого были претерито-презентные и неправильные глаголы.

25. Сильные глаголы — это глаголы, образующие основные формы по аблауту. Было **7 классов** сильных глаголов (VII класса занимает среди них особое место, см. ниже). Уже говорилось в связи с другим вопросом, что древнегерманские сильные глаголы имели четыре основные

формы: инфинитив, ед. ч. претерита (простого прошедшего времени), мн. ч. претерита и причастие II (у большинства современных германских языков ед. и мн. ч. претерита имеет одинаковую огласовку, т. е. три формы — инфинитив, претерит и причастие II).

Первые пять классов характеризовались качественно-количественным аблаутом (**e** — **a** — **Ø** — **Ø**). В первых двух формах ударение на самом раннем этапе становления германских языков падало на первый (корневой) слог, и в них выступали **e** в инфинитиве и **a** в претерите ед. ч., во вторых двух — на окончание, и поэтому там был изначально ноль звука. В I классе первоначально было неслоговое **i**, во II классе — неслоговое **u** (функции этих инфиксов неясны), и эти звуки образовывали с корневыми комбинации, отличавшиеся по языкам. Что касается III–V классов, гласные в их формах несколько различались в зависимости от согласных, следовавших за основным гласным (сонорный или s + шумный либо долгий сонорный; сонорный; шумный), и здесь также наблюдались различия между языками.

Не углубляясь в детали, проиллюстрируем сказанное классами древнеисландских сильных глаголов (у причастий приводится форма мужского рода):

I класс: ríða ‘ехать верхом’ — reið — riðum — riðinn
II класс: skjóta ‘стрелять’ — skaut — skutum — skotinn
III класс: bresta ‘лопаться’ — brast — brustum — brostinn
IV класс: bera ‘нести’ — bar — bárum — borinn
V класс: gefa ‘давать’ — gaf — gáfum — gefinn
В **VI классе** имел место количественный аблаут:
fara ‘ехать’ — fór — fórum — farinn

Иначе образовывались основные формы сильных глаголов VII класса. Они изначально строились на **редупликации**, т. е. удвоении. Редупликация заключалась в том, что в ед. и мн. ч. претерита к корневому элементу, например hait- у готского глагола haitan ‘звать-(ся)’, спереди присоединялся безударный слог, который состоял из начального согласного этого глагола + гласного [ɛ] (на письме **ai**), т. е.

haitan — haí**hait** — haí**hait**um — **hai**tans.

Примечание. Во избежание недоразумения напомним, что готское сочетание букв **aí** обозначает [ɛ], а сочетание **ai** (без знака ударения!) — дифтонг ai. Во всех только что приведенных формах глагола haitan ударение падало на hait, т. е. на первый слог в первый и четвертый формах и на второй — во второй и третий (ударные слоги в приведенном примере выделены полужирным шрифтом).

В готском наблюдались и иные варианты редупликации, например (приводятся только формы инфинитива и ед. ч. прош. вр.): aukan ‘увеличиваться’ — aíauk, letan ‘оставлять’ — laílot [**o:**] и др.

В древнеисландском языке следы редупликации есть только у пяти глаголов, например: sá ‘сеять’ — sera (< *seRō < *sezō< *sesō; ударение на втором слоге!). У других древнеислаидских глаголов этого класса наблюдается лишь особое чередование гласных.

Разумеется, со временем глаголы этого класса в германских языках значительно изменились, ср.: ‘звать’ норв. la — lot, нем. lassen — ließ. Часть их вообще перешла в слабые, например норв. øke ‘увеличивать’ — økte.

Примечание. Редупликация прослеживается кое-где в глагольных формах других индоевропейских языков. Видимо, с ее помощью образовались формы перфекта, ср.: лат. tango ‘касаюсь’ — перф. tétigi, pango ‘вбиваю’ — перф. pépigi. Есть случаи редупликации в перфекте и у греческого глагола. Ср. также рус. *дадим*, *дадите*, *дадут*.

Уже в самых древних памятниках на древнегерманских языках сильные глаголы были «закрытым классом», т. е. образование форм при помощи аблаута не было продуктивным грамматическим средством. Однако сильные глаголы оказались живучими: они есть во всех живых германских языках (кроме африкаанс). Число их в среднем — сотня-полторы, очень многие перешли в разряд слабых, ср., например, ‘читать’ нем. lessen — las — gelesen (сильный глагол) и норв. lese — leste — lest (слабый глагол). Лишь в современном исландском, наиболее архаичном из германских языков, их более трехсот.

Единственный случай перехода слабого глагола в разряд сильных — глагол со значением ‘писать’ (< лат. scribere) в континентальных скандинавских языках: норв., дат. skrive — skrev — skrevet, шв. skriva — skrev — skrivit. Это произошло по аналогии с сильными глаголами I класса типа норв. rive ‘рвать’ — rev — revet.

26. Слабые глаголы. Основной признак слабых глаголов — образование форм прошедшего времени и причастия II при помощи так называемого **дентального суффикса**, т. е. звуков **t**, **d**, **ð**, **þ**.

Этот суффикс, как предполагается, имеет два разных источника, или прототипа.

Первый из них — суффиксация форм претерита глагола со значением ‘делать’ *dōn (ср. нем. tun, англ. do, нид. doen, а также нем. Tat, норв., шв., дат. dåd ‘деяние’), возводимому к и.-е. *dhē/*dhō (с этим корнем связывают также русские слова *деть*, *дело*, *одежда*). Пример: гот. hausi**dedum** ‘мы слышали’.

Второй — это и.-е. суффикс * **-to-**, представленный в причастии II некоторых языков, ср. лат. dico ‘говорю’ — dictum ‘сказанное’, рус. *би-л — би-т-ый*.

Впрочем, в вопросе о происхождении германского дентального суффикса в названных формах есть спорные моменты.

По основообразующим суффиксам различалось 4 класса слабых глаголов. Существенно, что из всех древнегерманских языков четко они прослеживаются только в готском.

I класс включал в себя основы на **-ja**, например: гот. hausjan 'слушать', др.-исл. spyrja 'спрашивать'. Этот класс охватывал, в частности, многочисленные глаголы, образованные от существительных и прилагательных, ср.: гот. dauþjan 'убивать' (dauþus 'смерть'), др.-исл. dǿma 'судить' (dómr 'суд; суждение'). К нему относилось также множество каузативных глаголов (со значением побуждения к действию), например: гот. satjan 'сажать' (sitan 'сидеть'), двн. hôhen 'поднимать' (hôh 'высокий'), др.-англ. leçʒan [-g´:-] 'класть' (licʒan 'лежать').

II класс (с основой на **ō**) охватывал первоначально по преимуществу отыменные глаголы, т. е. образованные от имен. Примеры: др.-исл. kalla 'называть', гот. fīskosn 'удить рыбу', др.-англ. sorʒian 'горевать'.

III класс — с основой на **ai**, представленной в этом виде только в готском, был немногочислен (приводятся формы инфинитива и претерита глагола со значением 'иметь'): гот. haban — habaida, др.-исл. hafa — hafði, двн. habên — habêta, др.-англ. habban — hæfde.

IV класс (основа на **na/nō)** был особым морфологическим классом только в готском. Значение глаголов этого класса — приобретение признака, выраженного корнем, например fullnan 'наполняться'.

27. Претерито-презентные глаголы. Они называются так потому, что у них форма настоящего времени (презенса) по происхождению является формой претерита (сильного глагола). Примеры (лексема 'знать'; приводятся формы инфинитива и 1 л. ед. ч. наст. вр.):

др.-исл. vita — ek veit, ср. grípa 'хватать' — ek greip 'я схватил';
гот. witan — ik wait, ср. greípan 'хватать' — ik graip 'я схватил';
норв. vite — jeg vet, ср. gripe 'хватать' — jeg grep 'я схватил'.

К этому классу относился еще ряд глаголов, по преимуществу модальных. Для них было характерно чередование гласных, нетипичное для I–VI класса сильных глаголов, ср. (приводятся только формы инфинитива и 1 л. ед. ч. наст. вр.), др.-исл. kunna 'мочь' — kann, þurfa 'нуждаться' — þarf, skulu 'долженствовать' — skal и некоторые другие.

Возникновение данного явления связано с тем, что форма претерита у таких глаголов первоначально имела перфектное значение, т. е. значение результата предшествующего действия. Так, др.-исл. veit 'знаю' ранее значило 'я узнал (и поэтому знаю)', др.-исл. á (от eiga 'владеть', < *aih, рун. **aih** 'я завладел (и поэтому владею)').

Впоследствии возникла потребность в претеритальных формах с претеритальным значением. Они были образованы с помощью дентального суффикса от основы мн. ч., например, др.-исл. vissa (< *vitta < *vitþa) 'я знал', átta (< aihta) 'я владел'.

28. Неправильные глаголы. Из нескольких неправильных древнегерманских глаголов, т. е. глаголов с индивидуальными парадигмами, рассмотрим два — глаголы со значением 'быть' и 'хотеть'. Самоочевидно, что это весьма высокочастотные глаголы.

Глагол со значением 'быть' — гот. wisan, др.-исл. vera (более ранняя форма vesa), др.-англ. wesan и т. д. — супплетивный, т. е. разные его формы образованы от разных корней. Таких корней три: ***es-**, ***u̯es-** и ***bhu-**. Все они представлены в индоевропейских языках.

Первый из них — ***es-** особенно широко встречается в формах презенса: гот. is, др.-исл. ert (2-е л. ед. ч.; **r < z < s**), гот., нем. ist, др.-исл. er, англ., нид. is (3-е л. ед. ч.), норв., дат. er, шв. är (все лица и числа) и др. В инфинитиве типа нем. sein, нид. zijn представлена нулевая ступень аблаута, равно как и в презенсных формах мн. ч. типа нем. sind, seid, sind (ср. рус. *суть*) и т. д. То же в императивных формах типа нем. sei(d) 'будь(те)' и др.

Корень ***u̯es-** также широко представлен в германских языках, ср. приведенные выше инфинитивы: гот. wisan, др.-исл. vera/более старое vesa, др.-англ. wesan, двн. wêsan, норв., дат. være, шв. vara и др. Он господствует в формах претерита (как примеры даны формы 1-е и 3-е л. ед. ч.): норв. дат., шв., исл., фар. var, нем. war, англ., нид. was и др.

Наконец, корень ***bhu-** (ср. рус. *быть*) наблюдается в английском инфинитиве (и сослагательное наклонение) be, в немецких формах 1-е и 2-е л. ед. ч. наст. вр. bin, bist, во мн. ч. наст. вр. фриз. binne (все лица). Этот корень не представлен в скандинавских формах глагола со значением 'быть'.

Глагол со значением **'хотеть'** (гот. wiljan, др.-исл. vilja, англ. will, нем. wollen и т. д.) имеет во всех германских языках особую парадигму.

К неправильным относятся также западногерманский глагол со значением 'делать' (англ. do, нем. tun, нид. dwaan и т. д.) и некоторые другие.

ДРЕВНИЕ СКАНДИНАВЫ

29. Древнескандинавские племена. Когда в Скандинавии появились племена, говорившие на германских языках, точно неизвестно. Древнейшие сведения о Скандинавии относятся к первым векам до нашей эры. Видимо, к этому времени уже вся Дания и значительная часть Скандинавского полуострова были заселены германцами. Однако сведения о них, сообщаемые античными историками и географами, скудны, неполны и нередко противоречат другу, так что воссоздать картину расселения германских племен в Скандинавии в начале нашей эры можно только приблизительно. К значительно более поздним источникам относятся написанные на латыни труды немецкого историка Адама Бременского (XI в.) и датского историка Саксона Грамматика (ок. 1040–ок. 1208), автора «Деяний датчан».

Ряд племен, первоначально живших на территории Скандинавии, покидает свою родину и устремляется за тысячи километров в Центральную и Южную Европу.

Так, *кимвры* и *тевтоны*, жившие на севере Ютландского полуострова, сталкиваются с Римом еще в конце II в. до н. э. Проживавшие к югу от них *англы* и *юты* переселяются в V–VI вв. на Британские острова. Племенное название *данов* впервые упоминается лишь в VI в.; согласно готскому историку Иордáну, они пришли в III–IV вв. из Швеции и поселились на датских островах, изгнав живших там *герулов*, и в Ютландии. Герулы ушли в Центральную Европу, но в VI в. вернулись на юг Швеции. На острове Зеландия, очевидно, жило племя *силингов*, отсамоназвания которого произошло название острова (дат. Sjælland, др.-дат. Selund). В Ютландии жили также *харуды*, впоследствии оказовавшиеся в Западной Норвегии, в области, ныне носящей название *Хордаланд* (фюльке Hordaland, др.-норв. Hǫrðaland).

На территории Норвегии южнее упомянутых харудов жили *ругии* (rygir), названные еще у Тацита rugii; отсюда сохраняющиеся до сих пор названия фюльке *Ругаланн* (Rogaland) и области Ryfylke на севере Ругаланна. Другие племена: *эгды* (egðir; на территории современных фюльке Vest-Agder и Aust-Agder), *раумии* (raumar; в латинизированной форме rumaricia как название народа встречается в VI в. у Иордана, откуда название исторической области Romerike и, возможно, района Осло Romsås) и *трёнды* (þrœndr, откуда название фюльке Trøndelag и города Trondheim).

Название *Норвегия* (норв. Norge) возникло, по всей видимости, позже. В источниках IX в. встречаются формы, представляющие собой искаженное сложное слово *Norðvegr, т. е. ‘северный путь, северная местность’. Оно возникло у более южных племен и первоначально, очевидно, обозначало морской путь вдоль побережья Норвегии, а затем было распространено на области, прилегающие к нему.

В нынешней Центральной Швеции жило крупное племя *свионов*, или *свеев*. От их названия произошло слово Sverige ‘Швеция’ (< др.-шв. Svearike ‘страна свеев’). К юго-западу от свионов жили *гауты*, или *гёты*; в этимологическом родстве с этим племенным названием находится самоназвание *готов*.

Название *Скандинавия* (Scandinavia из более старого — у римского ученого и писателя Плиния Старшего I в. н. э. — Scadinavia) — латинизированная форма германского названия, которое сохранилось в современном названии области *Сконе* (Skåne, ср. др.-исл. Skáney) в Южной Швеции. Первый член этого сложного существительного — очевидно, праскандинавское *skaðin ‘вред, опасность’, второй — праскандинавское *aujā ‘остров’, т. е. слово, надо полагать, означавшее ‘опасный остров’ (создавшие его не знали, что Скандинавия — полуостров). У ряда авторов встречается и краткая форма этого названия — Scandia (< *Skaðnia).

В первые века нашей эры скандинавские племена жили в условиях первобытно-общинного строя, примерно так, как описано выше.

В ряде мест начинают складываться племенные союзы, объединяющие мелкие разрозненные племена. Такими племенными объединениями, по-видимому, были даны и свионы.

Мореплавание было развито в Скандинавии задолго до нашей эры: наскальные изображения кораблей, сохранившихся в ряде мест Скандинавии и насчитывающих около трех тысячелетий, по своим контурам поразительно схожи с формой кораблей эпохи викингов.

Уже в первые века нашей эры у скандинавских племен были интенсивные торговые связи с Римской империей. Один из торговых путей из Скандинавии в Рим пролегал через остров Готланд, по Балтийскому морю и Висле, другой — через южную Ютландию, вдоль побережья Северного моря и вверх по Рейну. Позднее (в VII–VIII вв.) усилились торговые связи скандинавских племен с германскими племенами, жившими на континенте (особенно с франками), в VI–VII вв. существовали оживленные связи с фризами.

Приблизительно до VIII в. скандинавы говорили на одном языке — скандинавском языке-основе, или праскандинавском, древнескандинавском (норв. urnordisk). Основной источник наших знаний о нем — надписи старшими рунами.

СКАНДИНАВСКИЙ ЯЗЫК-ОСНОВА

30. Примерная периодизация скандинавского языка-основы. Данных для более или менее точной периодизации этого большого периода, естественно, не имеется. Принято выделять рунический период (приблизительно с начала нашей эры по VIII в. включительно) и эпоху викингов (примерно с IX по XI в.).

О скандинавском языке-основе можно судить не только по таким «непосредственным» источникам данного периода, какими являются рунические надписи. Очевидно, в эпоху праскандинавского языка возникли те литературные произведения, которые дошли до нас в гораздо более поздней форме — произведениях древнейших скальдов, «Старшей Эдде» и сагах.

31. Разделение германского языка-основы. Выше были рассмотрены основные особенности строя германского языка-основы, или прагерманского. Он постепенно разделился на 3 группы: северогерманский, восточногерманский и западногерманский языки-основы. Вполне очевидно, что это разделение протекало на протяжении весьма длительного периода и неравномерно, вследствие чего некоторые черты у этих групп оказываются как общими для разных пар групп, так и характерными лишь для одной из групп.

Сначала будут рассмотрены черты, общие для скандинавского языка-основы и других групп.

32. Северогерманская/восточногерманская особенность — гуттурализация (закон Хольцмана). Наличие черты у северогерманского языка-основы, общего с восточногерманским языком-основой (готским), часто называемой в германистике гото-скандинавской особенностью, объясняется тем, что готы переселились на континент, в устье Вислы, из Скандинавии на рубеже старой и новой эры.

Гуттурализация заключалась в том, что находящиеся на границе двух слогов долгие (полу)гласные **-jj-** (-i̯i̯-) и **-ww-** (-u̯u̯-) усилились в этих двух группах языков; первая их часть развилась в смычный звонкий заднеязычный, гуттуральный **g**, так что возникли сочетания **-ggj-** (в готском **-ddj-**) и **-ggw-** (др.-исл. **-ggv-**). Эта закономерность была описана в 1836 г. немецким филологом Хольцманом и получила название «закон Хольцмана».

33. Северогерманская/западногерманская особенность (ротацизм). Наличие сходной черты у северо- и западногерманских групп принято объяснять действием закономерностей, или тенденций, заложенных в самом германском языке-основе еще до обособления отдельных его групп, но не проявившейся в восточногерманском (готском). Эта черта носит название ротацизма. Данным термином, образованным от названия греческой буквы ρ «ро», обозначается переход **z > r**. Очевидно, такой переход должен был иметь промежуточную стадию в виде **ž**-образного звука (типа чешского **ř**, обычно передаваемого по-русски как *рж*, ср. *Дворжак*), который развился в безраскатное **r**. Такое звучание явно имела руна **R** (ср. рун. **raunijaR**). Лишь значительно позднее фонема **/R/** совпала с фонемой **/r/**.

Примечание. Элемент **-т-** в термине «ротацизм» объясняется особенностью склонения некоторых греческих слов (что, кстати, отражается и в современном русском языке, ср.: *драма — драматический*, *травма — травматология* и т. п.).

Примеры:

гот. maiza — норв. mer, двн. mêro, нем. mehr, англ. more;

гот. dius (оглушение на конце!) — норв., дат. dyr, шв. djur, др.-исл., dýr, нем. Tier (сюда же относится англ. deer 'олень', где произошло сужение, или специализация, значения).

Ср. также чередование **s ∞ r** по закону Вернера.

34. Переход шумных ð, þ. Во всех северо- и западногерманских языках, кроме исландского и английского, щелевые **ð**, **þ** перешли в смычные сходной артикуляции, например:

др.-исл. jǫrð 'земля' — нем. Erde, нид. aarde, шв. Jord;

гот. þreis 'три' — норв., дат., шв. tre.

35. Расширение. Расширением называют переходы корневых **i > e**, **u > o**, **iu > io** под влиянием открытых (широких) гласных (**a**, **e**, **o**) окончания или суффикса. Напротив, если в окончании или суффиксе был закрытый (узкий) гласный, он сохранялся, т. е. расширения не происходило.

Примечание. В этом же значении употребляется термин «преломление». Поскольку, однако, он в германистике также употребляется в нескольких других значениях, отличных от приведенного выше, он здесь не используется.

Пример (лексема 'помогать'):

двн. helfan — 1 л. мн. ч. прет. h**u**lfum — прич. II gih**o**lfan;

др.-исл. hjalpa — 1 л. мн. ч. прет. h**u**lpum — прич. II h**o**lpinn (i < a).

Напомним, что в третьей и четвертой ступенях сильных глаголов I–V классов была нулевая ступень аблаута, из которой развился звук **u**.

Впрочем, переход **u|a > o** трактуется некоторыми исследователями также как перегласовка на **-a**.

Перед группой «носовой + согласный» расширения не происходило, ср.:

др.-исл., исл. binda ‘связывать’— 1 л. мн. ч. прет. b**u**ndum — прич. II b**u**ndinn.

Расширения не происходило в некоторых других случаях:

др.-исл. drekka ‘пить’ — drukkum — drukkinn;

др.-исл. ulfr (< *wulfaz) ‘волк’.

36. Гласные.

Видимо, в конце той эпохи или в начале рассматриваемой произошла перегласовка на **-a**. Во всяком случае к V в. она уже осуществилась, о чем свидетельствует, в частности, руническая надпись из Галлехуса, в которой два раза представлен звук краткое **o** (как сказано выше, возникновение этого звука может также трактоваться иначе, т. е. как расширение). Палатальная и лабиальная перегласовки (соответственно на **-i** и **-u**) происходят позже.

Процессы, характерные для этого периода:

Расширение: i > e, u > o, iu > io. По всей видимости, на более позднем этапе периода имело место новое расширение **i > e**, **u > o** перед носовыми, перед **R** и **h**, ср.: гот. wintrus ‘зима’ — др.-исл. vetr, гот. mis ‘мне’ — др.-исл. mér, фин. ruhtinas ‘князь’ — др.-исл. drottinn ‘князь, король, властитель’.

Палатальная перегласовка a > æ, ä, e; a: > æ:, ä:, e:; o > ø, ö; o: > o:, ö:; u > y, ü; u: > y:, ü.

Лабиальная перегласовка: (главная) **a a|u/v > ǫ.** Старшая представлена в большем количестве случаев, а младшая — исключительно на западе региона, ср. (более поздний пример) начало королевских указов в Восточной Норвегии allum mannum, досл. ‘всем людям’, на западе ǫllum mǫnnum.

В норвежском **ǫ** впоследствии перешло в **o**, ср.: др.-исл. hǫggva ‘рубить’, jǫrð ‘земля’, ragnarǫk ‘*миф.* конец мира’ — совр. норв. hogge, jord, ragnarok.

Другие лабиальные перегласовки (**e, æ > o, i > y** и др.), ср.: *gærwa > др.-исл. gørva ‘делать’ > gøra (совр. исл. с делабиализацией: gera), гот. triggws — др.-исл. tryggr.

Перегласовка на R — те же переходы, что и в перегласовке на **i/j**: гот. glas ‘стекло’ — др.-исл. gler (< *gleR; ротацизм!), ср. рус. *мозг* — др.-исл. mergr.

Перед **R** происходило также расширение: **i > e/é**, **u > o**, ср. гот. mis ‘мне’ — др.-исл. mér.

Скандинавское преломление. Сущность скандинавского преломления — переход **e** под влиянием последующих гласных **a**, **u** в конечном

счете в **j** + иные гласные: **e|a** > **ja**, **e|u** > **jǫ**: ср.: нем. Herz 'сердце' — др.-исл. hjarta, *feðuR 'фьорд' > др.-исл. fjǫrðr.

Видимо, скандинавское преломление протекало так: **e|a** > **e**^{a} > **ea** > (равновесный дифтонг) > **ia** (равновесный дифтонг) — **ja**.

Примеры старшего преломления: mjǫðf мед (напиток)', младшего — fjaðar (род. п. ед. ч. от fjǫrðr). Преломление не имело места после **v**-, **r**-, **l**-, **gn**-, **kn**-, **hn**-. Далее, оно не происходило в многочисленных формах на **-a**, развившихся из **-an**, и на **-u**, развившихся, в свою очередь, из **-ōn**: bera (< *beran), beru (< *berōn).

По этой причине во всех словах современного норвежского языка, (кроме междометий, частиц и заимствований) начальный **j** — результат преломления.

Преломление более последовательно осуществилось на востоке Скандинавии, ср. др.-исл. stela — норв. букмол stjele.

Редукция. Во второй половине рассматриваемого периода происходит редукция — выпадение некоторых гласных или целых морфем в определенных позициях. Примеры редукции префиксов: гот. swaleiks 'такой'— др.-исл. slikr, гот. gahaitan 'называться'— др.-исл. heita, гот. garanza 'сосед' — др.-исл. granni. Примеры редукции у окончаний: рун. **-gastiR** 'гость'— др.-исл. gestr, рун. **horna** 'рог' — др.-исл. horn. Очередность редукции: **-a**-, **-i**-, **-и**-. Она происходила раньше у слов с долгим корневым гласным.

Тоническое ударение. Оно уже было, когда происходила редукция. Это объясняют тем фактом, что изначально односложные слова типа современных норвежских форм bǿker 'книги', åker 'поле', sítter 'сидит', а также слова с суффигированным артиклем (húset 'дом', mánnen 'человек') имеют тонему **1**. В датском (впоследствии?) из тонемы **1** развился толчок (stød, гортанная смычка). Многое в истории тонического ударения (и датского толчка) неясно, поскольку оно никогда не обозначалось на письме.

Отпадение начального j (VII в.). Этот звук сохранился в современных западногерманских языках, ср.: англ. year 'год', нем. Jahr и исл., фар. ár, шв., норв., дат. år. В современных незаимствованных скандинавских словах начальный **j** — как правило, результат скандинавского преломления, о чем уже говорилось. Он также встречается у частиц, ср. норв., шв., дат. ja 'да' и др.

Отпадение w перед огубленными гласными **o**, **u** (VI–VIII вв.). Как и начальная фонема **j**, губно-губной **w** сохранился в современных западногерманских языках (в части их как губно-зубной **v**), ср.: англ. word 'слово', нем. Wort и исл., фар. orð, шв., норв., дат. ord. Ср. также двн. Wuotan (имя верховного божества у древних германцев) — др.-исл. Óðinn.

Отпадение в большинстве случаев **конечного -n** после безударных гласных (VII–VIII вв.), ср. современные инфинитивы: исл., фар. koma,

шв. komma, норв., дат. komme ‘приходить’ и нем. kommen; исл., фар. i, шв., норв., дат. i ‘в’ и англ., нем., нид. in.

Переход an > ā начал осуществляться в VII в. Примером может служить лексема ‘ас’ (древнескандинавское божество): *ansuR > āsuR > др.-исл. áss, норв. ås; *^unra > др.-исл. > Þórr ‘Тор, древнескандинавский бог’ (первоначально сложное слово, второй элемент которого означал ‘грохот, гром’).

Ряд ассимиляций, в частности **ht > tt, nk > kk** (не всегда), **lþ > ll** и др.: англ. night ‘ночь’, нем. Nacht — норв. natt, исл. nótt, фар. nátt; англ. drink ‘пить’, нем. trinken — норв., дат. drikke, шв. dricka, исл., фар. drekka; гот. gulþ ‘золото’ — др.-исл., норв. gull.

АРЕАЛЬНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

37. Гото-скандинавские особенности. Важнейшая особенность — **сохранение показателя им. п. ед. ч. м. р.** (< *z), ср. ‘день’ — гот. dags, др.-исл. dagr, но двн. tag. Это окончание (в форме **-ur**) сохраняется в исландском и фарерском языках по сей день, ср. armur ‘рука’.

Остальные особенности носят частный характер.

ЭПОХА ВИКИНГОВ

38. Период истории Скандинавских стран **с конца VIII в. приблизительно до середины XI в.** носит название «эпохи викингов». Он характеризуется двумя основными признаками: мощной и широкой экспансией скандинавов и разложением родового строя, приведшего к образованию государств.

Походы викингов в течение более двух с половиной веков наводили ужас на население прибрежных районов Европы. Они привели к захвату скандинавами ряда территорий и образованию нескольких стран за пределами Скандинавии.

Походы викингов начались, как уже сказано, в самом конце VIII в. Их началом принято считать нападение морских разбойников из Скандинавии на английский монастырь Линдисфарн в 793 г. Вскоре подобные набеги совершаются на многие районы Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса. Викинги, известные в Западной Европе как норманны (< norðmaðr ‘северный человек’), устремляются также на берега Франции, побережье Балтийского моря и в другие континентальные страны. Их нападениям постепенно подвергаются вся Европа — от Белого моря до Сицилии. Викинги колонизуют Оркнейские, Шетландские, Гебридские, а затем и Фарерские острова.

В период между 874 и 930 гг. выходцы из Скандинавии, преимущественно из Норвегии, заселяют всё побережье Исландии. Позже они основывают поселения и в Гренландии. Около 1000 г., почти за полтысячелетия до Колумба, скандинавы, судя по всему, достигают Северной Америки (видимо, Ньюфаундленда).

В конце IX в. английский король Альфред оказывается вынужденным отдать викингам северо-восточную часть страны; эта область получила название *Да́нелаг* ‘область датского права’ (в Англии викингов называли данами).

В 911 г. норманны, предводительствуемые Хрольвом (Роллоном), захватывают область на северном побережье Франции и вынуждают французского короля Карла Простоватого уступить ее им. Так возникло герцогство Нормандия. Скандинавы там быстро ассимилировались и уже полтора века спустя (1066) пришли в Англию как носители французского языка и французской культуры.

Викинги совершают набеги также на побережья Испании и Южной Италии. Нормандцы (т. е. потомки поселившихся в Нормандии скандинавов) захватывают в XI в. Сицилию и Южную Италию и основывают там свое королевство.

Норманны были главным образом выходцами из Норвегии и Дании.

Слово *викинг* (др.-норв. víkíngr) не получило в науке бесспорного толкования. Его связывают и со словом vík 'залив, бухта', т. е. объясняют как 'скрывающийся в заливах', и с собственным именем Vík, названием области, прилегающей к Осло-фьорду. Связывают это слово и с глаголом víkja 'поворачивать, отклоняться' и толкуют значение как 'человек, покинувший дом, уплывший вдаль от родины'. Против каждого из этих объяснений можно выдвинуть серьезные возражения, так что этимология слова остается неясной.

Викинги, устремившиеся из Швеции в Восточную Европу, известны там под именем *варягов*. Название *варяг* принято связывать с др.-норв. várar 'клятва, обет' и ganga 'идти'.

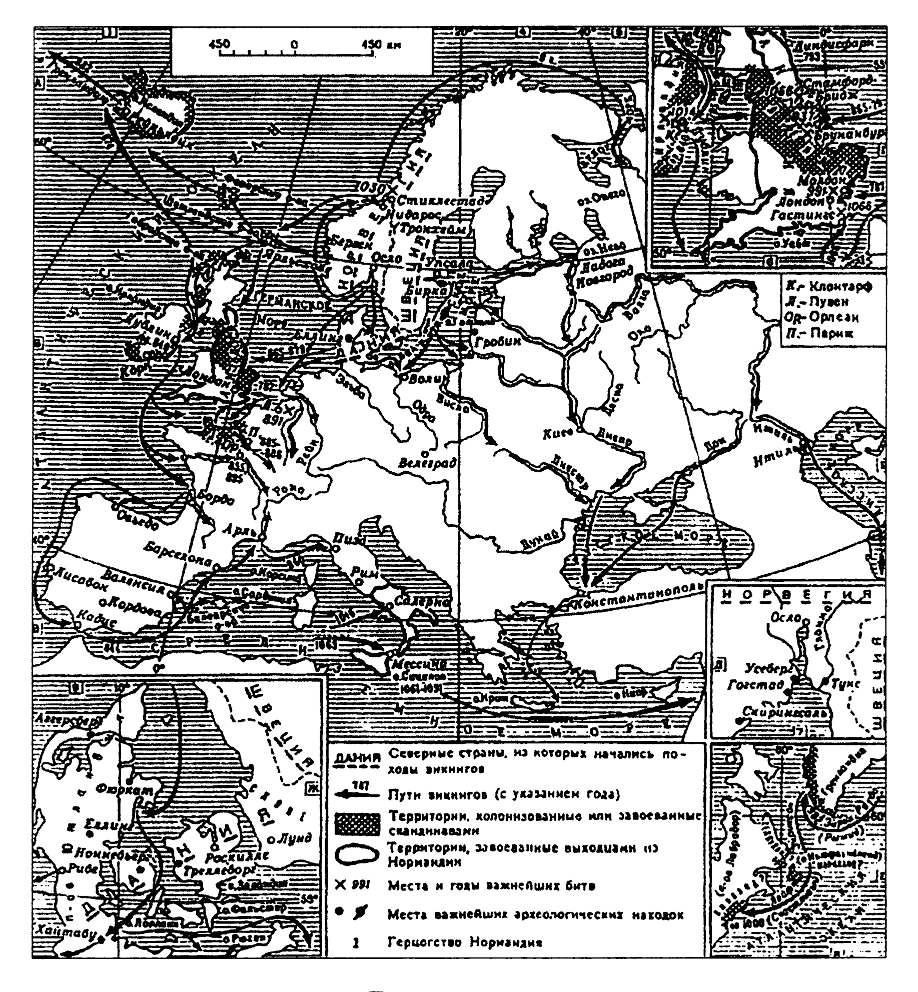
На Руси варяги появляются в IX в. Это были морские разбойники, торговцы («гости») и воины-наемники. Легенда об основании Русского государства (так называемая норманнская теория), по мнению российских историков, находится в противоречии с фактами. В рассматриваемый период Русь находилась на более высокой ступени исторического развития: здесь уже существовали города, а в Скандинавии они возникли позднее (скандинавы называли Русь Garðaríki 'Страна городов'); на Руси начали раньше складываться феодальные отношения; христианизация Руси произошла раньше, чем христианизация Скандинавских стран. По системе речных путей, связывавшей Балтийское море с Черным и известной под названием «путь из варяг в греки», викинги добирались до Константинополя (Царьграда, др.-исл. Míklagarðr 'Большой город'). Здесь они нередко поступали наемниками в войско к византийским царям.

Набеги викингов на территорию нынешней Финляндии привели к образованию здесь впоследствии шведских поселений.

В середине XI в. походы викингов прекращаются.

Причины походов викингов носили экономический и политический характер.

Корабль из погребения в Гокстаде, Норвегия (после реконструкции)

Походы викингов

Первая экономическая причина — нехватка земли, пригодной для земледелия и скотоводства.

Вторая — развитие торговли привело скандинавов в соприкосновение с другими народами, особенно с опережавшими их в экономическом и культурном развитии, и стимулировало походы в дальние страны. Предпосылкой этих дальних морских походов была длительная традиция мореплавания в Скандинавии.

Третья экономическая причина — разбой сделался выгодным промыслом. Не случайно викингов часто характеризовали как морских разбойников. Страны, на которые они нападали, были политически

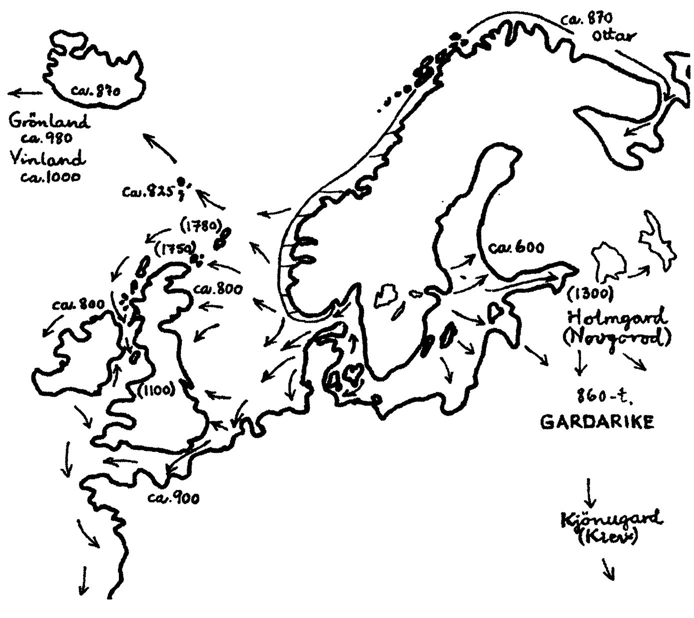
слабые, в них зачастую царили междоусобицы, и поэтому они становились легкой добычей викингов.

Политическая причина походов викингов заключалась в том, что в скандинавских странах в это время начинает складываться централизованная королевская власть, и те, кто не желал подчиниться королю, предпочитали покинуть родину и отправиться на чужбину.

Походы викингов принимали различную форму. Очень часто это были пиратские нападения, когда вырезалась значительная часть населения, захватывалась добыча и уводились в рабство пленные. Нередко, с другой стороны, это были торговые путешествия, которые могли и не сопровождаться разбоем. Викинги часто селились в захваченных ими местах, причем колонизация могла быть как совершенно мирной (как на Фарерских островах и в Исландии, где до них фактически не было населения), так и сопровождаться завоеваниями. Довольно часто разбой, торговля и колонизация имели место в одном походе.

Походы викингов имели разные последствия в разных местах.

Там, где местное население стояло на более высокой ступени культурного развития и было многочисленным (как, например, в Нормандии), викинги быстро ассимилировались. Напротив, колонизируя пустынные земли, скандинавы создавали поселения, где, естественно, сохранялись их язык и культура. Самое яркое свидетельство тому — Фарерские острова

Походы викингов

и Исландия. Во многих областях, колонизированных в эпоху викингов, скандинавская речь сохранялась длительное время: в Северо-Восточной Англии — до конца XI в., в Ирландии — до середины XII в., на Гебридских островах — до XIV в., на Оркнейских островах — до середины XVIII в., а на Шетландских островах и на острове Мэн — до конца XVIII в.

Попытки викингов захватить Англию в начале IX в. привели в 878 г. к захвату ее значительной территории — так называемой «области датского права» (Danelag), а на период 1018–1042 гг. Англия вообще подпадает под власть Дании. До сих пор в английском языке сохраняются скандинавские заимствования: egg ‘яйцо’, sky ‘небо’, fellow ‘товарищ’, knife ‘нож’, law ‘закон’, wing ‘крыло’, take ‘брать’ и др.

Скандинавская речь, изолированный диалект на Гебридских, Оркнейских и Шетландских островах, а также на полуострове Кейтнес, получила название **норн** (от др.-норв. norrønn < noðrœnnn ‘язык древних западных скандинавов’). Важнейший памятник языка норн — народная баллада, состоящая из 35 строф. Она была записана на одном из Шетландских островов в 1774 г., но по происхождению значительно более древняя. Записавший ее шотландский ученый Дж. Лоу языка норн не знал и использовал английскую орфографию, в результате чего текст сильно искажен. Исправленный вариант опубликован норвежским филологом М. Хегстадом под названием «Hildinakvadet» («Песня о Хильдине»). Сохранился также текст «Отче наш» на шетландском и оркнейском диалектах. В 90-х гг. XIX в. Я. Якобсен записал несколько тысяч слов (не считая топонимов) от информантов с Шетландских островов.

Множество слов скандинавского происхождения сохранилось в местных топонимах, а целый ряд их вошел также в шотландско-английские диалекты Оркнейских и Шетландских островов и принадлежащий к кельтским языкам гаэльский (шотландский), где они сохраняются до сих пор.

Последний человек, говоривший на норн, умер в 1850 г.

До середины XV в. существовали скандинавские поселения в Гренландии. Причина их исчезновения точно неизвестна, существует несколько теорий.

Считается, что в 1000 г. скандинавы достигли Северной Америки. Однако неясно, где находился Винланд (‘Страна винограда’ или ‘Страна вина’), как назвал новую страну ее первооткрыватель Лейф Счастливый, сын гренландского первопоселенца Эйрика Рыжего. Большинство исследователей склоняется к тому, что скандинавы высадились на побережье Ньюфаундленда. Неясно и то, сколько времени просуществовало это поселение, во всяком случае — недолго.

В эпоху викингов складываются древние скандинавские государства. Начало объединения Норвегии связывается с именем Харальда

Прекрасноволосого (конец IX в.). Единое датское государство было создано при Горме Старом (ум. ок. 940). В Швеции единое государство сложилось позднее.

Созданию государства обычно сопутствовала христианизация. В Дании король Харальд Синезубый крестился в 960 г., в Норвегии христианизация произошла в XI в., в Швеции она завершилась позже.

Христианская религия — орудие королевской власти — преследовала в континентальных скандинавских странах языческую культуру. В Исландии же христианство не было силой, при помощи которой феодализм пытался укрепить свою власть; в силу особых исторических условий (сохранение народовластия) христианство в Исландии было принято мирным путем — решением альтинга (≈ всеисландского вече) в 1000 г., при этом было разрешено сохранять в быту верность языческим богам. Вследствие этого основные памятники эпохи викингов — древнескандинавские мифы и героические сказания, а также поэзия скальдов, сохранились полнее всего в Исландии, правда, в поздних записях XIII в.

39. Руническими надписями. Старшие руны. Древнейшим памятником древнегерманской — еще не древнескандинавской — культуры являются **рунические надписи** — от слова **руна** (др.-герм. rūn < rūnō), которое, по-видимому, первоначально означало 'тайное знание'. В готском слово rūna значило 'тайна'; ср. также заимствованное в финский язык слово runo 'песнь'. Сходное значение имело др.-кельт. *rūnā.

Рунические надписи — это краткие тексты (иногда всего одно слово или даже отдельные знаки), выполненные особым алфавитом, называемым по первым его шести знакам *фу́тарком* (fuþark). Порядок знаков рунического алфавита пока не нашел своего объяснения.

Рунические надписи делятся на два основных типа: выполненные старшими рунами и выполненные младшими рунами.

Старшие руны использовались на всей территории расселения германских племен — от Скандинавии на севере до Южной Германии, от Англии на западе до Восточной Европы. Всего надписей старшими рунами обнаружено около двухсот. Из них около половины приходится на Южную Скандинавию, а из этой половины — половина на Норвегию.

Древнейшие дошедшие до нас надписи старшими рунами относятся ко II в. н. э. Это надпись на костяном гребне, найденная на датском острове Фюн и датируемая примерно 160 г., и надпись на наконечнике копья, обнаруженная в норвежской области Тутен к северу от Осло, сделанная приблизительно в 180 г. Впрочем, известно, что руны использовались древнегерманскими племенами по крайней мере в самом начале нашей эры, а возможно, и раньше (о них писал еще римский историк Тацит в своей «Германии»).

С рубежа VII–IX вв. начинается период младших рун, длившийся до постепенного вытеснения их латинским письмом.

Руны представляли собой комбинации вертикальных и наклонных линий (соответственно «стволов» и «ветвей»). Горизонтальных линий, за единичным исключением, не было. Старший рунический алфавит имел следующий вид:

ᚠᚢᚦᚨᚱᚲᚷᚹᚺᚾᛁᛃᛇᛈᛉᛊᛏᛒᛖᛗᛚᛜᛞᛟ

Старший рунический алфавит

Отсутствие в футарке горизонтальных линий принято объяснять тем, что они будто бы плохо видны на дереве (выше упоминалось, что первоначально руны вырезались на палочках). Однако не все исследователи с этим согласны, и вопрос о причине отсутствия в руническом алфавите горизонтальных линий остается открытым.

Порядок знаков в руническом алфавите известен нам потому, что есть надписи, состоящие только из футарка. Но иногда рунический алфавит выписывался в порядке, характерном для латинского алфавита. Таких надписей найдено всего четыре, тогда как надписей с футарком в характерной для него последовательности до нас дошло более семидесяти.

Рунические знаки имели свои названия (ниже приводятся древненорвежские соответствия), например, руна **f** называлась **fé** ‘скот; богатство’, руна **m** — **maðr** ‘человек; мужчина’, руна **i** — íss ‘лед’, т. е. они обозначали звуки по так называемому акрофоническому принципу: ими обозначался первый в их названии звук.

Футарк делился на три так называемых «рода» (ætter), т. е. как бы разряда, группы по 8 знаков (это название приводится только в более поздних исландских источниках). Впрочем, некоторые рунологи полагают, что слово ætter (ед. ч. ætt) имеет совсем другое значение, а именно связано с числительным 8 (ср. др.-исл. átta ‘8’), т. е. ‘группа из 8 единиц’. Принцип деления рун на «роды» и функции этого деления пока не нашли объяснения.

Надписи старшими рунами в основном очень краткие, часто это одно слово, нередко имя собственное. На отдельных из них представлен весь футарк и ничего больше. Надписи делались на камнях, дереве, кости, позже — на металле (золоте), многие — на так называемых *брактеатах* (украшения в виде медали с чеканкой на одной стороне). Из надписей на дереве дошли до нас единицы, поскольку дерево — материал непрочный. Да и многие другие, в том числе на камне, значительно повреждены. Они краткие, фрагментарные, из-за их магического характера многое

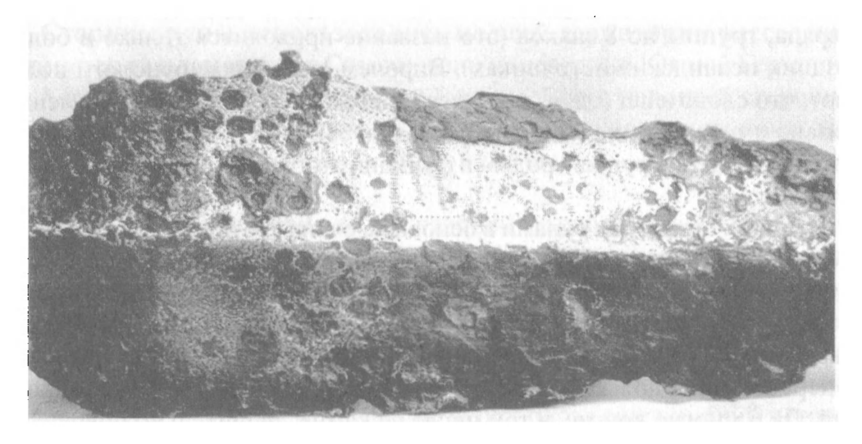
неясно, поэтому сколько-нибудь полного представления о языке, который они отражали, мы не имеем.

Разумеется, в многочисленных работах по рунологии язык надписей старшими рунами в определенной степени реконструирован, но многое в этих реконструкциях носит гипотетический характер. Более того, абсолютно бесспорного перевода, т. е. точной смысловой интерпретации, фактически нет ни для одной рунической надписи: разночтения и особенно разные толкования наблюдаются в отношении даже самых, казалось бы, простых надписей. Даже когда понятны слова, не всегда ясен смысл всей надписи. Норвежский рунолог Карл Марстра́ндер еще в 1938 г. писал: «С известным основанием можно утверждать, что вплоть до настоящего времени не удалось истолковать ни одну руническую надпись. В ряде случаев мы в состоянии определить текст надписи, но одновременно мы должны часто признать, что данный текст является лишь скорлупой, за которой скрывается неведомое нам ядро». Это утверждение К. Марстрандера остается в силе и по сей день.

Датировки надписей старшими рунами зачастую затруднительны.

Долгое время было принято считать древнейшей эту руническую надпись на наконечнике копья, найденную возле норвежского хутора Эвре Стабю (Øvre Stabu) и датируемую серединой III — серединой IV в.: **raunijaR** ‘испытывающий?’, ‘испытатель?’. Неясно, относится это слово к самому наконечнику копья или к какому-то человеку, возможно, к тому, кто высек эту надпись.

Примечания: 1. По традиции слова, записанные руническим алфавитом, приводятся в современных текстах полужирным шрифтом. 2. В руническом алфавите различались **r** и **R**, обозначавшие разные фонемы.

Руническая надпись из Эвре Стабю (первоначальный вид находки)

Надпись на наконечнике копья из Эвре Стабю
(Юго-Западная Норвегия, ок. 200 г.): raunijaR ‘испытатель’. Старшие руны

Расшифровка надписи

Позднейшей из надписей старшими рунами считается найденная в Западной Норвегии на хуторе Эггья (Eggja, старое название Eggjum) и датируемая серединой VII — серединой IX в. Она же самая длинная из всех надписей (в ней около 200 рун). Многое в ее толковании спорно.

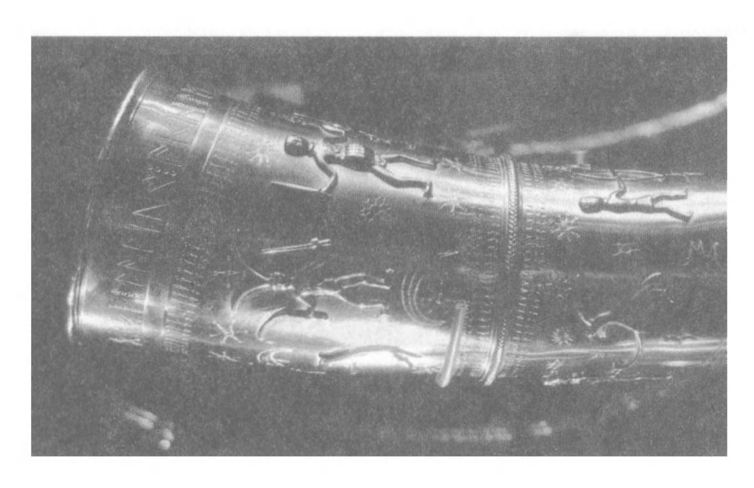
Одна из самых известных надписей старшими рунами была обнаружена на одном из двух золотых рогов в Галлехусе (Gallehus, Северный Шлезвиг, начало V в.): **ek HlewagastiR holtijaR horna tawidšō** ‘я, Хлевагаст из Хольта (по другим толкованиям ‘...сын Хольта’ / ‘из рода Холтиев’) рог [этот] сотворил’.

Интересна ее история. Оба золотых рога были украдены и переплавлены, однако, к счастью, сохранились их рисунки. По ним были отлиты новые, а надпись восстановлена.

Магическим искусством вырезания рун владели единицы. Они называли себя словом **erilaR** (этимология спорна) и разными другими именами.

Руническая надпись из Эггья

Золотой рог из Галлехуса (?)

Магический характер рун подтверждается и самой этимологией слова. Гот. runa означало, как и др.-англ. run, ‘тайна’, ср. также нем. raunen ‘таинственно шептать’. От названия гадательных (буковых) палочек с рунами идет, видимо, др.-исл. stafr ‘палочка; посох; буква’, ср. нем. Buchstabe, норв. bokstav ‘буква’; ср., далее, гот. bokos ‘книга’, мн. от boka ‘буква’. ‘Чтение’ первоначально обозначалось как ‘собирание букв’; нем. lesen ‘читать’ означает также ‘собирать’. Исходное значение англ. read ‘читать’ — ‘отгадывать’, т. е. ‘гадать по рунам’, ср.: нем. raten ‘отгадывать’, Rätsel ‘загадка’.

Существовали и так называемые тайные руны (норв. lønnruner), или цифровые (sifferruner), правда, они до нас дошли в более позднем варианте. Тайная руна обозначалась числом, указывающим на ее род (разряд) и место в нем, например «третий род, пятая руна». При этом роды читались в обратном порядке, а место в роде — в прямом, так что в данном случае это была руна *r*, которая обозначалась вертикальной чертой с тремя наклонными чертами с одной стороны и пятью с другой.

Использовались иногда и перевернутые «сверху вниз» руны (норв. stupruner), перевернутые справа налево (норв. venderuner), а также комбинации двух рун в одном знаке (**ra**).

Надписи выполнялись слева направо и справа налево, а также так называемым *бустрофедоном* (из греческого; означает примерно ‘как ходит вол при пахоте’) — способом письма, когда одна строка пишется справа налево, следующая — слева направо, идущая за ней — снова справа налево и т. д.

Корпус надписей старшими рунами время от времени пополняется. Так, в 1991 г. в Южной Германии была обнаружена надпись на серебря-

Последняя обнаруженная надпись старшими рунами (2009)
(Южная Норвегия, ок. 400 г. н. э.)

ной пряжке, состоящая из 19 рун. Ее относят к середине — второй половине VI в. Трактовка ее представляет известные трудности, и уже предложено несколько вариантов прочтения.

Вопрос о происхождении рун по сей день остается спорным. Одни рунологи считают, что их источник — латинский алфавит, другие — греческое письмо, третьи — какой-то (несохранившийся?) североиталийский (этрусский?) алфавит. Причина расхождений во взглядах кроется в том, что одни рунические знаки бесспорно сходны с латинскими буквами, другие — с греческими, наконец, третьи вообще не имеют соответствий в известных нам алфавитах. При таких попытках определения происхождения рунического письма обычно исходят из их начертания, но не принимается во внимание тот факт, что контакты древних германцев с греками и североиталийскими народами были достаточно слабыми.

И еще один важный момент. Язык надписей старшими рунами, несмотря на огромную территорию, на которой они встречаются, и многовековое их использование, относительно единообразен (об этом см. ниже).

О том, что при всех успехах рунологии в ней в целом остается множество спорных моментов, говорит тот курьезный факт, что в конце XX в. норвежский исследователь Хьелль Ортун (Kjell Aartun) выпустил книгу «Runer i kulturhistorisk sammenheng. En fruktbarhetskultisk tradisjon» («Руны в культурно-историческом освещении. Традиция культа плодородия»), в которой совершенно серьезно пытался доказать, что рунический

алфавит происходит от одого из семитских алфавитов, а язык надписей старшими рунами вовсе не германский, а семитский и что руническим искусством владела узкая каста жрецов (опять же семитского происхождения). Он интерпретировал старшие рунические надписи как тексты, связанные с культом плодородия. Теорию его, насколько можно судить, не разделяет ни один исследователь, но сам по себе факт ее возникновения показателен как свидетельство небесспорности многих результатов рунологии.

Однако дело даже не в том, что прочтение рунических надписей во многих случаях носит спорный характер. Рунология пока не дает ответов на самые фундаментальные вопросы. Вот их краткий перечень:

1. **Откуда произошел рунический алфавит?** Как говорилось выше, единства среди рунологов по этому вопросу нет. В одной из последних книг по рунологии ее автор, известный специалист в данной области, пишет: «Мы не знаем, когда и где возникли руны».

2. **Почему язык надписей старшими рунами, встречающихся на огромной территории** — от Восточной Европы до Англии, от Южной Германии до Скандинавии — **и использовавшихся много веков, в общем единообразен?**

Как упомянуто выше, до нас дошел перевод Нового Завета на готский язык — язык одного восточногерманского племени (IV в.; перевод сохранился в рукописи V в.). Язык этот существенно отличается от языка надписей старшими рунами. Даже если связать это расхождение с тем фактом, что готы в III в. переселились в причерноморские степи, это не может объяснить такой значительной разницы в языке. При этом столь же логично было бы предположить, что изменялись и диалекты других германских племен, которые в эпоху Великого переселения народов осуществляли столь же значительные — а порой и бóльшие — миграции. Приходится в этом случае предполагать, что язык рунических надписей был неким особым, сакральным (культовым, ритуальным) языком, веками передававшимся друг другу владевшими искусством вырезания/высекания рун. Поскольку рунические надписи найдены на огромной территории, знавших руны должно было быть достаточно много.

3. Как сказано выше, на смену старшим — общегерманским — рунам на рубеже VII–IX вв. пришли **младшие** — **скандинавские** — **руны** (о них см. следующий параграф). И тут мы сталкиваемся с явлением, тоже до сих пор не нашедшим объяснения. Старший рунический алфавит, старший футарк, насчитывал **24 руны**. Ко времени появления младших рун количество фонем в общескандинавском не только не уменьшилось, а несомненно увеличилось. Тем не менее в младшем руническом алфавите лишь **16 знаков**, т. е. их количество сократилось на одну треть. Одна и та же руна, к примеру, стала обозначать и «k», и «g», и «ng», и «nk»

Норвежско-шведские руны	ᚠ	ᚢ	ᚦ	ᚭ	ᚱ	ᚴ	ᚽ	ᚿ	ᛁ	ᛆ	ᛌ	ᛐ	ᛓ	ᛙ	ᛚ	ᛧ
Датские руны	ᚠ	ᚢ	ᚦ	ᚬ	ᚱ	ᚴ	ᚼ	ᚾ	ᛁ	ᛅ	ᛋ	ᛏ	ᛒ	ᛘ	ᛚ	ᛦ
	f	u	þ	ã	r	k	h	n	i	a	s	t	b	m	l	R
	v	o	ð	æ̃		g	γ		e	æ		d	p			
		y		ẽ		γ			æ	e		nd	mb			
		ø		o		ŋg			ø	o		nt				
		w				ŋk			y							
		au							j							
									æi							

Норвежско-шведские руны и датские руны

и т. п. Вряд ли случайно, что числа 24 и 16 кратны восьми. Убедительного объяснения этому поразительному явлению нет. История алфавитов подобных случаев не знает.

4. Давно считается, что надписи старшими рунами в первую очередь носили **магический** характер. Однако у этой точки зрения есть противники, и уже давно ведется оживленный спор об основной функции старших рун.

5. Неясно, каково происхождение **порядка** знаков футарка, какой принцип лежит в основе этого порядка и каково значение деления их по родам.

40. Младшие руны. В предыдущем параграфе говорилось, что на смену старшим — общегерманским — рунам пришли младшие. Следует еще раз подчеркнуть, что младшие руны — явление **чисто скандинавское**.

Они возникли примерно на рубеже VIII–IX вв. Уже упоминалась характерная особенность младших рун — их алфавит (младший футарк) состоял только из **16 знаков**, тогда как старших рун было 24. Причина такого резкого, на одну треть, сокращения рунического алфавита неизвестна, тем более что количество фонем в языке к тому времени увеличилось. Младшими рунами одинаково обозначались, например, глухие и звонкие, одна и та же руна была знаком нескольких разных гласных (неперегласованных и перегласованных) и т. д. Характерно, однако, что **r** и **R** обозначались разными рунами.

У младшего рунического алфавита было два варианта — «норвежско-шведский» (так называемые коротхвостые руны), существовавший в Норвегии и Швеции до конца X в., и «датский» (длиннохвостые руны), которым пользовались сначала в Дании, а позже по всей Скандинавии.

Всего надписей младшими рунами найдено около 5 тыс. Больше всего их обнаружено в Швеции (около 3500, т. е. более двух третей), затем в Норвегии (около 850) и Дании (около 400). В Исландии найдено лишь 45 надписей.

До конца XX в. считалось, что в Норвегии имеется несколько десятков надписей младшими рунами. Однако при раскопках древнего пожарища рядом с Бергенским музеем было найдено около 800 надписей, в основном на дереве. Они имеют большую ценность, так как многие из них носят бытовой характер (среди них есть даже любовные письма) и относятся к более позднему периоду, нежели основная масса надписей младшими рунами. Собственно рунический период заканчивается в Норвегии в XIV в., ио в отдельных местах знание рун сохранялось приблизительно вплоть до конца XVIII в.

Характерно, что, хотя, как сказано, младший рунический алфавит весьма неточно передавал реальное звучание, надписи на нем, как правило, понятны, поскольку они в основной своей массе не носили магического характера, а сообщали факты (типа «я, такой-то, поставил этот камень в память о таком-то» и аналогичные).

Приведем пример из одной надписи младшими рунами, иллюстрирующий неточность передачи звуков того периода — надпись на камне из области Хаделанн в Юго-Восточной Норвегии. Она датируется первой половиной XI в. (двоеточия, разделяющие слова в ней, конечно, отсутствуют):

kunuur : kirþi : bru : Þryrikstutir : iftiraṣriipi : tutur : sina : suuasmarhanarst : aḥaþalanti

Ср. тот же текст на нормализованном древненорвежском:

Gunnnvọr gerðI brú, Þrýðriks dóttir, eptir Ástrídi, dóttur sína. Sú var mær họnnurst á Haðalandi.

Перевод: Гуннвёр сделала (т. е. возвела, построила) мост [этот], дочь Трюдрика, по (т. е. в память об) Астрид, своей дочери. Она была самой искусной девушкой в Хаделанне.

Отметим некоторые черты текста.

Звонкие смычные обозначены глухими смычными: [g] при помощи руны **k**, [d] при помощи руны **t**; звук [b] передан руной **b**, поскольку это было основным ее значением, так что звук [p] (он отсутствует в тексте рассматриваемой надписи) также передавался ею. Руна **u** обозначает как гласные [y], [o] (а также [ɛ], [e], не представленные в данном тексте), так и согласный [v]. Поскольку конвергенция фонем /r/ и /R/ к этому времени уже произошла, используется только руна **r**. «Освободившаяся» руна **R** стала обозначать фонему /y/, что наблюдается в слове **Þryrikstutir**. Различие между краткими и долгими звуками не проводится, две одинаковые руны подряд обозначают разные звуки.

«Датские» руны легли в основу так называемых **пунктированных рун** (норв. stungne или — реже — punkterte runer). Для более точной передачи звучания некоторые руны стали снабжаться точками; таким образом стали различать, например, звонкие и глухие согласные (руна **t** без точки = [t], с точкой = [d], руна **i** без точки = [i], с точкой = [e] и т. п.). Впрочем, «пунктировать» руну было не обязательно, так что в ряде надписей той поры один и тот же рунический знак мог обозначать разные звуки. Пунктированные руны использовались даже в рукописях («Сконское право» XIII в.). Однако большого распространения они не получили, так как к тому времени уже распространилось латинское письмо.

41. Латинская письменность. С латинским письмом скандинавы впервые познакомились во времена походов викингов. В Англии они видели, как оно используется для записи германской речи. По всей вероятности, латинское письмо пришло в Скандинавию именно оттуда.

Страница из рунической рукописи «Сконское право» (конец XIII в.). Пунктированные руны

Бесспорно, что латинский алфавит стал применяться в Скандинавии с приходом христианства. В Норвегии и Исландии это происходит приблизительно во второй половине XI в., в Дании и Швеции — несколько позже. Однако дошедшие до нас древнейшие норвежские рукописи датируются серединой XII в.; это отрывки законов, земельных книг и религиозных текстов. Наиболее значительный памятник этой эпохи — «Королевское зерцало» (др.-норв. Konungs skuggsjá, середина XIII в.). В нем в виде беседы отца с сыном описываются обязанности купца, придворного (дружинника) и короля.

К концу данного периода усиливается влияние шведского языка на письменный норвежский, длившееся примерно до середины XV в. Так, в норвежских текстах той поры встречаются формы iac (совр. шв. jag) 'я', noghre (совр. шв. några) 'некоторые' и др. Объясняется это явление двумя главными факторами: первый — это заключение Норвегией унии со Швецией (1319); второй — влияние Биргиттинского ордена (с центром в шведском монастыре Вадстене). Ордену принадлежал монастырь в Бергене (Munkeliv kloster), где было создано несколько рукописей на смешанном норвежско-шведском языке (birgittinernorsk).

(В связи с этим можно отметить, что еще в начале XIV в. по инициативе норвежской королевы Эуфемии были переведены на шведский язык три французских рыцарских романа. Это был ее свадебный подарок шведскому герцогу Эрику, ее зятю. Эти переводы называются в истории норвежского языка eufemiavisene.)

42. Внутренняя колонизация. Выше (см. 38) упоминалось, что одной из причин походов викингов был недостаток земли, пригодной для сельского хозяйства, поэтому после эпохи викингов в XI–XIII вв. происходит внутренняя колонизация страны — интенсивное освоение ненаселенных лесистых областей. На вырубках и палах (выжженных местах в лесу) возникли тысячи новых крестьянских хозяйств. В Норвегии для названий таких хуторов характерен элемент (-)rud (др.-норв. ruð), представленный либо как самостоятельное существительное (Rud, Ruud [rʉ:]), либо — чаще — как вторая часть сложного существительного (Buskerud, Linderud, Hellerud) и означавший 'вырубка; место, где вырублен лес'.

Предполагается, что число названий на -rud в средние века составляло несколько тысяч, но многие из таких хозяйств бесследно исчезли в позднее средневековье, поскольку были небольшими и располагались на периферии. С другой стороны, ряд названий на -rud возник значительно позднее. Для многих из них характерно, что первый элемент представляет собой имя собственное, например: Mortensrud, Ellingsrud, Grorud.

Элемент -rud имеет несколько вариантов, в частности -rød, -rustad, -rudning/-rydning. Из последнего развилась форма Rønningen — до-

вольно распространенное название хуторов, особенно в Восточной Норвегии.

Название района Осло Рёа (Røa) по происхождению является формой мн. ч. от Rød (> Rud); это указывает на то, что данное хозяйство в свое время разделилось.

Другие элементы, связанные с внутренней колонизацией: -sve (от др.-норв. svíða 'выжигать', т. е. 'пал'), brenne (особенно в форме brenna) и vål с тем же значением.

Еще один элемент, характерный для таких новых хозяйств — torp, этимологически связанный с нем. Dorf 'деревня'. Значение 'небольшой хутор, мелкое хозяйство' более позднее и пришло из Швеции, куда оно, в свою очередь, пришло из Дании (варианты: -trup, -drup, -rup), а в Данию — из Германии.

Внутренняя колонизация происходила преимущественно в Восточной Норвегии (Østlandet).

43. «Черная смерть». Трагические последствия для судеб норвежского народа и тем самым для норвежского языка имела эпидемия чумы в середине XIV в. (по некоторым оценкам, от нее в Европе вымерло приблизительно 60% населения, а всего в мире 130–140 млн чел.). Это бедствие вошло в историю Норвегии под названием **«svartedauen/-døden»** 'черная смерть' или **«den støre mann(e)dauen»** 'великая эпидемия'. Видимо, источником эпидемии были зараженные крысы, попавшие в Норвегию на каком-то корабле из Англии.

Болезнь имела форму отчасти бубонной, отчасти легочной чумы. Она начала распространяться летом 1349 г. и в течение осени и зимы охватила всю южную часть Норвегии. Следствием явился обнищание страны и застой. Обезлюдело огромное количество дворов, произошел резкий упадок сельского хозяйства. «Черная смерть» имела, в частности, катастрофические последствия для норвежской культуры: погибло подавляющее число грамотных людей. Грамотными были прежде всего люди духовного звания и судьи. Так, от чумы умерли почти все епископы (кроме одного), почти все судьи (двое остались живы) и т. д. Особенно пострадали священники, провожавшие умиравших в последний путь. Пример: до эпидемии в Нидарусе (теперь Тронхейме) было около 300 духовных лиц, а в 1371 г., т. е. более чем через 20 лет после эпидемии, их было 40.

Последствия «черной смерти» ощущались очень долго. Лишь к 1600 г. восстановилось количество дворов, и сельскохозяйственное производство достигло уровня середины XIV в. Таким образом, стране потребовалось два с половиной века для того, чтобы оправиться от катастрофы. Знать лишилась доходов, низшее дворянство перешло в простые крестьяне.

СРЕДНЕНОРВЕЖСКИЙ ПЕРИОД

44. Общая характеристика. Ряд исследователей выделяет как самостоятельный отрезок истории норвежского языка **1370–1525 гг.** под названием **средненорвежского** (mellomnorsk). Это — переходный период между древненорвежским и новонорвежским.

В это время усиливается разрыв между норвежским и исландским языками. Последний сохраняет ряд черт, характерных для западноскандинавских языков, норвежский же их утрачивает. Например, в исландском сохраняется начальное **h-** перед согласными (др.-исл. hlaupa ‘бежать’, hnífr ‘нож’, hreiðr ‘гнездо’ и т. п.), в норвежском оно отпало (теперь в исландском **h** перед сонантами обозначает их глухость).

В связи с этим следует остановиться вообще на соотношении древненорвежского и древнеисландского языков. Поскольку Исландия заселялась почти исключительно выходцами из Норвегии, язык переселенцев длительное время оставался практически тем же, что и у жителей Норвегии. Расхождения стали проявляться значительно позднее начала заселения острова и, естественно, были сперва незначительными. Важно иметь в виду, что до сих нор норвежцы, как правило, считают богатейшую древнеисландскую литературу (саги, скальдическую поэзию, обе «Эдды») древненорвежской (отсюда практический совет: при разговоре с норвежцами во избежание ненужных и бесплодных дискуссий лучше пользоваться словом gammelnorsk ‘древненорвежский’, а не gammelislandsk ‘древнеисландский’). В скандинавской научной литературе широко используется термин norrønt [nùr:ønt] (ср. р. от norrøn), которым обозначается язык жителей Норвегии, Исландии и скандинавских поселений на западе региона в Средние века, т. е. древнезападноскандинавский (ср. более позднее поэт. norrønafolket ‘норвежский народ’).

Письменный язык всё более теряет четкость нормы (уже тогда относительной) и удаляется от древненорвежского.

Это, в частности, связано с тем, что столица (место пребывания королей) в Норвегии неоднократно менялась. Ею были Берген (др.-норв. Bjǫrgvin), Нидарус (Níðarós, совр. Тронхейм), Тёнсберг (др.-норв. Tunsberg), Осло. При переезде королевского двора нормой становился диалект окружающей области, но некоторые языковые особенности его предыдущего местопребывания сохранялись. При копировании документов

на язык оказывали влияние особенности копируемого текста. Таким образом, уже в древнейших норвежских рукописях обнаруживаются диалектные различия. Они были особенно велики между Восточной Норвегией и Трёнделагом, с одной стороны, и Западной Норвегией, с другой. Примеры таких различий:

1. Вост.-норв. allum mannum ‘всем людям’ (обычное начало указов и т. п.) — зап.-норв. ǫllum mǫnnum/ollum monnum (лабиальная перегласовка).

2. Вост.-норв. hiærta ‘сердце’ (прогрессивная палатальная перегласовка) — зап.-норв. hjarta.

3. Вост.-норв. и часть зап.-норв. tiðir ‘времена’, synir ‘сыновья’, husum ‘домам’, но konor ‘женщины’, sonom ‘сыновьям’ (гармония гласных).

4. Вост.-норв. (но не в Трёнделаге) sendæ ‘посылать’, bitæ ‘кусать’, høyræ ‘слышать’, но taka ‘брать’, gera ‘делать’, vita ‘знать’ (равновесие гласных).

5. В восточнонорвежском была широко представлена монофтонгизация: drøyma ‘видеть во сне’ > drømme, haust > høst ‘осень’.

Источники наших знаний об этом периоде истории норвежского языка не очень разнообразны. Среди них в первую очередь можно назвать переводную литературу и разного рода документы, объединяемые специалистами под названием *дипломов* — распоряжения и указы королевской канцелярии, послания епископов и аналогичные. Они собраны в наше время в многотомном издании «Diplomatarium Norvegicum». Многое можно почерпнуть в норвежских народных балладах, но они были записаны несколькими веками позднее, так что языковую картину дают не очень точную.

Напротив, до нас дошла богатейшая литература на древнеисландском языке. По этой причине, в частности, в этой книге даются преимущественно примеры не из древненорвежского, а из древнеисландского.

С 1380 г. Норвегия находится в унии с Данией. Через некоторое время после заключения этой унии, особенно с середины XV в., норвежский язык начинает вытесняться датским. **Этот процесс заканчивается победой датского во всех официальных сферах к началу XVI в.**

Причин вытеснения норвежского языка датским несколько. Первая и главная — утрата Норвегией государственной самостоятельности. Второй причиной была «черная смерть», вызвавшая, как говорилось выше, полный — экономический и культурный — упадок страны. Сыграло свою роль и отсутствие четкой и твердой языковой нормы, вызванное неоднократными перемещениями места пребывания королей и королевской канцелярии. Наконец, немаловажным фактором была близость, особенно на письме, норвежского и датского (как написано в одной книге по истории норвежского языка, «норвежцы во многом

могли распознать в датском собственные языковые формы, поэтому отношение к датскому было иным, чем если бы он был совершенно чуждым навязанным языком»).

Процесс вытеснения норвежского языка датским из официальных сфер происходил постепенно.

С 1450 г. (период правления датского короля Кристиана I) все королевские распоряжения, направляемые из Копенгагена в Норвегию, пишутся по-датски. Норвежская канцелярия еще некоторое время пользовалась норвежским языком, но он был полон данизмов и свецизмов и постепенно вытеснился датским.

Архиепископы в Нидарусе (месте их пребывания) пользовались норвежским языком до 1510 г., когда умер архиепископ Гауте. Новым архиепископом был назначен датчанин (Erik Valkendorff), и датский язык вытеснил норвежский в церковной сфере.

Разговорным языком в стране, естественно, оставался норвежский, существовавший в форме сельских диалектов. Таким образом, в стране установилось положение с двумя языками — письменным датским и разговорным норвежским, не имевшим письменной формы.

Эта ситуация — исток того необычного языкового положения, которое характеризует современную Норвегию.

45. Нижненемецкие заимствования. В этот период в норвежский язык (равно как и в датский, и шведский) входит множество заимствований из нижненемецкого. Это связано с расцветом Ганзейского союза (XIV–XVI вв.), ведшего широкую торговлю со Скандинавией. Заимствовались слова, обозначавшие новые для скандинавов понятия из области ремесленного производства, строительства, архитектуры, военного дела, социальных отношений, торговли, названия многих товаров, предметов быта и др. (примеры приводятся в современной норвежской форме): redskap ‘орудие’, verksted ‘мастерская’, mester ‘мастер’, bøkker ‘бондарь, бочар’, buntmaker ‘меховщик’, skredder ‘портной’, spiker ‘гвоздь’, slott ‘зáмок’, peis ‘камин’, krig ‘война’ (это слово вытеснило др.-норв. styrjǫld, stríð), kamp ‘борьба’, krutt ‘порох’, handel ‘торговля’, frakt ‘фрахт’, regne ‘считать’, papir ‘бумага’, greve ‘граф’, rådhus ‘ратуша’, borger ‘гражданин’, ridder ‘рыцарь’, undersått ‘подданный’, bomull ‘хлопок’, gaffel ‘вилка’, skap ‘шкаф’, kurv ‘корзина’, strømpe ‘чулок’, støvel ‘сапог’ и множество других.

Были заимствованы, далее, ряд абстрактных существительных (angst ‘страх’, fare ‘опасность’, ære ‘честь’, makt ‘мощь; власть’, lykke ‘счастье’, rykte ‘слух’) и ряд прилагательных (fri ‘свободный’, tapper ‘смелый’, stolt ‘гордый’, klok ‘умный’, skjønn ‘прекрасный’, svak ‘слабый’, и др.). Более того, из нижненемецкого в ту эпоху был заимствован ряд аффиксов (префиксов и суффиксов): an-, be-, bi-, ge-, -bar, -else, -eri, -het, -inne, -ske.

О роли нижненемецких заимствований в норвежском языке профессор Финн Хёднебё писал: «Мы едва ли можем высказать какую-либо мысль, не прибегая к таким словам, и можно без труда составить произвольное предложение из одних нижненемецких заимствованных слов, например: Skredderen tenkte at trøya passet fortreffelig, men kunden klaget og mente at plagget var kort og og tøyet simpelt og grovt 'Портной думал, что куртка сидит превосходно, но заказчик пожаловался, высказавшись, что она коротка, а материал простоват и груб'. Предложение состоит из 20 слов, но только три коротеньких слова — at 'что', og 'и' и глагол var 'был' — норвежские. Остальное — заимствования».

Характерная деталь: заимствовались не только слова для понятий типа krutt 'порох', для которых до этого не имелось обозначения, но заменялись и слова, существовавшие в языке, однако обозначавшие понятия более архаичные; так, древненорвежские слова styrjold, strlb 'война' были вытеснены заимствованием krig, поскольку была существенная разница между войнами, скажем, эпохи викингов и XIV в. и поздними, с применением огнестрельного оружия.

XVI–XVII ВЕКА

46. Датский язык в Норвегии в XVI–XVII вв. В XVI в. датский язык окончательно вытесняет норвежский как письменный во всех официальных сферах.

В 1530 г. начинается **перевод законов страны** на датский язык. Норвежский язык законов к тому времени настолько устарел, что стал непонятен. Один из переводчиков писал, что он переводил законы «po thet mal som alle kunne forstoe» — 'на язык, который бы все понимали'. В старинных норвежских законах были и непонятные термины, и сам язык нуждался в модернизации. Такая работа в эпоху Реформации велась во всех Скандинавских странах, но в Норвегии законы были переведены **на датский язык**. Нового перевода требовали датские чиновники — ленсманы, фогды, епископы и часть пасторов. Они просто плохо понимали старинный норвежский юридический язык.

Работа велась долго. С введением в 1591 г. должности суренскриверов (sorenskriver — чиновник, судья первой инстанции, нотариус и т. д.) перевод пошел быстрее. Новый текст, одобренный датским королем Кристианом IV, был готов в **1604 г.** Позже он получил название «Christian IV's norske lov». Законодательство было напечатано.

Важнейшее значение для судеб норвежского языка имела **Реформация**. В исторических исследованиях называются две даты Реформации — 1536 и 1537 гг. Дело в том, что в 1536 г. датский король Кристиан III в один и тот же день объявил о том, что Норвегия становится частью (провинцией) Дании, и о введении в ней Реформации. Сопротивление норвежцев, возглавляемых архиепископом Улавом Энгельбректссоном, было сломлено. Улав бежал, и датские войска высадились в Норвегии в 1537 г. Таким образом, Реформация была введена сверху. Это стало переломным моментом в переходе от норвежского языка к датскому.

В ряде других европейских стран Реформация способствовала созданию нормы национального языка (важнейшую роль сыграл перевод Библии). Так, в Германии Мартин Лютер (1483–1546) перевел (и превосходно!) на немецкий язык Библию, создав нормы общенемецкого литературного языка. В Норвегии же, напротив, в качестве письменного закрепился язык другой страны. Вся литература, связанная с Реформацией, поступала в Норвегию на датском языке. Особую роль, кстати, сыграла даже не столь-

ко сама Библия, сколько катехизис и псалтырь, поскольку к конфирмации (введена она была в 1736 г.) готовились по катехизису, а на смену католической литургии пришло хоровое пение псалмов прихожанами.

После осуществления Реформации почти все епископы в Норвегии были датчанами. С 1629 г. норвежские пасторы должны были окончить Копенгагенский университет. Постепенно в Норвегии образовались обширные наследственные роды датских священнослужителей (множество их потомков и в настоящее время живет в Норвегии).

Каким же религиозным книгам, написанным по-датски, было суждено сыграть главенствующую роль в Норвегии?

Это прежде всего так называемая «Библия Кристиана III» 1550 г., названная так по имени правившего в то время датского короля. Основную работу по ее переводу выполнил Кристьерн Педерсен. Он также издал латинско-датский словарь (1510) и перевел «Gesta Danorum» («Деяния датчан»), написанные по-латыни в конце XII — начале XIII в. датским историком Саксоном Грамматиком (Saxo Grammaticus, 1140 — ок. 1208).

Вскоре выходят новое руководство для священников с текстами и описанием служб (alterbog) Педера Палладиуса и датская книга псалмов Ханса Томесена.

Все эти книги печатались в Дании, так как в Норвегии не было своих типографий. Показательно, что если в Дании первая книгопечатня возникла в 1480 г., то в Норвегии первая типография открылась лишь в 1643 г., т. е. более чем на полтора века позднее.

47. Разговорная речь в Норвегии. В рассматриваемый период Норвегия была более чем на 90% крестьянской страной, и, следовательно, более 90% населения говорило на диалектах, на которые датский, в общем, не оказал влияния.

К концу XVII в. разговорная речь высших слоев горожан начинает испытывать датское влияние. Однако одновременно идет и другой процесс: дети датских переселенцев испытывают влияние норвежских диалектов. Возникают смешанные говоры. Это особенно касалось звуковой стороны языка и морфологии. В XVII в. еще различались два варианта разговорной речи — официальный и диалектный. Постепенно происходит выравнивание, образуется «den dannede dagligtale» ‘речь образованных слоев’.

48. Норвегизмы у норвежских писателей. Хотя печатная продукция выходила в Норвегии в рассматриваемый период на датском языке, из этого не следует, что в языке у писавших по-датски норвежских писателей не было специфически норвежских черт (норвегизмов, по-норвежски norvagismer, særnorske ord). С детства они говорили по-норвежски, а затем осваивали датский язык, но норвежская основа давала о себе знать.

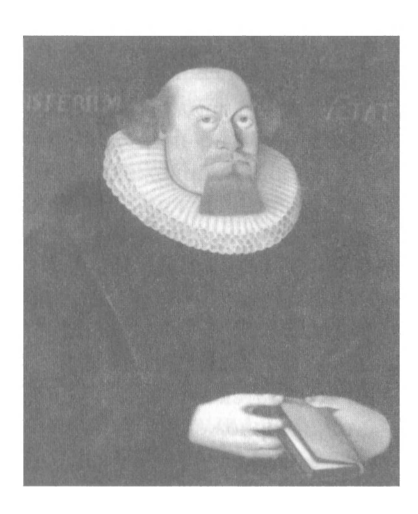
Говоря о норвегизмах той поры, следует различать два их вида.

С одной стороны, это были неосознанные норвегизмы, т. е. норвежские формы и слова с точными датскими соответствиями, но употреблялись они норвежскими писателями «по недосмотру», поскольку были для них естественны и они просто не замечали, что данные слово или форма не соответствуют нормам датского языка.

С другой стороны, когда норвежские писатели писали о Норвегии, они нередко использовали «лексические норвегизмы», т. е. слова, обозначающие специфически норвежские понятия, не имеющие наименования в датском, например, названия элементов ландшафта, животных, метеорологических явлений, отдельных социальных отношений и т. д. Использовались «лексические норвегизмы» также для создания местного колорита.

Теме норвегизмов в творчестве норвежских писателелей той эпохи посвящено немало работ норвежских лингвистов. Ниже приводятся некоторые примеры норвегизмов.

Так, у Абсалона Педерссёна Бейера (Absalon Pederssøn Beyer, 1528–1575), особенно известного своим сочинением «Om Norgis Rige» («О норвежском королевстве»), неожиданно встречается норвегизм ein (и как артикль и как числительное) вместосоответственно датских en и een. Много норвегизмов у Педера Клауссёна Фрииса (Peder Claussøn Friis, 1545–1614), прежде всего известного своими переводами королевских саг Снорри Стурлусона и автора сочинения «Norriges oc omliggende Øers sandfærdige Bescriffuelse» («Правдивое описание Норвегии и окружающих островов»), а также других писателей XVI в.

Петтер Дасс

Особо следует остановиться на творчестве одного из норвежских писателей того времени — Петтере Дассе (Petter Dass, 1647–1707), авторе знаменитого стихотворного произведения «Nordlands Trompet» («Труба Нурланна»). Это очень богатое по языку поэтическое описание Северной Норвегии, ее жителей и природы. Видимо, у Дасса норвегизмов больше, нежели у какого-либо из норвежских поэтов периода датского господства. Подсчитано, что на тысячу стихотворных строк у Дасса приходится около пятисот норвегизмов.

Так, уже на первой странице начальной главы поэмы Дасса насчитывается

около десятка норвегизмов. В основном это, конечно, норвежские реалии: fjære ‘осыхающая при отливе часть морского берега’, датского соответствия нет; gjeld, совр. норв. hjell ‘сушила’ (конструкция из жердей для сушки или вяления рыбы) и т. п. Однако на этой же странице Дасс употребляет и форму hand ‘рука’ (дат. hånd) — норвегизм первого типа.

Vær hilſet I Nordlands bebyggende Mænd,
Fra Værten i Huuſet, til trælende Svend,
Vær hilſet I Kofte-klæd Bønder;
Ja ſamtlig, ſaavel ud til Fiære ſom Field,
Saa vel den der bruger med Fiſken paa Gield,
Som ſalter Graa-Torſken i Tønder.
Vær hilſet i Geiſtligheds hæderlig Lius,
Prælater og Orden i Helligdoms Huus,
Hver i ſin Beſtilling hin gieve;
Tillige du velbetroed' Øvrigheds Mand,
Som bør bære Sverdet og Rætten i Hand,
Fra Vold og U-noder handthæve.
Hil være Leilændingen, Huusmanden og,
Hver Odelsmand med den Strandſiddende Flok
Af hvad for ſlags Middel og Evne;
Udliggere, Kremmere, hvad Navn de har,
Samt fleere, ſom jeg her udtydelig klar,
For Mangel paa Tiid ey kand nævne.
Hil være det elſkelig Qvindelig Kiøn,
Matroner og ægtegift Huſtruer ſkiøn,
Madamer med ugifte Piger;

Из «Трубы Нурланна» Петтера Дасса

Людвиг Хольберг

Как и у других, в том числе более поздних, авторов, норвегизмы Дасса делятся на три вида. Первый вид — это обозначения элементов норвежской природы, жизненных условий и т. п., не имеющих параллелей в жизни Дании и потому датских названий. Таковы, к примеру, норвегизмы simle ‘важенка’ (самка северного оленя), gust ‘порыв [холодного] ветра’. Второй вид норвегизмов — слова разных корней в норвежском и датском, ср. норв. kveite (у Дасса Queite) ‘палтус’ — дат. helleflynder. Третий вид норвегизмов охватывает фонетические и грамматические формы, отличающиеся от датских в некоторых деталях (в ломаных скобках указаны датские соответствия): sein (у Дасса sәjn) ‘поздний’ (sen), garder ‘дворы’ (gårde); существительное hval заменяется местоимением han <den>, a sild — hun <тоже den>. Употребляются Дассом и просторечные норвежские синтаксические конструкции типа han Halvar i Aasen ‘Халвар со Склона’, Ole på Vollen sin Hæst ‘лошадь Уле с Луга’.

Особый интерес представляет язык **Людвига Хольберга** (1684–1754), по праву считающегося создателем новой датской и норвежской прозы, классиком обеих литератур. Хольберг — выдающийся комедиограф, его пьесы до сих пор идут на сценах датских театров.

Л. Хольберг родился в Бергене. С 1702 г., за небольшим перерывом, он жил и работал в Копенгагене. Преподавал в университете, впоследствии — в должности профессора, а затем был ректором.

Хольберг старался писать на максимально чистом датском языке, но допускал немало погрешностей, особенно в начальный период творчества. Он сам признавался: «Произношение, приобретенное в детстве, таким и остается». Своих норвегизмов сначала не замечал, но позже исправлял их. Датскую фонетику он полностью не освоил, в частности датский толчок (stød), мелодика предложения у него оставалась норвежской. Приведем несколько из множества возможных примеров норвегизмов у Хольберга (в ломаных скобках, как и выше, указана правильная датская форма): dager <dage> ‘дни’, bierg <bjerge> ‘горы’, sidene <siderne> ‘стороны’ и т. д. Есть у Хольберга и лексические норвегизмы.

Своим живым, естественным и богатым языком Хольберг оказал огромное влияние на датский. Историк Сум сказал, что Хольберг научил датский народ писать, думать и рассуждать на своем родном языке.

Выдающийся датский лингвист Расмус Раск писал, что никто не имеет больших заслуг в создании датского языка, нежели Хольберг. Это самый читаемый писатель своего времени, автор $^{7}/_{9}$ всех книг в библиотеках страны. Его «Danmarks og Norges Beskrivelse» («Описание Дании и Норвегии») была после Библии самой распространенной книгой в Норвегии.

К творчеству Хольберга восходит множество употребительных и по сей день крылатых слов (популярных цитат), например: politisk kannestøper '≈ политикан', uskyldig som et barn som ligger i sin mors liv 'невинный как дитя в чреве матери', skriver I, karle? 'а вы, парни, всё пишете?', gå med en borgermester i maven досл. 'вынашивать бургомистра', т. е. 'мечтать о карьере, иметь честолюбивые планы' и т. д.

Важнейшая заслуга Хольберга состоит в том, что он утвердил датский язык наравне с латынью, немецким и французским.

Собственно говоря, норвегизмы встречались у всех поэтов норвежского происхождения, как бы они ни старались писать на максимально чистом датском языке. Например, у одного хорошего поэта неожиданно встречается like <дат. lige>, а лексические норвегизмы он допускает с извинениями: живу, мол, я в северной глуши, вдалеке от культурной жизни.

Примерно в 70-е гг. XVIII в. зарождается норвежский патриотизм. В языковом плане это означало сознательное использование норвегизмов, особенно при описании норвежского ландшафта и жизни народа. Правда, для датского читателя некоторые лексемы пояснялись.

У Юхана Хермана Весселя (Johan Herman Wessel, 1742–1785), автора «Любви без чулок» (1772), знаменитой пародии на классическую французскую трагедию, норвегизмов относительно немного: он с 19 лет до самой смерти жил в Копенгагене. Однако они встречаются и у него, например: sydde 'шил' <дат. syede>, det arme Dyret 'бедное животное' (двойной артикль), Talen sin 'своя речь' <дат. только sin Tale> и др.

Таким образом, можно повторить, что норвегизмы вводились в текст авторами той поры либо сознательно — для обогащения языка, либо бессознательно — как привычные, естественные для них. Это было характерно для таких писателей и поэтов, как Клэус Фастинг, Юхан Нурдал Бруун, Клэус Фриманн, Енс Сетлитц и др.

Сельская поэзия. На протяжении всей истории норвежского языка создавались литературные произведения на диалектах. В записи до нашего времени дошли, конечно, немногие. Помимо баллад (folkeviser), это различные стихи на случай (leilighetsdikt), особенно к свадьбам. Многие из таких стихов не имели устойчивой формы, они писались пасторами, недостаточно хорошо знавшими местный диалект, и, как правило, не имели литературной ценности. Выделяются на этом фоне

поэма «Возвращение» Томаса Стокфлета и особенно «Гудбраннсдалские песни» Эдварда Сторма (Edvard Storm, 1749–94). Среди последних популярны до сих пор «Markje grønas, Snjogen braana» («Поле зеленеет, снег тает») и «Oss ha gjort kva gjeras skulde» («Мы сделали всё, что следовало»).

Были и серьезные попытки переводов. Так, один пастор из Трёнделага переводил на местный диалект «Книгу Бытия».

49. Изучение норвежского языка. Датский язык вытеснил норвежский как письменный язык, но устная норвежская речь, естественно, продолжала существовать. Многие норвежцы интересовались своим языком, о чем сохранился ряд свидетельств. Это в первую очередь были словари, вернее, списки слов (ordlister).

Видимо, первым норвежским словарем был словарь юридических терминов и формулировок к «Норвежскому закону Кристиана IV», составленный канцлером Енсом Бьельке (1634).

В 1646 г. выходит первый большой (≈ 1000 слов) печатный словарь норвежского языка Кристена Енсёна. В 1680 г. крупный датский чиновник Маттиас Мот стал собирать материалы для большого датского словаря. В конце XVII в. он обратился к датским и норвежским пасторам, а также к преподавателям латинских школ с просьбой присылать материалы для задуманного им словаря. Эти материалы составили 60 фолиантов. Среди них есть интересные записи из Телемарка, хорошо объясненные по-латыни и по-датски.

В 1747 г. бергенский епископ Эрик Понтоппидан издал «Glossarium Norvegicum» (лат. 'Норвежский словарь') примерно на 1000 слов, которые он определил как «такие странные норвежские слова, обычно не понимаемые нами, датчанами». Словарь предназначался для датских чиновников и пасторов.

В это время было издано еще несколько небольших словарей. Самый ценный из доосеновских словарей «Norsk ordsamling» (1802; переиздан в 2004 г.) составлен Лэурентсом Халлагером (1777–1825). Он содержит первую норвежскую грамматику, построен по дифференциальному принципу и содержит 6–7 тыс. слов; основа — диалекты Западной Норвегии.

В области грамматики, помимо краткого обзора Халлагера, основная работа того периода — незаконченный грамматический очерк норвежского языка Маркуса Снабеля. Его работу использовал Ивар Осен, который высоко ценил ее.

50. Сужение области распространения норвежского языка. Около середины XVII в. восточные области Норвегии Емтланд, Херьедален и Бохуслен отходят к Швеции. Норвежский язык полностью вытесняется английским к середине XVIII в. — на Оркнейских островах, к концу XVIII в. — на Шетландских островах.

51. Языковое развитие после 1814 г. После 1814 г., когда Норвегия перестала быть датской провинцией и вошла в личную унию со Швецией, была устранена основная предпосылка датского языка в Норвегии. Однако он продолжал оставаться безраздельно господствующим литературным языком страны. Более того, позиции датского языка в Норвегии упрочились, так как улучшилось народное образование, а все учебные материалы были датские. Иными словами, знание датского языка в Норвегии улучшилось. Идеалом был тот датский язык, которым пользовались в Дании. Норвегизмы — грамматические, фонетические и лексические — считались ошибками. Людер Саген (Lyder Sagen, 1777–1859), преподаватель Кафедральной школы в Бергене и писатель, в своем учебнике «Dansk Stilebog», 1811) предостерегал от таких «провинциализмов», как (в ломаных скобках приведены «правильные» датские формы) sint <vred>, Gut <Dreng>, Penger <Penge>, Lykt <Løgte> и т. п. Но чистый датский был мало у кого из норвежцев.

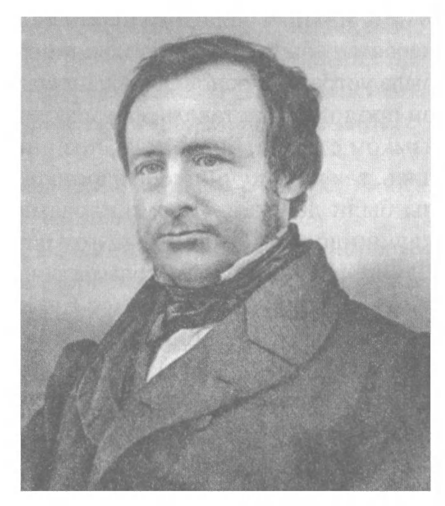
Естественно, возник вопрос о названии языка. По конституции 1814 г. он назывался «норвежским» (norsk), но датчане и многие норвежцы выступали против этого наименования. Предлагались также варианты dansk-norsk, norsk-dansk, но спор так ничем и не кончился. Часто этот деликатный вопрос обходился: использовались варианты dansk og norsk, norsk og dansk, а особенно — morsmål ‘родной язык’ (в тогдашней орфографии Modersmaal).

Норвегизмы начинают использоваться более сознательно. В журнале «Saga», который в 1816 г. начали издавать Юхан Сторм Мунк (Johan Storm Munch, 1778–1832) и Якоб Олл (Jacob Aall, 1773–1844), публиковались, в частности, переводы саг, в которых было использовано много норвегизмов. Немало их у Мэурица Хансена (Maurits Christopher Hansen, 1794–1842) и Хенрика Анкера Бьеррегора (Henrik Anker Bjerregaard, 1792–1792), кстати, автора первого норвежского национального гимна «Sønner af Norge» («Сыны Норвегии»). Названные литераторы подвергались за это критике.

О том, что датский язык был эталоном в Норвегии, свидетельствует, в частности, следующий факт. В Кристианийском театре актеры были в основном датчане, но вначале были также норвежцы. В прессе их ругали за «Agerhusisk Pøbelsprog» ‘вульгарный акерхусский язык’ (совр. Akershus fylke прилегает к северной части Осло-фьорда; крепость и замок Akershus festning находятся в Осло). Газета «Morgenbladet» писала в 1835 г.: «Большинство норвежских диалектов даже в произношении образованных людей звучит как-то резко, грубо, коряво и шокирует изысканный слух — в отличие от датского». В результате норвежские актеры были изгнаны из театра, и долгое время в нем выступали только датчане.

Хенрик Вергеланн

Петер Андреас Мунк

За норвежское произношение в 1830-е гг. боролся поэт Хенрик Вергеланн (Henrik Wergeland, 1808–1845). Борьба его не увенчалась успехом — победа пришла позднее. Патриот Норвегии и норвежского языка, Вергеланн ставил своей задачей обогатить язык. Его лозунг был «Язык обогащается норвежскими словами» (1831). В произведениях Вергеланна около 1500 норвегизмов (в три раза больше, чем у Дасса). Это и фонетические норвегизмы (Stein <дат. Sten> ‘камень’, Snø <Sne> ‘снег’, fram <frem> ‘вперед’, bryte <bryde> ‘ломать’), и лексические (dere <I> ‘вы’, erte <drille> ‘дразнить’, gjespe <gispe> ‘зевать’), и морфологические (Myra ‘болото’, Kua ‘корова’, Slægta ‘родня’ — у всех слов определенный артикль женского рода), и синтаксические (den ældste Sønnen min <min ældste Søn> ‘мой старший сын’) и множество других.

Далеко не все употребленные Вергеланном норвегизмы вошли в литературный язык. Впоследствии историк норвежского языка Дидрик Аруп Сейп деликатно писал: «Норвежские слова у Вергеланна… часто производили впечатление выпадающих из стиля».

Вергеланна резко критиковал выдающийся историк П. А. Мунк. Он был против всякого реформирования языка. Вергеланновские лексемы и формы, писал он, употребляются только «самыми низами общества» (hos den laveste Pøbel). В статье «Norsk Sprogreformation» («Реформирование норвежского языка», 1832; тогда Мунку было всего 22 года!) он обрушивается на «господ лапателей или губителей языка, которые из ложных патриотических стремлений, с вопиющим невежеством и смехотворнейшей непоследовательностью, отчаянно пытаются, не имея

ни четкой цели, ни продуманного плана, постыдным образом обезобразить и смешать в диком беспорядке наши диалекты».

Мунк не просто подверг уничтожающей критике язык произведений Вергеланна. У него была и своя позитивная программа: «Норвежский литературный язык должен строиться таким образом, чтобы один из наших самых чистых диалектов был представлен формами слова, сравнимыми с нашим древним языком».

Петер Кристен

Ответ, написанный Вергеланном Мунку тогда же и носивший название «Om norsk Sprogreformation» («О реформировании норвежского языка»), был опубликован лишь в 1835 г. В нем содержались слова, цитируемые до сих пор: «Его [т. е. норвежский язык] время само породит до того, как закончится столетие, и это произойдет тем скорее, чем для этой цели объединятся силы». О себе он писал, что использовал норвегизмы как патриот, как демократ и как поэт.

Ёрген Му

Таким образом, уже в 1830-е гг. наметились две основные линии развития норвежского литературного языка. Одна из них заключалась в норвегизации датского языка в Норвегии, другая — в создании норвежского языка на основе норвежских сельских говоров. Характерно при этом, что Мунк, противник норвегизации датского языка, по существу явился духовным отцом ланнсмола, правда, в несколько ином — неосеновском — виде.

Национальный романтизм в Норвегии в середине XIX в. особенно проявился в двух важнейших изданиях.

В 1841 г. началась публикация норвежских народных сказок (Norske Folkeeventyr), которые собрали и обработали в 1830-е гг. Петер Кристен

Асбьёрнсен (Peter Christen Asbjørnsen, 1812–1885) и Ёрген Му (Jørgen Moe, 1813–1882).

Книга норвежских народных сказок 1841 г. рассматривается исследователями норвежского языка как очень важная веха в его истории, его стилистическое обновление. У Асбьёрнсена и Му норвегизмов гораздо больше, чем у Вергеланна, но они гармонично входят в текст. С одной стороны, у этих сказок датская орфография, с другой — стиль, синтаксис, множество лексических единиц у них чисто норвежские. Как часто пишут историки норвежского языка и норвежской литературы, весь дух книги был норвежский. Эти сказки оказали влияние на многих норвежских писателей.

В **1852–1853 гг.** Магнус Бруструп **Ланнста** (Magnus Brostrup Landstad, 1802–1880) издал сборник **норвежских баллад и песен** (Norske Folkeviser), изустно бытовавших в народе со времен средневековья. Наряду с Асбьёрнсеном и Му он явился одним из основателей норвежской фольклористики.

52. Russenorsk. Не позднее начала XVIII в. (а скорее всего, ранее) начались торговые связи между Северо-Западом России (поморами) и Северной Норвегией. В Норвегии эта торговля получила название поморской (pomorhandelen). Русские поморы, жившие на побережье Белого и Баренцева морей, привозили в Норвегию (в первую очередь в города Вардё, Вадсё, Хаммерфест и Трумсё) муку, зерно, лен, коноплю, деготь, полотно и т. п. и меняли эти товары на рыбу. Эта торговля продолжалась до самой революции 1917 г.

Естественно, участники торговли должны были каким-то образом объясняться друг с другом. Так возник смешанный язык, называемый ионорвежски russenorsk 'русско-норвежский'. Следует отметить, что под норвежским в данном случае понимаются северонорвежские диалекты.

Хотя «русско-норвежским» занимался ряд норвежских исследователей, полной ясности относительно него нет. Это связано со следующими моментами:

1) общий объем дошедшего до нас материала весьма невелик: он составляет около 400 слов. В основном это записи разговоров между норвежцем и русским, в которых обсуждаются цены на обмениваемые товары, погода, ветры и семейные дела;

2) скорее всего «русско-норвежский» не представлял собою языка с установившимися лексическим и грамматическим инвентарем, а мог варьироваться от индивида к индивиду. Вполне вероятно, что даже один и тот же индивид мог в одном случае использовать одну форму, а в другом — иную, причем обе — в одинаковом значении. Записи проводились, излишне говорить, не филологом, а каким-то рыбаком для утилитарных целей;

3) торговля осуществлялась лишь в летний сезон, и то не весь.

По этим причинам, по мнению некоторых исследователей, «русско-норвежский» не вполне корректно называть языком.

Можно выделить отдельные специфические черты «русско норвежского»:

1) употребление местоименных форм moja и tvoja в качестве личных местоимений соответственно 1-го и 2-го л. ед. ч. (ср. рус. шутл. *моя твоя не понимает*);

2) употребление предлога på (в записях po, paa) в качестве универсального показателя разнообразных пространственных, временны́х и т. п. значений;

3) использование форманта -om [-um] как глагольного показателя. Впрочем, этот формант использовался не всегда, ср. приводимые ниже примеры. Как в русском, глагол-связка в настоящем времени не употреблялся;

4) лексика «русско-норвежского», по подсчетам его исследователей, была примерно на 50% норвежской, на 40% русской. Впрочем, ввиду ограниченности материала цифры эти едва ли точны. В нем было также некоторое количество заимствований из шведского, немецкого, английского, французского (!) и других языков;

5) утверждение исследователей, что в «русско-норвежском» грамматика исключительно норвежская и она начисто лишена русских элементов, представляется неверным. К сожалению, вдаваться в подробности здесь нет возможности.

Ниже приводится несколько предложений — примеров «русско-норвежского». Они не требуют комментариев.

Kak sprek? Moja niet forsto. — Что ты сказал? Я не понял.

Kapitan på kajuta slipom. — Капитан спит в каюте.

Kjøp I seika, treska, tiksa o balduska? — Купите сайду, треску, пикшу и палтуса?

Da, da — moja kopom altsamma, davai på skip kom. — Да, да, всё куплю, поднимайся на борт.

Æta grot dyr. — Это очень дорого.

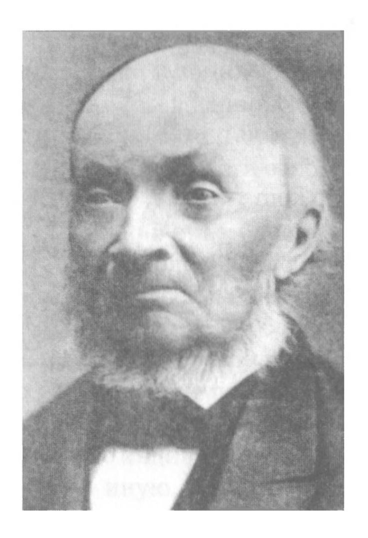
XIX ВЕК

53. Ивар Осен (Ivar Andreas Aasen, 1813–1896) — человек, которому было суждено сыграть важнейшую роль в истории норвежского языка.

Он родился в крестьянской семье на хуторе Åsen (в тогдашней орфографии Aasen) в районе Эрста (Ørsta) в области Суннмёре (Sunnmøre; в настоящее время в фюльке Мёре-о-Румсдал). В 13 лет он осиротел и пять лет работал на хуторе. Затем проводил занятия для школьников, а потом работал учителем.

Осен не стал поступать в университет, был самоучкой. Он самостоятельно овладел латынью, немецким, древненорвежским (древнеисландским). В 1836 г. написал работу о положении норвежского языка в стране. В ней излагался план языковой реформы: собрать слова и грамматические формы, выработать словарь и грамматику и построить то, что он назвал «главным языком» (Hovedsprog). Выполнить всё это он собирался сам.

В 1841 г. Осен издал работу о диалекте Суннмёре, и она произвела на научное общество такое благоприятное впечатление, что автору была выделена стипендия для создания грамматики и словаря норвежских диалектов. На эту стипендию он в 1842–1847 гг. совершил в одиночку (!) свою первую диалектологическую экспедицию по большей части Норвегии (см. карту). По окончании путешествия он подсчитал его длину. Оказалось, что он преодолел 4030 км — пешком, в телеге, на лодке.

Ивар Осен

Позднее он признавался, что само путешествие ему не доставляло никакого удовольствия, им двигала только идея. Таких экспедиций он совершил впоследствии несколько (последняя была в 1883 г.).

Любопытно, что осеновскими информантами, за единичными исключениями, были только мужчины. Ему вообще было нелегко общаться с незнакомыми людьми.

Отчасти это объяснялось тем, что его информанты плохо понимали, что ему нужно, и считали его просто чудаком.

В осеновские времена диалектологи, да и вообще лингвисты, не имели каких-либо технических средств, облегчавших им работу. Всё, чем располагал Ивар Осен, были только его тончайший слух, феноменальная память и глубокие лингвистические познания. Всё свое путешествие он проделал с сундуком с записями и запасом бумаги и гусиных перьев.

После окончания экспедиции Осен занялся изучением и обработкой собранных материалов и практически посвятил этим занятиям всю остальную жизнь.

Осен был невероятно трудолюбив. Одно только перечисление его работ после диалектологических экспедиций свидетельствует об этом (названия приводятся в орфографии XIX в.):

1848 — выходит его «Det norske Folkesprogs Grammatik» («Грамматика норвежского народного языка»);

ber, adj. bar, blot; s. berr.
ber, Præs. af bera, og berja.
bera (e'), v. a. og n. (**ber, bar, boret**), at bære. Inf. ogsaa afvig. **bæra, bara** (Namd.), **baaraa** (Indr. Orkd.). Præs. **ber'e**. Imperf. Fl. **baaro, baare** (Sæt.), **boro** (Hall.), **børo** (Vald.), **bore**, o' (Voss), **bure**, u' (Sdm. fl.). Impf. Konj. **børe** (Sæt. Tel.). Supin. **bore** (o'), afvig. **beri** (Orkd. Indr.). G. N. bera (ber, bar, borit). Heraf Baar, bær, Burd, Byrd. — Særlig Betydning: 1) bære, have paa sig, bringe med sig, saasom i Haanden, i Favnen el. paa Ryggen. — 2) holde oppe, taale en vis Tyngde; f. Ex. om Iis, om en Bjælke, en Baad. Figurl. om at taale Modgang, Smerte eller Sorg. — 3) være bebyrdet med, skylde, være forpligtet til. (Ikke alm.). D'er han som ber det, ɔ: som bør gjøre det. Det var han som bar Slytjen, ɔ: som det tilfaldt at skyde.

Из грамматики Осена 1848 г.

1850 — он выпускает «Ordbog over det norske Folkesprog» («Словарь норвежского народного языка»);

1853 — он публикует свою самую знаменитую работу «Prøver af Landsmaalet i Norge» («Образчики норвежской народной речи»);

1854 — «En liden Læsebog i Gammel Norsk» («Краткий учебник древненорвежского»);

1856 — «Norske Ordsprog, samlede og ordnede» («Норвежские пословицы. Систематизирование собрание»);

1860 — «Norske Plantenavne» («Названия норвежских растений»);

1864 — «Norsk Grammatik» («Норвежская грамматика»);

1873 — «Norsk Ordbog med dansk Forklaring» («Норвежский словарь с датскими переводами») и др.

До конца своей долгой жизни Осен продолжал упорнейший труд по совершенствованию уже опубликованных работ и их переизданию.

Ивар Осен был также поэтом и драматургом. Его стихотворения «Gamle Norig» («Старая Норвегия»), «Dei gamle Fjelli» («Древние горы»), «Nordmannen» («Норвежец»; это стихотворение называют так-

255. De perſonlige Pronomener af tredie Perſon hedde:

Nominativ.			
han (hann, an, en).	ho (meſt almind.); hu (ha, a)	da (for: dat) dæ (meſt al.)	dei (Fleert.); di; dæm
Dat. og Akk.			
honom (om, o, ho) haanom, (haano, haanaa, naa); han (an, en).	henne (hinne, ne) henn (en), hæna (hæ, æ) ha, a; o.	da. dæ. (Dativ: di)	dei, di dæm (døm dom).
Genitiv.			
hans, haſs, (as)	henna (hinna, na) hennars.	(deſs)	deira (dei-ras)

	Maskul.	Femin.	Neutr.	Fleertal.
Nom.	han.	ho.	det (dat).	dei.
Akk. og Dat.	honom.	henne.	det.	deim.
Gen.	hans.	hennar.	deſs	deira.

Из грамматики Осена 1864 г. Образчик словаря Осена

же по начальным его словам: Millom bakkar og berg ‘Меж холмов и скал’) являются хрестоматийными. Они положены на музыку и стали народными песнями.

Обратимся к краткому обзору работ Осена.

«Det norske Folkesprogs Grammatik» (1848) представляет собой описание фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса норвежских диалектов, названных им Landssproget. П. А. Мунк написал на эту книгу восторженную рецензию.

В первой части «Prøver af Landsmålet» (1853) Осен приводит образчики около двух десятков различных норвежских диалектов, отдавая предпочтение западным. Вторая часть представляет собою тексты на созданном им ланнсмоле, т. е. на **сконструированном им варианте норвежского языка**, в котором он пытался объединить различные диалектные черты, отдавая предпочтение наиболее архаичным, т. е. особенно близким к древненорвежскому.

Если в начале своей работы над диалектами Осен пытался охватить максимум форм, то в словаре 1873 г. он отбирает те из них, которым, по его мнению, следует стать основными. Например, инфинитив со значением ‘знать’ представлен в норвежских диалектах рядом различных форм, в частности, vita, veta, veda, vætta, våttå, vyttå и др. Естественно, возник вопрос, какая из форм этих фонетических диалектизмов должна стать главной в словаре, т. е. в какой из них глагола должен подробно рассматриваться в словаре (как бы сейчас сказали, какая из них должна стать основной леммой). В данном случае Осен выбирает форму vita, представленную и в древненорвежском, но перечисляет в статье и иные формы.

Осен надеялся, что созданный им ланнсмол постепенно сможет прийти на смену «другому письменному языку». Как показала история, произошло иное (подробнее об этом будет сказано в заключительной части книги).

54. Кнуд Кнудсен (Knud Knudsen, 1812–1895). Если Ивар Осен был поборником создания нового норвежского языка, основанного на диалектах, то Кнуд Кнудсен — сторонник иного, в корне отличного направления: **норвегизации** того варианта датского, который использовался образованными слоями Норвегии.

Кнудсен родился на юго-востоке страны, неподалеку от городка Тведестранн. Отец его был издольщиком (husmann) и одновременно учителем. Кнуд Кнудсен окончил университет и работал в Кафедральной школе (гимназии) в Кристиании — с 1852 г. в должности старшего учителя (overlærer).

Свои идеи о том, каким следует быть литературному норвежскому языку, он изложил в большой статье «Om Lydene, Lydtegnene og Rets-

Кнуд Кнудсен

krivningen i det norske Sprog» («О звуках, звуковых знаках и правописании норвежского языка»), опубликованной в 1845 г. и основывавшейся на его опыте преподавания.

Основная идея Кнудсена заключалась в том, что письмо должно максимально точно отражать речь (быть ортофонным). Речь, которую должно отражать это письмо, Кнудсен определил как «den almindeligste Udtale af Ordene i de Dannedes Mund» — ‘наиболее распространенное произношение слов, употребляемое образованными людьми’.

Кнуд Кнудсен выступает прямым противником Ивара Осена в отношении того, кто должен представлять норвежское и национальное. Для Кнудсена такая основа — разговорный язык слоев, ведущих в политическом и культурном отношении, для Осена — сельские диалекты, связанные с древненорвежским.

В начале 1850-х гг. Кнудсен вел полемику с П. А. Мунком. Было ясно, что создать новый норвежский язык нереально. Но для Кнудсена орфография не была теоретическим вопросом, главную роль играли преподавание и практические моменты.

В 1856 г. он издает учебник «Haandbog over dansk-norsk Sproglære» («Руководство по датско-норвежскому языку»), пользовавшийся большой популярностью.

Кнудсен пишет множество статей и книг, в которых отстаивает свои взгляды. Главная его идея — письменный язык должен быть очищен от ненорвежских слов и фонетических черт, т. е. должен иметь тот вид, как если бы не было чужого влияния.

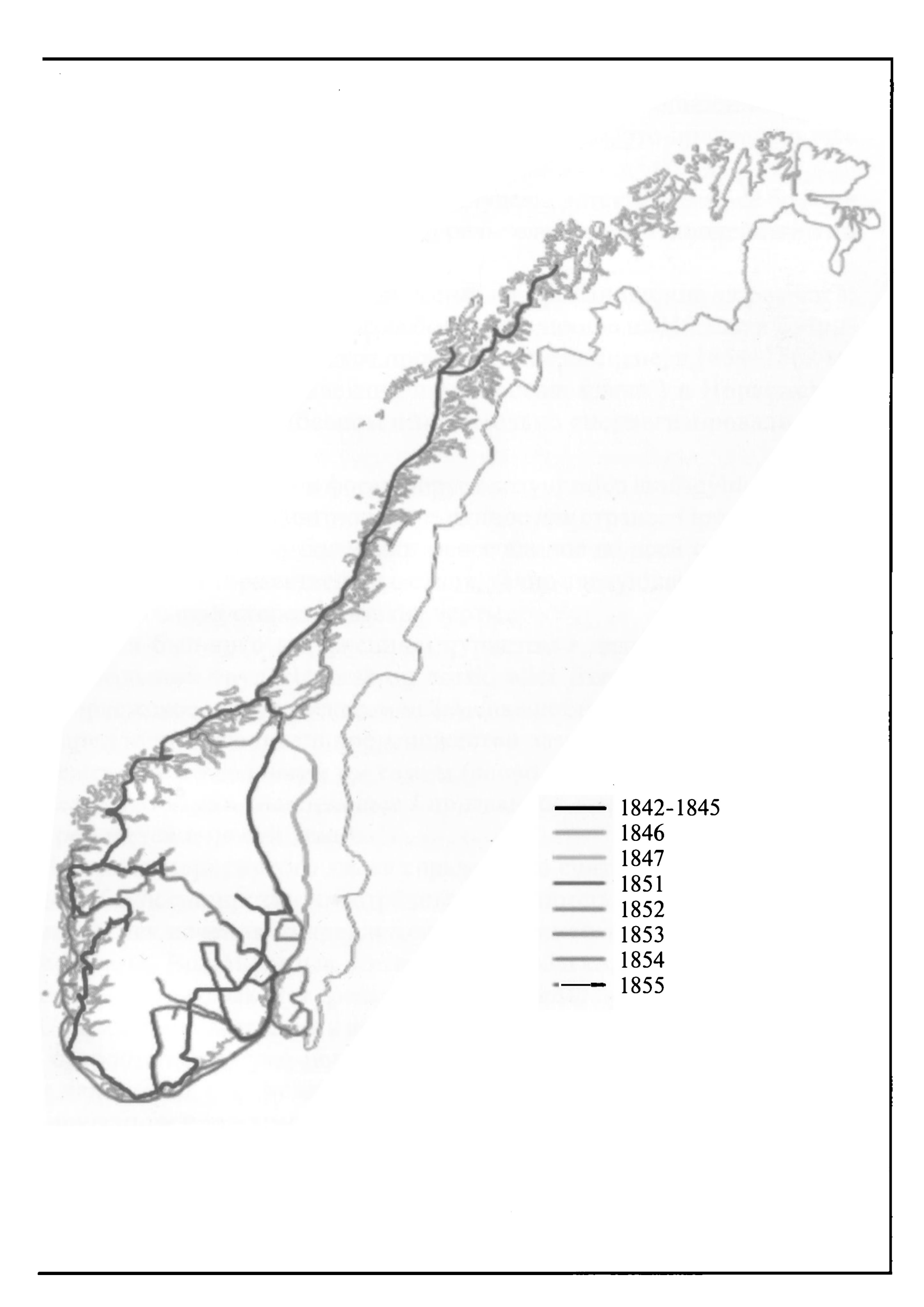
По предложению Кнудсена в 1862 г. была проведена орфографическая реформа. Она заключалась в следующем:

1) было отменено немое (нечитающееся) е, к примеру, faae ‘получать’ → faa;

2) двойные гласные были отменены и заменены одинарными: Meel ‘мука’ → Mel, Huus ‘дом’ → Hus;

3) буквы **c**, **q** и сочетание **ch** были заменены буквой **k**: control → kontrol);

4) буквосочетание **ph** было заменено на **f**: Philosoph → Filosof.

Маршруты поездок Ивара Осена с 1842 по лето 1855 г.

Однако важнейшего в своей борьбе — замены звонких согласных глухими после долгих гласных в соответствии с произношением (типа bryde 'ломать' → bryte) Кнудсен добиться не смог, это произошло уже после его смерти.

Нельзя терять времени, настаивал Кнудсен, датский язык всё больше влияет на норвежскую разговорную речь, следует противодействовать ее данизации.

Театр влиял, по мнению Кнудсена, на произношение норвежцев, как сотни датчан. Кнудсен оказал большое влияние на Ибсена и Бьёрнсона. Он боролся за норвежское произношение на сцене, в 1854–1862 гг. был språkinstruktør (≈ 'советник по вопросам языка') в Норвежском театре, сотрудничал с Ибсеном и значительно «норвегизировал» язык последнего.

В 1876 г. Кнуд Кнудсен формулирует лозунг «den landsgyldige norske uttale» — норвежское произношение, единое для страны. Произношение образованных людей — более или менее единое во всей стране, писал он, отличается от торжественного стиля, точно следующего написанию, и носит в большой степени датские черты.

Кнудсен был ярко выраженным пуристом в лексике. В 1881 г. он издает большой труд «Unorsk og norsk, eller fremmedords afløsning» («Ненорвежское и норвежское, или Замена иностранных слов»), в котором предложил значительное множество замен ненорвежских слов норвежскими, созданными им самим (слово avløser в значении 'слово норвежского языка, заменяющее / призванное заменить иностранное' употребляется и по сей день).

Историки норвежского языка справедливо считают, что длительная борьба Кнудсена против иностранных слов потерпела фиаско. За единичными исключениями предложенные им замены оказались нежизнеспособными. Вошли в язык всего лишь несколько, например: ordskifte 'прения, дебаты', bakstrev 'реакция' и некоторые другие.

Стремлениям Кнудсена к норвегизации языка способствовали опасения сторонников датско-норвежского, видевших для него угрозу в победе ланнсмола, т. е. желавших укрепить позиции датско-норвежского в конкуренции с ланнсмолом. Сам Кнудсен был противником последнего, но понимал, что у обоих течений одна цель. В книге «Hvem skal vinne?» («Кто победит?», 1886) он писал, что оба языковых течения полезны и в конце концов оба варианта норвежского языка будет разделять тонкая перегородка, которую будет легко сломать, так что они победоносно встретятся лицом к лицу.

(Как любопытный момент отметим, что и Осен, и Кнудсен прожили по 83 года, что в то время встречалось достаточно редко. Не способствовали ли их долголетию углубленные занятия норвежским языком?)

55. Литературный язык второй половины XIX в. Строго говоря, веха, ознаменовавшая новый период в истории норвежского языка, относится к концу первой половины XIX в. — 1841 г., когда началась публикация норвежских народных сказок, собранных и обработанных П. К. Асбьёрнсеном и Ё. Му.

Важным этапом в развитии норвежского языка была публикация «Крестьянских повестей» **Бьёрнстьерне Бьёрнсона** (1832–1910) в первую очередь «Synnøve Solbakken» («Сюнނнове Сульбаккен», 1857). Еще больше норвегизмов в следующей повести Бьёрнсона — «Arne» («Арне», 1859), в которой автор вместо ряда звонких согласных после долгих гласных использовал глухие. В повестях было так много норвегизмов, что датский писатель Й. Л. Хейберг писал: «Весь дух языка в них недатский». Одна норвежская газета назвала язык этих повестей «малабарским», т. е. чуждо и непонятно звучащим (от устарелого обозначения дравидийских языков).

В то время Бьёрнсон был сторонником норвегизации и полагал, что она будет прогрессировать. Однако в 1860-е гг. его захватывает идея скандинавизма, и он постепенно переходит к обычному для той поры литературному языку. К концу жизни Бьёрнсон становится в области языка консерватором. К ланнсмолу, к коему он ранее питал симпатии (в конце 1850-х гг. он был близок с группой его сторонников в Бергене), он становится в оппозицию, утверждая, что ланнсмол недостаточно развит для того, чтобы быть языком культуры. В 1900 г. он писал: «Давайте держаться вместе с датчанами в орфографии насколько возможно дольше». Впрочем, даже в его последних произведениях есть немало норвежских черт.

Хенрик Ибсен (1828–1906) заинтересовался языковыми вопросами, когда в 1857 г. стал работать с Кнудом Кнудсеном. С тех пор в его творчестве используется всё больше норвегизмов. Наибольшее их количество — в «Пере Гюнте» (1867), затем они постепенно убывают. Даже при переиздании он устраняет их — ради датского читателя. Здесь, конечно, оказали влияние идеи скандинавизма.

При реалистическом воспроизведении речи в драмах Ибсена немало норвегизмов. Их много в романах **Александера Хьелланна** (Alexander Kielland, 1849–1906) и **Юнаса Ли** (Jonas Lie, 1833–1908) при воспроведеиии народной речи. В авторском же тексте и Хьелланн, и Ли неукоснительно следовали датскому стилю.

Первым поэтом, писавшим на ланнсмоле, был, естественно, Ивар Осен. После него на ланнсмоле писал **Осмунн У. Винье** (Aasmund Olafsson Vinje, 1818–1870). Характерно, что до 1858 г. Винье писал на датско-норвежском, затем перешел на ланнсмол. Вначале он был несколько сдержан в употреблении сугубых норвегизмов (по его вы-

ражению, «чтобы не слишком пугать не привыкший к ним глаз»). Впоследствии он становится «всё более норвежским», но полной последовательности так и не достиг.

С середины 1870-х гг. ведущим писателем на ланнсмоле становится **Арне Гарборг** (Arne Garborg, 1851–1924). Как и Винье, он начал писать на датско-норвежском, но в 27 лет перешел на ланнсмол, точнее, на яренский диалект (юго-запад Норвегии). По его собственным словам, он выучил ланнсмол без учителя за одно лето. Блестящий стилист, Гарборг оказал большое влияние на писавших на ланнсмоле Кристофера Янсона, Пера Сивле, Енса Тведта и др.

56. Скандинавизм — название течения, имевшего целью культурно и политически сблизить и объединить Скандинавские страны — Данию, Швецию и Норвегию. Идея высказывалась давно, но активизация деятельности наступила лишь в начале последней трети XIX в. Так, в 1869 г. на съезде в Стокгольме в качестве делегатов присутствовали Ибсен и Кнудсен. Съезд не имел официального статуса, он мог только рекомендовать.

Что касается языковой стороны, то основные предложения были таковы: существительные пишутся с маленькой буквы; после **g**, **k** перед **e**, **æ** и **ø** ставится **j**; **ei**, **øi** заменяются на **ej**, **øj**. Ибсен и Бьёрнсон сразу же стали следовать этим рекомендациям. Официально они были учтены (притом не полностью) много позже.

57. Языковая политика. В 1870-е гг. языковой вопрос стал в Норвегии политической проблемой. Партия левых (Venstre), пришедшая к власти в 1884 г., стала бороться за ланнсмол и норвегизацию датско-норвежского.

Основные вехи этой борьбы:

1885 — принимается **likestillingsvedtaket** (постановление о равноправии), заключающееся в том, что «...норвежский народный язык как язык школы и официальный язык уравнивается в правах с нашим обычным письменным и книжным языком». Иными словами, ланнсмол и датско-норвежский применяются теперь на равных правах. Ланнсмол легитимизируется.

1887 — нормой произношения и чтения текстов утверждается «устная речь образованных слоев» (det dannede Talesprog).

1892 — вводится так называемый параграф о языке (**målparagrafen**). Согласно ему, руководство школы решает вопрос, на каком варианте ведется преподавание. К 1900 г. около 200 школ (из 6 тыс.) вводят преподавание на ланнсмоле.

1893 — в некоторых случаях допускается valgfrihet ‘свобода выбора’. Так, наряду с полными формами fader, blive, kastede и аналогичными допускаются укороченные far, bli, kasted и т. п. По мнению многих, это

решение было неудачным, так как приводило к неуверенности учащихся и языковой анархии.

Назревала языковая реформа. Одним из ее наиболее активных пропагандистов был Молтке Му (Moltke Moe, 1859–1913), ратовавший за sproglig samling i landet — ‘языковое объединение в стране’.

Борьба сторонников датско-норвежского и ланнсмола особенно усилилась на рубеже XIX и XX вв. Существовавшие с 1899 г. объединения сторонников риксмола (т. е. датско-норвежского; название *риксмол* стало официальным позднее, в 1929 г.) объединяются в Riksmålsforbundet в 1909 г. В 1906 г. создается союз сторонников ланнсмола Noregs Mållag.

В 1899 г. в университете Кристиании была учреждена кафедра ланнсмола. Ее возглавил известный лингвист Мариус Хегстад. По традиции при вступлении в должность профессор должен был прочитать публичную лекцию. Хегстад выбрал тему «Происхождение норвежских народных говоров» и прочитал лекцию на ланнсмоле.

XX ВЕК

58. Языковая ситуация. Как было показано в предыдущем разделе, к концу XIX — началу XX в. в Норвегии в области языка сложилось следующее положение.

В стране существовали официально признанные равноправными два варианта языка: датско-норвежский (позднее, в 1929 г., как сказано выше, получивший название *риксмола*, а в 1938 г. — *букмола*) и ланнсмол (который позже будет называться *nynorsk* «новонорвежским»).

Вполне естественно, что сторонники обоих вариантов имели своих приверженцев и противников.

Датско-норвежский, считали его сторонники, имел большую традицию, он несколько веков был в Норвегии языком образования, культуры, церкви, администрации, науки и пр. Не последнюю роль играло и то, что пользующиеся датско-норвежским также имели выход к большой аудитории — к датчанам. Выше было показано, что, за единичными исключениями, норвежские писатели со времен Дасса писали по-датски, хотя и допускали ошибки, объяснявшиеся их норвежским происхождением. В этом отношении даже великий Людвиг Хольберг не был исключением. Правда, рассуждали сторонники датско-норвежского, это был чужой язык, но язык освоенный, язык норвежской культуры. Ланнсмол же был, по их мнению, языком искусственным, сконструированным, базирующимся на сельских диалектах и непригодным в качестве языка культуры (что, впрочем, не мешало и сейчас не мешает его противникам высоко ценить некоторые, преимущественно лирические, произведения на ланнсмоле).

Сторонники ланнсмола считали датско-норвежский языком иностранным, навязанным стране историей. Истинно норвежская культура, по их мнению, — это культура норвежской сельской местности, в ней ее корни, а носителем истинной норвежской национальной культуры является норвежский крестьянин. Пусть еще пока ланнсмол недосточно развит, пусть он еще не может быть языком культуры и науки, но он со временем приобретет все эти качества. И это будет истинно норвежский язык, а не иностранный датский. Не случайно, что даже в наше время находятся люди — правда, их очень немного — вполне серьезно выступающие за то, чтобы ланнсмол стал единственным языком страны (nynorsk

som einaste mål i Noreg). Впрочем, утверждения, что «новонорвежский» — язык норвежской крестьянской культуры, встречаются и по сей день.

Существенным недостатком ланнсмола XIX в. было и то, что у него не было единой диалектной основы. Осен, как уже говорилось, отдавал предпочтение диалектам, близким к древнеиорвежскому, в первую очередь западным. Многие другие поэты и писатели отражали в своем ланнсмоле в большей или меньшей степени родной диалект.

Итак, назревали значительные перемены в языковой области. Датская орфография, не отражавшая в очень многих отношениях норвежский язык — особенности его фонетики, морфологии, синтаксиса и даже ряда лексических единиц, нуждалась в приведении ее в соответствие с норвежским, в норвегизации. Собственно говоря, речь шла о замене огромного множества датских форм норвежскими, причем замене системной.

Ланнсмол, преимущественно отражавший специфику западнонорвежских диалектов, был далек от ряда других диалектов, прежде вчего восточнонорвежских. При этом следует иметь в виду, что норвежские диалекты весьма существенно разнятся между собою. К примеру, в одних инфинитив оканчивается на **-а**, в других — на **-е**, в иных — на **-æ**, в некоторых вообще не имеет окончания и т. д. Палатализация характерна почти для всей северной половины страны и сравнительно небольшой части на юго-востоке, но отсутствует в области примерно к югу от выгнутой на север линии Осло — Берген. Подобных примеров можно привести множество.

Таким образом, перед реформаторами стояли разные по характеру задачи. Норвегизация датско-норвежского должна была быть, как уже сказано, в основном системной (ср., например, замены дат. gade → норв. gate ‘улица’, дат. løbe → норв. løpe ‘бежать’, дат. søge → норв. søke ‘искать’, дат. syede → норв. sydde ‘шил’, дат. gårde → норв. gårder ‘хутора’ и т. п.). При реформировании ланнсмола такая системность оказывалась неосуществимой: например, границы палатализации не совпадают с границами разного типа окончаний инфинитива (включая их отпадение) и т. п. Различия между диалектами, особенно если брать географически отдаленные, бывают весьма значительными. Иначе говоря, системность в создании единого ланнсмола была практически недостижима.

В таком языковом положении Норвегия подошла к XX в.

XX столетие стало веком норвежских языковых реформ. (Хотя смена названий вариантов норвежского языка произошла позднее, в 1929 г., с этого места книги для удобства изложения будут использоваться эти новые, они же современные официальные, названия: датско-норвежский → риксмол (riksmål, с 1938 г. bokmål; в этой книге сокращенно бм), ланнсмол → «новонорвежский» (nynorsk; в этой книге сокращенно нн.) Следует признать, что эти названия не вполне удачны, так как не отра-

жают их сути. Riksmål, досл. 'государственный язык', — такой же государственный язык страны, как и другой его вариант, и такой же новонорвежский. Bokmål, досл. 'книжный язык, — не более книжный язык, чем риксмол, и такой же 'новонорвежский'. «Новонорвежский» тоже 'новонорвежский', т. е. 'современный норвежский' — это просто новое название ланнсмола.

59. Первой в ряду реформ была **реформа риксмола 1907 г.** Основные ее моменты следующие:

А. Главное в ней — замена звонких смычных **b**, **d**, **g** после долгих гласных на **p**, **t**, **k**, ср.: дат. skab 'шкаф' → норв. skap, дат. fod 'нога' → норв. fot, дат. koge 'варить' → норв. koke (это был один из важнейших пунктов программы Кнуда Кнудсена). Правда, факультативно сохранило старое написание некоторое число литературных, книжных слов (и производных от них), например: haab/haap 'надежда', bog/bok 'книга'. Отдельные книжные слова до сих пор (более века после реформы!) сохраняют дореформенное написание и/или произношение (например, overfladisk 'поверхностный' при overflate 'поверхность', antagelig/antakelig 'предположительно', røbe/røpe 'выдавать'). Характерный пример: на слова takk for sist (обозначает благодарность за совместно приятно проведенное перед этой встречей время) до сих пор ответ произносится со звонкими смычными — (takk) i li[g]e må[d]e.

Разумеется, реформа не затронула слова с этимологически звонкими типа dag 'день' (ср. др.-норв. dagr), tid 'время' (ср. др.-норв. tíð) и т. п.

Б. Вводилось написание двойных согласных в конце сугубо норвежских слов типа fonn 'снежник'. То же в случаях, когда возможно смешение слов, ср.: fet 'жирный' и fett 'жир', tak 'крыша' (дат. tag) и takk 'спасибо' (дат. tak).

В. Изменения в морфологии: 1) введены краткие формы (в скобках указаны старые): fjær (fjeder) 'перо', kule (kugle) 'шар; пуля' и др.; факультативно: ha/have 'иметь', dra/drage 'тянуть', tatt/taget 'взятый' и др.; 2) окончание **-e** у мн. ч. сущ. общ. р. заменено на **-er** (heste 'лошади' → hester); 3) основная масса исконных сущ. ср. р. стала употребляться без окончания во мн. ч. (borde 'столы' → bord); 4) рекомендовано, чтобы показатель мн. ч. с определенным артиклем во всех случаях имел форму **-ene** (ранее часть имела форму **-erne**); 5) претерит глаголов типа kaste 'бросать' получил показатель **-et** (ранее -ede/-ed); 6) односложные слабые глаголы приобрели парадигму: naa 'достигать' — naadde — naadd (ранее naaede — naaed); 7) прилагательные на **-ig**, **-lig** должны употребляться без форманта **-t** в ср. р.: ærlig 'честный' — et ærlig (ранее ærligt) menneske 'честный человек'.

Реформа привилась довольно быстро, что было связано с расторжением унии с Данией. Во многом был осуществлен принцип «литературный

язык Норвегии должен основываться на норвежской речи». Она явилась решительным разрывом с датской орфографией.

При всех достоинствах первой реформы оставались моменты, требовавшие дальнейшей коррекции, т. е. должно было быть продолжено совершенствование реформирования орфографии, нужна была новая реформа.

Описанная выше реформа была названа орфографической (rettskrivningsreform), как и последовавшие за ней вторая, третья и пр. Это название весьма неточное. Чисто орфографических моментов касались только отдельные ее положения, но ряд их затрагивал морфологию языка (heste → hester и т. п.). Вторая реформа вообще в большей степени была языковой, нежели орфографической. Введение артикля ж. р., отчасти альтернативного, отчасти обязательного, никак не может быть отнесено к чисто орфографической стороне языка.

Характерно, что неосознанное использование форм, введенных лишь в 1907 г., встречалось в текстах и до этого. Так, в одном научном тексте по астрономии, опубликованном в 1903 г., использованы формы Utvidelse 'расширение' (дат. Udvidelse), skrumpet... ind 'сжался' (дат. skrumpede ind) и т. п.

60. Вторая реформа риксмола была осуществлена **в 1917 г.** Вот ее основные моменты:

1. Диграф **aa** было рекомендовано заменить буквой **å**. Эта рекомендация (также для «новонорвежского») стала обязательной год спустя, в 1918 г.

2. Введение написания **двойных согласных в конце слова после кратких гласных** (tørr 'сухой', rygg 'спина', ранее tør, ryg). Было сделано несколько важных исключений из этого правила, одно из них — слова at 'что' (союз), op 'вверх', som 'как; который', til 'к' не стали писаться через двойные согласные. Впрочем, позднее было введено написание opp. Остальные из этих слов и теперь пишутся без удвоения букв.

3. Более последовательное написание глухих согласных, например, tillit 'доверие' вместо прежнего tillid.

4. Введение исторических **ll** и **nn** вместо **ld** и **nd** как в датском, например: full 'полный' вместо fuld, mann 'человек' вместо mand. Но слова, в которых **d** в этих диграфах было историческим (например, в land 'страна', kveld 'вечер'), продолжали (и продолжают) писаться по-старому.

5. Введение формы артикля **-ene** во мн. ч. во всех случаях.

6. Вместо формы **at** инфинитивной частицы вводилась форма **å**.

Заслуживает внимания та часть текста второй реформы, которая давалась как «альтернативные изменения». Она фактически предвосхищала следующую реформу и состояла из следующих пунктов:

1. Допускается артикль **-a** ед. ч. ж. р., а также показатель **-a** у претерита и причастия II слабых глаголов I класса типа kaste 'бросать'.

2. Допускаются многие сугубо норвежские и диалектные формы: ku 'корова', bru 'мост', tru 'вера; верить', golv 'пол', bjørk 'береза', snø 'снег', fram 'вперед' (ранее только ko, bro, tro, gulv, bjerk, sne, frem) и др.

Примечание. Поэтому название парусного корабля «Фрам», на котором осуществили свои полярные экспедиции в конце XIX в. Фритьоф Нансен, затем Отто Свердруп, а в XX в. — Руал Амундсен, было «сугубо норвежским», патриотическим.

3. Допускаются формы с дифтонгами: stein 'камень', røik 'дым', laus 'свободный', особенно в названиях ряда животных и растений: rein 'северный олень', hauk 'ястреб', eik 'дуб', einer 'можжевельник' и т. п.

4. Наряду с формами местоимений jeg 'я', hun 'она', ham 'его' допускаются je, hu и 'п.

Как явствует из описания содержания первых двух реформ, риксмол был очень приближен к его современному виду (XX–XXI вв.). Впоследствии были добавлены несущественные детали некоторые (например, п. 4) устранены. Самое важное — вторая часть второй реформы ввела в качестве альтернативных моменты, положившие начало обилию факультативных форм, что, в сущности, лишило официальный риксмол четкой нормы. Эти альтернативные моменты в будущем стали источником колоссального параллелизма.

Реформа 1917 г. встретила сопротивление, особенно со стороны приверженцев риксмола. Так, Кнут Гамсун (1859–1952) опубликовал работу «Sproget i Fare» («Язык в опасности», 1918).

В 1934 г. была создана новая комиссия со следующими задачами: 1) сокращение количества двойных форм; 2) сближение (tilnærming) обоих вариантов норвежского языка «på norsk folkemåls grunn» 'на основе народного норвежского языка'. Объединить эти задачи было трудно, предполагалось, что «радикальные» (новые) формы со временем станут единственными официальными. Как уже упоминалось, в 1929 г. были заменены названия вариантов норвежского языка. Датско-норвежский получил с этого времени название **riksmål** 'риксмол', а landsmål — **nynorsk** 'новонорвежский'. Риксмол получил в 1938 г. название букмол (bokmål).

61. Третья реформа (1938) стала пиком норвегизации. Из дальнейшего будет ясно, что последующие реформы (они, правда, реформами уже не назывались), по сути дела, стали постепенным отступлением от положений рассматриваемой ниже реформы.

Третьей реформой были введены два типа форм: «единственные» (eneformer) и «двойные».

Единственные формы, как подсказывает само название, не имеют параллельных, например: hus 'дом', tak 'крыша'. Двойные делятся на перечисленные ниже категории:

1) Jamstilte former 'равноправные формы', т. е. формы, допустимые в равной мере, например, sen 'поздний' и sein;

2) Hovedformer 'основные формы'; они могут использоваться во всех случаях, например høst 'осень';

3) Sideformer 'параллельные формы', например [haust] 'осень'. Их не разрешается использовать в школьных учебниках и официальных текстах. В официальном орфографическом словаре такие формы до сих пор приводятся в квадратных скобках.

Среди «равноправных форм» различаются moderate 'умеренные', более традиционные, литературные, консервативные (например, mave 'живот', gulv 'пол') и radikale 'радикальные', т. е. (более) разговорные, например: mage, golv. Сказанное относится и к морфологии: большинство форм ж. р. с определенным артиклем (типа dronninga 'королева') или причастия II на **-a** (типа kasta) являются радикальными.

В соответствии с этим различаются «радикальный букмол» (radikalt bokmål) и «умеренный букмол» (moderat bokmål). Название riksmål до сих пор используется сторонниками консервативного варианта букмола.

Аналогичное деление характерно и для «новонорвежского».

В области фонетики в качестве eneformer были зафиксированы приводившиеся выше слова bjørk, bru, fram, далее snø 'снег', sju '7', tjue '20' и множество других. Альтернативно: slippe/sleppe 'отпускать', bo/ bu 'жить', bånd/band 'лента', lav/låg 'низкий', glemme/glømme 'забывать', syk/sjuk 'больной', selv/sjøl 'сам' и др. Всё это — высокочастотные лексемы.

Дифтонг стал обязательным в словах stein 'камень', reip 'веревка', lauv 'листва', røyk 'дым', kløyve 'расщеплять, раскалывать' и др.; альтернативным — в словах: alene/aleine 'один, одинокий', rem/reim 'ремень', løs/laus 'свободный', skrev/skreiv 'писал' и т. д.

В написаниях слов skip 'корабль', nyte 'пользоваться', språk 'язык' (ранее skib, nyde, sprog) обязательным стал глухой согласный.

Диграф **øi** был заменен на **øy**.

Были введены написания типа greidde 'сумел' вместо greide (впоследствии они были отменены).

При всей своей радикальности вводимые изменения не были главными в третьей реформе. Главным в ней **было обязательное введение определенного артикля ед. ч. ж. р. -a у 900 с лишним слов** (bjørka 'береза', høna 'курица', nåla 'игла', øksa 'топор') **и определенного артикля -a мн. ч. у около сорока сущ. ср. р.** Показатель **-a** в обязательном порядке получили около **сорока** сугубо норвежских форм глаголов — просторечных параллелей к литературным, например: bleikne 'бледнеть' — литер. blekne, mjølke 'доить'— литер. mjelke.

Отбор 910 слов, обязательно относящихся к ж. р., во многом оставляет читателя в недоумении. Слова типа nål, øks, høne, bjørk и аналогичные исторически принадлежали к ж. р., то же представлено в диалектах, так что здесь показатель ж. р. в какой-то мере еще может быть оправдан. Другое дело, что формы ж. р. уместны далеко не во всяком констексте. Вариант suppa относительно на месте, когда идет речь о домашнем или столовском супе, но о супе на торжественном банкете уместнее сказать suppen. Løve 'лев' является символом мужской силы и смелости, и както странно употреблять это существительное в форме ж. р. Как выразился один из критиков реформы, согласно ей следовало бы сказать не привычное løven er dyrenes konge 'лев — царь зверей', а løva er dyras konge, а еще ближе к духу реформы было бы løva er kongen over dyra (вообще неясно, откуда взялась такая форма ж. р.: в древненорвежском употреблялись формы ljon (ср. р.) и leo(n) (м. и ср. р.); видимо, этот вариант представлен в каком-то диалекте / каких-то диалектах).

Особенно досталось реформаторам от критиков, обративших свое внимание на редкие диалектные слова, попавшие в эти списки. Так, редкое диалектное слово boso (согласно реформе относящееся к ж. р.) 'соломенная подстилка для свиней' оказалось неизвестным критикам, и по его поводу было высказано немало желчных замечаний.

Иного, собственно говоря, и нельзя было ожидать. Реформаторы, сторонники сближения обоих вариантов норвежского языка, конечно, были движимы благой целью — создать в конечном счете samnorsk 'единый норвежский, или общенорвежский, язык'. Получившийся языковой гомункулус был продуктом того, что по-норвежски называется ønsketenkning ≈ 'мечтания, оторванные от реальности'. **До этой реформы не было ни одного человека, кто бы писал так, как она предписывала.** Фактически это было полное пренебрежение к норвежской культуре, ее литературе, традициям.

Реформаторами двигало нетерпение: им хотелось поскорее создать новый единый язык. А ведь еще Кнуд Кнудсен более чем за полвека до них писал, что поспешность в отношении изменения языковой нормы недопустима.

Школьные преподаватели норвежского тех времен сталкивались с большими трудностями, особенно те из них, кто преподавал в районах, где вводимые формы воспринимались как сниженные, просторечные, вульгарные и т. п. Зачастую и сами учителя не чувствовали уверенности, относится данное слово к женскому роду или нет. В некоторых классах они вывешивали на стенах плакаты с «трудными или сомнительными» словами. Но учителя были обязаны не только соблюдать новую официальную норму, но и обучать ей. В неофициальных ситуациях они новыми правилами, конечно, пренебрегали.

Оправдывалась реформа, как всегда в случаях, когда народу что-то навязывается сверху, его, народа, собственными интересами. Иными словами, она была якобы демократичной. (В связи с этим вспоминается эпизод, имевший место довольно давно. Автор этой книги обсуждал с одним норвежским директором школы результаты этой реформы. Тот сказал, что «наконец-таки простому человеку была дана возможность писать так, как он говорит». О том, что простой человек, в общем, совсем не всегда стремится к этому, он, естественно, умолчал. По существу, если называть вещи своими именами, это была чистая демагогия, которой он сам не замечал. Показательно также, что вся его долгая речь была произнесена на самом традиционном букмоле, словно никакой реформы и не было.)

Реформа 1938 г. вызвала резкое сопротивление. Особенно яростным противником ее выступила норвежская интеллигенция. Пишется ряд саркастических брошюр, эссе и книг, например, работа Арнульфа Эверлада (Arnulf Øverlad) «Упразднен ли наш язык?» («Er vort sprog avskaffet?», 1940) (формы vor и sprog реформой не допускались, вместо них надлежало использовать vår и språk) и др. Значительная часть писателей игнорировала новую орфографию. Через несколько лет после реформы 1938 г. нормализаторы сетовали, что ни одна норвежская газета не соблюдала полностью все ее положения.

Реформы «новонорвежского» были проведены примерно в это же время — в 1901, 1910, 1917 и 1938 гг.

Уже не единожды упоминалось, что в 1929 г. были сменены названия вариантов букмола норвежского языка: датско-норвежский получил название «букмол», ланнсмол — «новонорвежский». Как известно, в 1940 г. Норвегия была оккупирована гитлеровской Германией. Вторая мировая война закончилась в 1945 г. Потом наступило тяжелое послевоенное время. Было не до языковых реформ. Однако через несколько лет после окончания войны языковая борьба возобновилась. Дело в том, что официальная норма, согласно реформе 1938 г. со всеми ее крайностями и нелепостями, оставалась в силе.

Одной из форм протеста против нее было создание в 1949 г. «Движения родителей по языковой проблеме» (Foreldreaksjonen i sprogsaken). Уже в начале 1950 г. при проведении пробного голосования в 21 школе Осло обнаружилось, что 6 тыс. родителей голосовало за «умеренные» (т. е. традиционные) формы и лишь 80 — за радикальные. К окончанию сбора подписей оказалось, что число выступавших против samnorsk перевалило за 400 тыс. чел.

62. Последующие реформы. Реформаторская деятельность возобновилась лишь спустя много лет после третьей реформы. Характерно, что само слово reform перестало употребляться, вместо него стали использовать различные описательные наименования.

В **1959 г.** была проведена еще одна реформа букмола, касающаяся «Нормы для учебников» (обычно ее называют Læreboknormalen-59). Основной ее момент заключался в том, что из многих равноправных (jamstilte) по реформе 1938 г. форм, т. е. допустимых в равной мере, например dugg/dogg 'роса', одни получили статус основных (hovedformer), а другие — параллельных (sideformer; они приводились в квадратных скобках — dogg [dugg]). Как говорилось выше, параллельные формы не разрешалось использовать в школьных учебниках и официальных текстах. Разумеется, правило это соблюдалось далеко не всеми.

Видимо, реакцией на «Норму для учебников» и продолжением деятельности «Движения родителей» была варварская акция — публичное сожжение учебников на samnorsk. Как выразился норвежский лингвист Финн-Эрик Винье (Finn-Erik Vinje), «det var kort vei fra bokmål til bokbål» («От букмола был всего один шаг до костра из книг»). Естественно, это действо вызвало осуждение. Впрочем, единичные акции такого рода имели место и позже, даже в XXI в.

Существенная реформа бм была осуществлена в **1981 г.** Она носила название «**Endringer i rettskrivning og læreboknormal for bokmål**» («Изменения орфографии и нормы для учебников для букмола»). Суть ее заключалась в том, что множество прежних вариантов, очень широко употребительных, но фактически неофициальных (они были «объявлены вне закона» реформой 1938 г., затем частично «реабилитированы» «Нормой для учебников» 1959 г.), было «восстановлено в правах», хотя и новые не были отменены. Несколько упрощенно можно сказать, что реформа 1981 г. вернула норвежский (письменный) язык к положению, существовавшему до реформы 1938 г. (кроме немногих чисто орфографических моментов). Наконец-то реформаторы перестали (в основном безуспешно) пытаться провести в жизнь свои в ряде случаев достаточно нереалистичные, оторванные от жизни, а порой несуразные представления о том, каким должен быть норвежский язык, но трезво взглянули на то, каков он в действительности. Показательно, что Стуртинг (норвежский парламент) единогласно утвердил эту реформу.

Чтобы русский читатель получил некоторое представление о том, чем были норвежские языковые реформы, можно провести параллель на русском материале, хотя, как известно, параллели и сравнения всегда приблизительны. Орфографическая реформа русского языка 1918 г. (отмена твердого знака после непалатализованных согласных в конце слова, ѣ, і и т. д.) была действительно орфографической. Но вряд ли можно себе представить, чтобы просторечные формы *ихний*, *евонный*, *ейный*, *ло́жишь*, а тем более *чаво*, *тубаретка* и т. п. были официально сначала объявлены «параллельными», а затем единственно допустимыми.

В **2005 г.**, спустя 24 года после «Изменений орфографии и нормы для учебников» 1981 г., в Норвегии были введены новые «**Изменения орфографии»**. Их можно определить как продолжение «Изменений» 1981 г. Весьма существенно, что в них в явной форме говорится: **следует положить конец попыткам сближения обоих вариантов норвежского языка** (tilnærmingen mellom målformene). Еще в 2002 г. было принято положение: «Норвежское правописание должно быть стабилизировано, т. е. следует по возможности избегать новых и частых изменений действующей орфографии — как обширных реформ, так и ежегодных ее уточнений, касающихся отдельных частностей». Несколько примеров.

«Параллельные формы» устранены и заменены на альтернативные. Вместо antakelig [antagelig] 'предположительно' введена подача antagelig el. antakelig, т. е. оба варианта становятся одинаково допустимыми.

Устранены малоупотребительные или вовсе неупотребительные формы, введенные в свое время с целью сближения букмола и иовонорвежского. Так, у слов с суффиксом **-er**, имевших до 2005 г. во мн. ч. вариант **-e[r]**, вариант в квадратных скобках изъят, теперь допускается только, например, lærer 'учитель'— lærere. «Восстановлен в правах» суффикс **-et** у претерита и причастия II слабых глаголов III класса, например: bygget (от bygge 'строить'), krevet (от kreve 'требовать'). До этого несколько десятков лет единственными официальными показателями у таких глаголов были **-de**, **-d**: krevde, krevd.

При реформировании норвежского языка не могла не возникнуть еще одна сложная проблема. Орфография произведений норвежских писателей прежнего времени, особенно до XIX в. включительно, была датской (со всеми отклонениями от нее). Литературные тексты, изучаемые в школе, а также издаваемые для массового читателя, должны были быть модернизированы, соответствовать действующей официальной орфографии. Но механически следовать новой орфографии было невозможно: тогда нарушался и просто коверкался стиль. При этом существовала еще одна сложность — датский размер и датские рифмы часто нарушались при замене реформированным норвежским языком. Так, Ибсен в «Пере Гюнте» рифмовал dage и tilbage, а согласно новой орфографии должно было быть dager и tilbake. Конечно, можно говорить о «зрительной рифме», но стихотворная материя при этом нарушается.

На более частных моментах здесь нет возможности задерживаться.

Перед тем как перейти к дальнейшим судьбам «языкового планирования в Норвегии» (данный вопрос будет обсуждаться в конце книги), надо назвать еще один частный вопрос, связанный с этой проблемой, — способ счета.

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

63. Общая языковая ситуация. Распределение букмола (бм) и новонорвежского (нн). Географическое распределение использования бм/нн в основном не претерпело в рассматриваемый период каких-либо существенных изменений. Уже говорилось, что единственная регулярно публикуемая статистика на этот счет — это процентное соотношение обоих вариантов норвежского в качестве основного языка преподавания в школьных классах. Долгое время этот показатель для нн колебался в пределах 16–17%. Ведущей областью употребления нн является Западная Норвегия — фюльке Сонгн-о-Фьюране, Мёре-о-Румсдал, Хордаланн и Ругаланн. В Сонгн-о-Фьюране основная форма преподавания — нн (более 90% учащихся). Что касается других названных фюльке, то в целом в них наблюдается следующее положение: в больших городах (Бергене, Ставангере, Олесунне) широко используется бм, а в окружащей сельской местности — нн. Более всего более учащихся с нн в качестве основного языка преподавания на настоящий момент (по данным на 2009 г.) в фюльке Хордаланн. В фюльке Эстфолл, Акешхус, Хедмарк (все в Восточной Норвегии) и Финнмарк (на самом севере) нет ни одного учащегося с нн в качестве основного языка преподавания. В целом по стране картина такова: для 4 фюльке и 117 коммун (административных единиц, приблизительно равных соответственно российским областям и районам) официальным вариантом является нн, в остальных — бм. Отмечена общая тенденция к ослаблению позиций нн, так, за 10 лет количество обучающихся на бм возросло на 42 тыс. чел., а обучающихся на нн сократилось на 6 тыс. (по данным на конец 2008 г.). По некоторым оценкам, нн пользуется в целом около 12–13% населения страны. Приблизительно треть тех, у кого в школе преподавание велось на нн, переходит впоследствии на бм.

Говоря о распределении обеих форм в обществе, следует сделать одно существенное дополнение. Те, кто в школе обучался на нн, как правило, хорошо владеют бм и более или менее легко переходят на него. Те же, кто обучался в школе на бм, владеют нн в основной своей массе недостаточно хорошо, делают немало ошибок и избегают пользоваться им, если ситуация того не требует. Надо также иметь в виду, что в быту (в семье, в общении с коллегами по работе, друзьями и т. п.) даже в областях распространения нн используется преимущественно

не он, а местный диалект. Не случайно один из лозунгов сторонников нн — «Говори на диалекте, пиши на "новонорвежском!"».

По действующему правилу на радио и телевидении 25% передач должно вестись на нн. Есть основания считать, что оно не соблюдается полностью. Конечно, точно подсчитать реальное количество времени радио- и телепередач на каждом из вариантов затруднительно. В общем ситуация такова: сторонники бм считают, что передач на нн слишком много, а сторонники нн, наоборот, что их слишком мало.

Разумеется, приведенная схема распределения бм и нн достаточно приблизительна. Из нее имеется немало исключений. Можно ограничиться примерами, касающимися нн в вузах. По нашим наблюдениям, на вузовских кафедрах норвежского языка очень многие преподаватели говорят и читают лекции на нн. Так, некоторое время назад в Бергенском университете из всей кафедры норвежского языка на бм как естественном для него варианте говорил только один преподаватель. Относительно похожее положение наблюдается и в Ослоском университете. В филологическом журнале «Maal og Minne» по меньшей мере добрая половина материалов публикуется на нн. То же относится к популярному (т. е. рассчитанному на читателя-неспециалиста) небольшому журналу «Språknytt».

Показательно, что такой диспропорции не наблюдается в вузах на иных филологических специализациях, например на кафедрах (по-норвежски они называются институтами, например Germanistisk institutt, Russisk institutt и т. п.). Это положение, видимо, объясняется тем, что мотивация в отношении норвежского языка у филологов, говорящих на нн, выше, нежели у говорящих на бм.

В школе, как уже упомянуто, преподавание ведется на одном из вариантов норвежского языка. Другой вариант тоже преподается, но требования, разумеется, значительно ниже. Основные сочинения пишутся на главном варианте языка преподавания, а на другом варианте — дополнительные (постановление 1907 г.; при обсуждении законопроекта прозвучал лозунг «Единая Норвегия, единая страна, единый народ и единый язык»). Последние чаще всего носят описательный характер. Сторонниками бм давно ведется борьба за отмену дополнительного сочинения на нн, и кое-где им удалось достигнуть успеха. Следует отметить, что у многих учащихся на бм в отношении изучения нн отсутствует мотивация; особенно это заметно в Восточной и Северной Норвегии.

Все школьные учебники должны издаваться на обоих вариантах языка — и на бм, и на нн. Исключение составляют дисциплины, когда занимается менее 300 учеников (для них выпускаются учебники только на бм). В 1987 и 1994 гг. в порядке эксперимента были выпущены

учебники, в которых половина текста была на бм, половина — на нн (fellesspråklige/språkkløyvde lærebøker). Результаты эксперимента показали нецелесообразность такой практики, и он не был продолжен.

Значительное количество учеников, обучавшихся на первой ступени в школе на нн, при переходе к следующей ступени избирает бм.

Преподавание в школе на двух вариантах норвежского языка предполагает, что учитель достаточно хорошо владеет ими обоими. Сказанное относится и к сотрудникам официальных учреждений: по действующему закону лицо, обращающееся в официальную инстанцию, должно получить ответ на том же варианте языка. Однако многие говорящие на бм владеют нн слабее. Таким образом, владение бм и нн в равной степени — явление нечастое. Конечно, встречается немало исключений. Один норвежский литератор, блестяще пишущий на нн, превосходно перевел на бм огромный исландский роман.

Что касается прессы, то картина довольно пестрая (в Норвегии выходит более 200 газет). Вариант языка местных газет определяется, разумеется, преобладающим вариантом языка района или области. Наиболее крупные столичные газеты («Aftenposten», «VG», «Dagbladet») выходят на бм, но в них публикуются отдельные, в общем весьма немногочисленные, материалы на нн.

Подавляющая часть печатной продукции (94%) выходит на бм. Приблизительно такое же соотношение бм и нн наблюдалось сто лет назад.

Как любопытный штрих можно отметить, что на одних почтовых марках напечатано Norge (бм), на других — Noreg (нн). Порой на одном конверте можно увидеть оба вида марок. Используются также почтовые штемпели гашения на обоих вариантах норвежского языка.

64. Диалект в наши дни. В последние десятилетия использование диалектной речи в официальных ситуациях значительно возросло. Переломным периодом в этом отношении стали 1970–80-е гг. Сказанное относится ко всем диалектам. Диалектная речь нередко звучит на радио, на телевидении, в официальных публичных выступлениях и т. д. Есть даже вузовские преподаватели, в том числе профессора, из принципа читающие лекции на родном диалекте (студенты из других регионов не всегда стопроцентно понимают лектора). Впрочем, следует отметить, что в силу названных выше обстоятельств, а также возросшего числа поездок населения по стране и переселений, понимание диалектов в целом возросло. Конечно, сказанное относится не ко всем диалектам.

Нынешний король Харальд V как-то признался, что когда он был с официальным визитом в долине Сетесдал (Южная Норвегия), ему потребовался переводчик. (В Сетесдале говорят на довольно архаичном диалекте; это объясняется тем, что эта долина веками значительную часть года из-за снега была отрезана от остальной Норвегии.)

О расширении сферы использования диалекта говорит следующий факт. По некоторым данным, при общении ио электронной почте треть норвежцев пользуется диалектом, а среди молодежи — две трети.

С другой стороны, в целом в стране происходит в известной степени отступление диалектов. Норвежские диалектологи деликатно называют данный процесс нивелированием (nivellering). Строго говоря, этим термином они обозначают два процесса: сокращение числа людей, регулярно пользующихся диалектом, и утрату диалектом некоторых его специфических характеристик под влиянием кодифицированного языка. Естественно, диалекты в этом отношении отличаются, порой существенно, друг от друга, что объясняется географическими, экономическими и другими причинами. Так, сравнение диалектов двух близко расположенных друг от друга (около 50 км) районов Рёруса (Røros) и Тюнсета (Tynset) показало, что степень нивелированности второго из диалектов значительно выше, нежели первого. Это связывают, в частности, с тем, что между этими районами проходит водораздел и они входят в разные административные единицы; называются и другие причины (к примеру, социопсихологического характера). В результате описанного процесса местные диалекты иногда больше расходятся, нежели сходятся.

Впрочем, процесс сглаживания диалектных различий характерен в современном обществе для многих языков, в особенности европейских. Здесь играет роль ряд факторов, важнейшими из которых следует считать всеобщее школьное образование, влияние средств массовой информации и значительные миграции населения в стране. Отмечено, что под влиянием этих факторов прежде всего утрачиваются самые существенные признаки диалекта, тогда как второстепенные могут сохраняться. (Кстати, это же наблюдается и в России. Например, жители Иваново и Ивановской области, переселяясь в другие районы страны, обычно утрачивают оканье, но сохраняют яканье, т. е. произносят [вада], но [пятёрка].) В немецкой диалектологии такого рода говоры называют полудиалектами.

В общем, в Норвегии отношение к диалектам уважительное. Характерно и то, что многие давно переселившиеся из своей диалектной области сохраняют знание диалекта и, оказавшись там вновь — на время или на постоянное жительство, — легко переходят на него. В качестве примера (из множества возможных) можно назвать одного профессора Ослоского университета, известного лексикографа и лексиколога, говорящего на безупречном бм, но совершенно естественно переходящего на родной диалект, когда он оказывается в местах своего детства.

Однако некоторые СМИ, особенно консервативные по своему языку — типа газеты «Aftenposten» и телеграфного агентства NTB («Norsk telegrambyrå»), редактируют материалы, устраняя диалектизмы.

Особо следует отметить владение, практически повсеместное, городским диалектом/просторечием, характерное для жителей крупных городов. Образованные слои этим диалектом владеют, как правило, пассивно (впрочем, такое положение характерно отнюдь не только для Норвегии). Норвежцы довольно хорошо определяют по особенностям речи собеседника место его проживания/происхождения (разумеется, приблизительно). Явление это можно назвать знанием «бытовой диалектологии».

Использование диалектных вкраплений в тексте на кодифицированном языке, прежде всего в художественной литературе, — широко известный прием создания местного колорита. Примеры этому можно найти еще в литературе XIX в., например, у А. Хьелланна и Ю. Ли. Это также распространенный вид языковой игры.

Отмечено, что говорящие на нн чаще используют норвежские слова в ситуациях, где говорящим на бм естественно употребить английские.

65. Отсутствие единообразной нормы. В предыдущем параграфе шла речь о соотношении бм и нн в масштабах страны. Следует остановиться на очень важном вопросе — об отсутствии единообразия у обоих вариантов норвежского языка.

Как говорилось выше, реформа 1981 г. фактически легализовала подавляющее большинство как радикальных, так и консервативных форм бм. Таким образом, существовавший разнобой не только не уменьшился, но, напротив, был официально узаконен. Примеры этому можно приводить бесконечно.

Непоследовательность — как в бм, так и в нн — отмечается не только от индивида к индивиду или от определенной группы индивидов к другой, но и очень часто в речи одного и того же индивида. При этом имеется в виду не употребление разных форм в зависимости от речевой ситуации, что вполне естественно, а их бессистемное чередование. Это можно проиллюстрировать заметкой в «Aftenposten» от 29.11.2008, в которой сообщается о том, что американский космический корабль Endeavour возвращается на Землю (подчеркивания мои. — *В. Б.*):

Romfergen Endeavour på vei hjem

Romferja Endeavour har forlatt den internasjonale romstasjonen ISS og er på vei hjem til jordkloden. Går alt etter planen, vil romfergen lande i morgen. <…> Romferja har et mannskap på syv… . 'Космический корабль Endeavour на пути домой. Космический корабль Endeavour покинул международную космическую станцию ISS (МКС) и находится на пути домой на Землю. Если всё пойдет по плану, корабль приземлится завтра… На корабле команда из семи человек…'.

Впрочем, возможно, что в данном случае текст перевода подвергся небрежному редактированию сотрудником газеты. Однако и здесь мы имеем дело с характерным для Норвегии обращением с языком.

Можно попутно отметить, что существительные с артиклем ж. р. в последнее время стали спорадически появляться на страницах газеты «Aftenposten», например: hånda ‘рука’, fella ‘капкан’, lønna ‘зарплата’, moroa ‘веселье, забава’, hengemyra ‘трясина *перен.*’ Такое еще несколько лет тому назад встречалось очень редко.

Реформа 1981 г. преследовала благую цель установления в стране «языкового мира». Действительно, бесконечные споры о том, какими должны быть бм и нн, какие формы следует предпочесть, какие вовсе ликвидировать, официально прекратились. Это вполне объяснимо: официальный орфографический словарь бм («Tanums store rettskrivningsordbok», в разговорной речи обычно просто Tanum), охватывающий более 300 тыс. единиц, содержит в себе такое огромное количество вариантов, что спорить во многих случаях, собственно говоря, и не о чем. Характерно, что форманты (артикли, окончания) приводятся в этом словаре в алфавитном порядке, т. е. пользователю абсолютно ничего не навязывается и даже ничего не рекомендуется. В предисловии к словарю говорится: «В словаре лексика подается таким образом, чтобы не оказывать [на пользователя] никакого давления. Пользователь сам должен решать, какие слова лучше всего подходят в той или иной ситуации». Например (сокращение el. означает ‘или’):

drakt, -a el. -en … ‘одежда; костюм’
bøtte, -tta el. -en … ‘ведро’
prinsesse el. ssa, -n … ‘принцесса’
karbid, -en el. -et; = el. -er … ‘карбид’
fly el. **flyge**, flaug el. fløy, flydd el. fløyet, -(g)ing … ‘летать, лететь’
bivåne, -a/-et el. -te, -a/-et el. -t … ‘присутствовать’

Остановимся на некоторых из приведенных выше примеров. При существительных bøtte и prinsesse указаны одинаковые показатели и в одинаковом порядке — ж. р. **-a** и общ. (м.) р. **-en**. Между тем многие употребляют первое из этих существительных, обозначающее предмет быта, с артиклем ж. р., а второе, менее бытовое, — с артиклем общ. (м.) р.

Ср. далее:

lage [-a] (об инфинитивном окончании [-a] см. ниже), -a/-et el. -de, -a/-et el. -d … ‘делать; изготовлять’.

Словарь допускает варианты mage/mave ‘живот’, krage/krave ‘воротник’, но вариант have ‘сад’ дан следующим образом: (have, -n; se hage), а вариант lave (к lage) вообще в словаре отсутствует, хотя варианты have и lave всё еще нередко слышатся в речи пожилых людей.

Последовательно в этом орфографическом словаре особо обозначаются — при помощи квадратных скобок — лишь так называемые sideformer ‘параллельные формы’, которые, как говорилось, не разрешается использовать в школьных учебниках и официальных текстах. Например:

bygd, -a [-en], -er … 'селение'
simle, -la [-n] -r. 'важенка' (самка северного оленя)
[viss] hvis konj. 'если'

В качестве параллельных форм в словаре даются также формы на **-a** у так называемого расщепленного инфинитива (kløyvd infinitiv):

være [-a] … 'быть'
grave [-a] … 'копать, рыть'

Этот термин употребляется по отношению к распространенному в восточнонорвежских говорах инфинитиву, у одних глаголов имеющему окончание **-e** (таких большинство), а у других — **-a**. Окончание **-a** характерно для тех глаголов, корни которых в древненорвежском были «краткосложными», т. е. содержали краткий гласный + краткий согласный, в отличие от «долгого слога», содержавшего долгий гласный либо дифтонг + краткий согласный либо краткий гласный + долгий согласный/группу согласных.

Альтернативное чередование окончаний **-e/-a** в зависимости от долготы корня в древненорвежском носит название *закона равновесия* (не смешивать с *законом слогового равновесия*!). Оно характерно и для существительных женского рода, но это в словаре Tanum не отражено. Примеры: краткокоренной глагол vege (др.-норв. vega, краткое e!) 'взвешивать; весить'; долгокоренной глагол skyte (др.-норв. skjóta, долгое o!) 'стрелять'.

Во избежание недоразумения следует подчеркнуть, что здесь идет речь о краткости/долготе слога в древненорвежском: по закону *слогового равновесия* краткие гласные в открытом слоге в древненорвежском удлинились много веков назад, например: др.-норв. vera [vera — краткое e!] 'быть' — совр. нн vere [долгое e!]/vera [долгое e:!], бм være [долгое æ:!] (в ослоском просторечии [vær:a]); др.-норв. grafa [краткое a!] 'копать' — совр. нн grava [долгое a:!]/grave [долгое a:!], бм grave [долгое a:!].

Среди альтернативных форм бм различаются «радикальные» и «умеренные» («консервативные», «традиционные»). Четкой границы между этими типами форм нет. Радикальные формы можно условно определить как характерные для непринужденной разговорной речи, умеренные — для образованных лиц, особенно среднего и старшего возраста.

Еще большее количество альтернативных форм характерно для нн. Это объясняется тем, что в основе нн лежат формы, отражающие специфику различных диалектов. Ниже приведены несколько примеров на разного типа альтернативные формы нн; следует отметить, что даже такие характерные особенности нн, как образование презенса сильных глаголов при помощи перегласовки и отсутствия окончания или окончание инфинитива на **-a**, не являются теперь единственно возможными. Более того, все инфинитивы в словаре нн (Nynorskordboka. Oslo, 1993

и более поздние издания) даны только с окончанием **-e**. У приводимых ниже существительных даны основная форма, форма с определенным артиклем, форма мн. ч. без артикля и форма мн. ч. с определенным артиклем. У прилагательных приведены формы м., ж. и ср. р. и мн. ч.; у глаголов — инфинитив, презенс, претерит, причастие II:

bygd — bygda [bygdi] — bygder — bygdene 'селение'
vise [visa] — visa — viser [visor] — visene [visone] 'песня'
hus — huset — hus — husa [husi] 'дом'
open — open [opi] — ope el. opi [opent] — opne 'открытый'
vere [kløyvd inf -a] — er — var — vore el. -i 'быть'
kome [kløyvd inf -a] — kjem [kjemer], kom, kome el. komi
komme (те же формы) 'приходить'
me … el. **vi** s d ('см. там') 'мы'
da el. **då** 'тогда'

Как явствует из приведенных примеров, официально допускаемые параллельные формы характерны даже для самых частотных лексем.

66. Роль английского языка в Норвегии. За последние десятилетия значительно возросло влияние английского языка (особенно его американского варианта) на норвежский. По некоторым подсчетам, заимствования из английского составляют 80–90% всех заимствований за последние десятилетия. Английское влияние проявляется в нескольких отношениях.

В целом у норвежцев есть серьезная мотивация в отношении овладения английским — настоящее время языком международного общения. Здесь играет роль много факторов, из которых на одно из первых мест следует поставить туризм. Норвегию ежегодно посещают миллионы туристов, и каждый норвежец, по статистике, минимум один раз в год бывает за границей.

Значительная часть норвежской научной литературы публикуется на английском языке. Для диссертаций, за исключением филологических, это практически стало правилом. Явление это, конечно, характерно не только для Норвегии, но и для многих стран, преимущественно с относительно небольшим населением. Причина этого самоочевидна: авторы заинтересованы в том, чтобы их работы были доступны кругу читателей в разных странах, а английский стал международным языком науки. Он основательно изучается в норвежской школе, а затем очень многие самостоятельно совершенствуются в нем (в вузах английский язык не преподается). Как сформулировал один норвежский исследователь, «диссертация по узкой специальной теме, написанная по-норвежски, стала бы скорее монологом, нежели диалогом». Если в 1986 г. из магистерских диссертаций по-английски была представлена только одна из десяти, то в 2006 г. число их превысило одну треть. А в 2007 г. практически все

докторские диссертации по естественным наукам и математике были изданы по-английски (впрочем, так было еще за 20 лет до этого).

На владение английским языком оказывает существенное влияние и современная американская эстрада, очень популярная в Норвегии, разумеется, особенно среди молодежи. Норвежские артисты эстрады с полным основанием утверждают, что пение на английском дает им выход к широчайшей аудитории не только в странах английского языка, но во всем мире, ср. их высказывания «мы можем обращаться к миллиардам людей, а не только к пяти миллионам», «запись на норвежском в Испании не продашь» и т. п. Они считают также, что английский как язык эстрады имеет ряд преимуществ перед норвежским: он более вокаличен, слова в нем короче и т. п. Очень большую роль играет здесь и телевидение, поскольку фильмы на иностранных языках в Норвегии не дублируются, а идут с титрами, так что зритель и слышит речь на английском языке, и может прочитать перевод.

Очень широко представлены английские заимствования в торговле и рекламе. Большое число магазинов, ресторанов и т. п. носят названия на английском языке. Опрос молодежи показал, что реклама на английском представляется ей более современной (т. е. предоставляющей более современные товары и услуги), более интересной, глобальной, притягательной, соответствующей моде и т. д. Естественно, в ряде случаев перегибается палка, и нередко английские лексические единицы используются без особой на то необходимости.

Впрочем, мы имеем здесь два связанных между собой, но разных явления. Одно дело — использование английских слов и выражений в норвежской речи, другое — речь по-английски. Последнее наиболее характерно для лиц, по роду своей деятельности связанных с другими странами. Полагают, что английский стал играть в этом плане большую роль за последние пять лет и в будущем станет еще более важным. Более всего, по-видимому, английский язык используется в Ставангере, где сходятся трубопроводы от морских нефтяных платформ и работает множество представителей иностранных компаний.

В Норвегии, как и в других европейских странах, ведется работа по замене английских лексических заимствований норвежскими соответствиями (они называются по-норвежски avløser(ord) 'слова-замены'). Для этой цели в 2000 г. был учрежден электронный дискуссионный форум под названием Ordsmia, доел. 'Кузница слов'. В журнале «Språknytt» регулярно публикуются списки таких рекомендуемых замен, например: art director 'художественный руководитель' — kunstnerisk leder, audition 'просмотр' — prøvespill, rolleprøve, blackout 'кратковременная потеря сознания' — jernteppe, midlertidig bevissthetstap, campus 'университетский городок' — universitetsområde, display 'дисплей' — skjerm и т. п.

Предметом дискуссии стало положение с английским языком в высших учебных заведениях. С одной стороны, самоочевидно, что студентам легче слушать лекции, читаемые на их родном языке. С другой стороны, Норвегия входит в Болонское соглашение, согласно которому страны-участницы должны составлять единое пространство высшего образования, что в первую очередь должно давать студенту возможность обучаться в вузах разных стран. Это означает, что какие-то лекции должны читаться по-английски. Важно также привлекать к чтению лекций для норвежских студентов видных ученых и преподавателей из других стран, которые, естественно, не знают норвежского и читают свои лекции по-английски.

В среднем норвежцев характеризует, как уже сказано, неплохое владение английским языком. Не без основания принято считать, что в Норвегии почти везде, как правило, возможен контакт на английском языке.

Естественно, что в норвежском языке очень много английских заимствований, как в области науки, техники, политики и т. д., так и в бытовой речи и сленге. Помимо прямых заимствований в норвежский язык вошло значительное количество калек. Кальки с английского встречаются в самых разных функциональных стилях, например: kald krig ‘холодная война’ (англ. cold war), skyggeregjering ‘теневое правительство’ (shadow cabinet), feltarbeid ‘полевая работа’ (field work)’, ferdskriver ‘черный ящик’ *авиа* (flight recorder), het linje ‘горячая линия’ (hot line), sitte på gjerdet ‘сидеть на двух стульях, т. е. занимать выжидательную позицию’ (sit on the fence), være på vannvogna ‘не пить спиртного (*некоторое время*)’ (be on the water waggon) и др.

Отмечено, что лица, говорящие и пишущие на нн, нередко склонны пользоваться норвежскими лексемами в случаях, когда носители бм избирают английские.

Противодействие использованию без нужды английского языка, в сущности, ограничивается призывами типа «Говори по-норвежски там, где можно, и по-английски там, где необходимо» и подобными. Впрочем, как-то радикально воздействовать на этот стихийный процесс едва ли возможно в принципе. Конечно, нет эффекта и от употребления таких сильных выражений, как «языковой империализм», «дискриминация норвежского языка», «вытеснение норвежского» и т. п.

67. Демократизация языка. Под демократизацией языка здесь понимается широкое использование форм и лексем, в сравнительно недавнее время — еще несколько десятилетий тому назад — считавшихся разговорными или даже просторечными. Собственно говоря, речь идет о лексемах и формах, считавшихся радикальными.

К демократизации норвежского языка, помимо, естественно, использования сниженных лексем, можно также отнести следующие моменты, характерные для современной речи на бм:

1. *Значительно более широкое использование показателей женского рода.* Ср., например, характерные для газеты «Dagbladet» формы с артиклем ж. р. avisa 'газета', krisa 'кризис', renta 'проценты' (правда, формы с артиклем **-en** тоже встречаются) и др.

2. *Всё более ширящееся употребление форм ед. ч. существительных среднего рода в значении мн. ч.* Ранее такое омонимичное использование названных форм было характерно только для исконно норвежских существительных типа hus 'дом, домá', hjul 'колесо, колёса', а существительные ср. р. иноязычного происхождения получали во мн. ч. окончание **-er** (**-r** после безударного **-e**), например: universitet — universiteter, problem — problemer. Теперь же формы мн. ч. без окончания (universitet, problem) употребляются всё шире, хотя их использование не стало общим правилом.

3. Определенный артикль мн. ч. существительных ср. р. **-a** ранее употреблялся с очень ограниченным числом лексем (barna 'дети', be(i)na 'ноги'). В последние годы сфера его употребления расширилась, например: åra 'годы', folka 'люди'. С описанными в предшествующем абзаце иностранными существительными во мн. ч. он, однако, используется реже, т. е. один и тот же человек может употребить во мн. ч. формы problem, universitet, но problemene, universitetene (а не problema, universiteta).

В прагматическом плане демократизация языка, в частности, проявилась в следующем:

1. Практически вышли из употребления еще несколько десятилетий назад обычно использовавшиеся слова herre (herr Olsen) 'господин', frue (fru Olsen) 'госпожа', frøken (frøken Olsen) 'фрёкен, госпожа' (о незамужней женщине или в обращении к ней). Любопытный штрих: слово frøken и сейчас употребляется во втором из двух его прежних значений — 'учительница в младших классах' (используется со времен, когда в младших классах преподавали преимущественно незамужние девушки; если учительницей была замужняя женщина, могли встречаться оксюмороны типа vår frøken fru Jensen).

2. В последнее время широко распространилось употребление женских фамилий без слов frue, frøken и без имени, например: Hansen er ennå ikke kommet 'Хансен еще не пришла', Det avhenger av Solberg 'Это зависит от Сульберг'. Некоторые норвежские лингвисты считают это проявлением демократизации языка.

Трудно сказать, связано ли только что описанное явление с усилиями феминисток. Благодаря этим усилиям, впрочем, вошли в употребление (преимущественно среди женщин) всего две замены слов для содержащих морфему mann 'мужчина'; в них она заменена морфемой kvinne 'женщина': talskvinne 'представительница', ср. talsmann 'представитель (о мужчине)' и kvinne seg opp 'набраться смелости, собраться с духом', ср. manne seg opp (то же о мужчине). Феминистки выступают также за то,

чтобы личное местоимение, которое замещает существительное, обозначающее профессию и не имеющее соотносимого существительного ж. р., например sjåfør, было бы не только han, но han og/eller hun.

3. Используемое адъективно причастие ærede 'уважаемый', в общем, вышло из употребления, за исключением особо торжественных случаев и юридических прений. Прилагательное høystærede 'глубокоуважаемый' употребляется теперь лишь шутливо или иронически.

4. Вульгарные и даже табуированные лексические единицы в настоящее время широко проникают на страницы печати, в первую очередь художественной литературы, а также на телевидение (особенно много их в переводных титрах американских фильмов). А еще в XX в. даже форма faen (от fanden 'черт') была табуирована и обычно обозначалась на письме как f… (явление это можно назвать «графическими эвфемизмами»). Впрочем, такие графические эвфемизмы встречаются и теперь.

Уже давно вместо табуированных единиц в норвежском употребляется то, что один исследователь удачно назвал nestenbanning 'почти ругательство', — использование слов и словосочетаний, начальная часть которых совпадает с начальной частью замещаемой единицы. Особенно характерно это для замещения религиозно табуированных единиц сплошь и рядом бессмысленными сочетаниями звуков. Так, вместо Gud употребляется, например, gid, Guri Malla и др., вместо djevelen 'дьявол' — dæven (døtte), dæggern и др., faen заменяется на fanken, fy farao, satan — søren (собственное имя Søren, сейчас вышедшее из употребления), søtten/sytten '17', Jesus 'Иисус' — на jøss, jøsses; jøsse в сочетании (nei men) i jøsse navn 'Боже (ты) мой', forbasket, forbistret, fordømt вместо forbannet 'проклятый' и т. д. Используются и другие замещения, например: слова pokker 'черт' (det vet pokker 'черт его знает', pokker i vold 'у черта на куличках') < нем. Pocke(n) 'оспа'; Blokksberg (dra til Blokksberg! 'пошел [ты] к черту!', til Blokksberg med ham! 'пошел он/ну его к черту!' < нем. Brocken (название горы в Гарце, где, по народным поверьям, ведьмы устраивали шабаш в Вальпургиеву ночь)).

Следует подчеркнуть, что в норвежском языке «религиозные ругательства» считаются крайне грубыми. Да и к «почти ругательствам» у немалого количества людей, особенно среди верующих, отношение отрицательное.

ФОНЕТИКА

68. Звуковой строй. В этом параграфе рассматриваются изменения в *инвентаре* фонем и их вариантов, но не в разрядах определенных слов, или групп слов, или изолированных слов (типа ø 'остров' → øy и т. п.).

Фонемы и варианты фонем. В данной области основная часть изменений произошла в области согласных, с которых и будет начато изложение.

[sl] > [šl]. Целесообразно рассматривать степень осуществления этого перехода раздельно в различных позициях в слове (NB! Описывется восточнонорвежский вариант букмола!).

В начале слова в настоящее время данной переход осуществился полностью, ср.: slå [šlo:] 'бить', sludd [šlʉd:] 'мокрый снег'.

В середине слова встречаются оба варианта произношения. Сочетание **[šl]** в этой позиции, в общем, характерно для разговорной и сниженной речи. Так, в кодифицированном варианте норвежского вариант [vɛkšla] veksle 'менять' не допускается (хотя и довольно широко распространен), а выбор между вариантами [rušla] и [ruslə] rusle 'идти не спеша, брести' определяется речевой ситуацией. Можно попутно отметить, что произношение [`ušlu] 'Осло' еще в середине XX в. считалось нелитературным.

На стыке основ ...s + l... , например в словах типа Russland 'Россия', husleie 'квартплата', нормативным по-прежнему считается только произношение **[sl]**.

Толстое L (ɭ). Этот редкий в языках звук (на слух напоминающий одно раскатное **r**) развился первоначально из древненорвежского сочетания rð, а затем в ряде позиций также и из обычного **l**. Он распространен на востоке страны и в Трёнделаге и имеет весьма своеобразный статус: характерен только для разговорного стиля, а в кодифицированной речи избегается, за исключением разговорных лексем типа fæl [fæ:L] 'ужасный', tæl [tæ:L] 'упорство, сила воли', skravle [skravLa] 'болтать' и т. п.

Перед толстым **L** исторические **[ɛ]**, **[e:]** перешли соответственно в **[æ]**, **[æ:]** (ср. примеры в предыдущем абзаце).

На письме толстое **L** особого обозначения не имеет, вместо него употребляется обычное **l**.

Толстое **L** как звук, характерный для разговорного стиля и просторечия, определенным образом связан и с тем, является форма слова радикальной или нет. Так, в нейтральной форме hjelp 'помощь' выступает обычное **l**, а в радикальной — возможно толстое: hjelpen [jɛlpen] (форма с артиклем общ. р.) — hjelpa [jæLpa] (форма с артиклем ж. р.). Ср. далее: elven [ɛlven] 'река' (форма с артиклем общ. р.) — elva [æLva] (форма с артиклем ж. р.), [sɛl:] 'сам' — sjøl [šø:L].

Существенно, что описанная выше стилистическая дистрибуция является лишь некоторой тенденцией, а отнюдь не жестким правилом. Многое определяется индивидуальными особенностями речи, в частности, степенью ее диалектной окрашенности или, напротив, стремлением говорить литературно и т. д. В целом можно считать, что большее проникновение

толстого **L** в устную речь связано с общей демократизацией языка, вследствие чего толстое **L** перестало быть «стигматизировано».

Переход /ç/ > /š/. Он был зарегистрирован еще в 1940 г., но стал особенно заметным в последней четверти XX в. у норвежских детей дошкольного возраста, младших и отчасти средних классов в больших городах — Осло, Бергене, Тронхейме, Ставангере и Кристиансанне. Таким образом, фонема /ç/ у них слилась с фонемой /š/ (произошла конвергенция фонем). Принято объяснять этот факт тем, что фонема /ç/ из согласных — наиболее трудная для усвоения ее детьми. Существенно и то, что артикуляторно обе фонемы очень близки. Кроме того, дистрибуция /š/ значительно шире, нежели дистрибуция /ç/, а минимальных пар, различающихся только рассматриваемыми фонемами (типа skjære /š-/ 'резать' — kjære /ç-/ 'дорогой' (слабая форма; мн. ч.), исследователи насчитали всего 22.

По наблюдениям норвежских учителей к концу школы ученики эту фонему усваивают и «переучиваются».

Экспансия увулярного ʁ. Область распространения представленного на юге и юго-западе Норвегии «картавого» **r (ʁ)** понемногу расширяется (в восточном направлении).

/œ:/ > /ø:/. Еще в первой трети прошлого века различались фонемы открытое /œ:/ и закрытое /ø:/. Первая встречалась перед **r** в корневых словах. Таким образом, по-разному произносились гласные, например, в словах типа dør 'дверь' и dør наст. вр. от dø 'умирать'. Уже несколько десятилетий назад фонема /œ:/ вышла из употребления, слившись с фонемой /ø:/.

Сандхи. Для норвежского языка характерны разного рода сандхи. Поскольку этот термин употребляется в лингвистике в различных значениях, следует уточнить, что ниже он используется в смысле 'изменение звуков, вызванное соседними и, в отличие от ассимиляции, не являющееся их уподоблением'. Поскольку сандхи не отражались и редко отражаются на письме, определить время их возникновения не представляется возможным. По этой причине они рассматриваются в этой части учебника, посвященной изменениям последних десятилетий, хотя вполне возможно, что возникли ранее, может быть, даже значительно.

Можно различать внутриморфемные и межморфемные сандхи. Наиболее частое из них — **r + s → š**.

Внутриморфемные сандхи — это прежде всего результат исторического развития языка. Примеры: kors [kɔš:] 'крест', person [pæ'šu:n] 'лицо'; заимствования приведены здесь для того, чтобы показать, что сандхи такого типа — результат действия фонетических правил норвежского языка, а не заимствованы из другого языка.

Межморфемные сандхи встречаются как а) в пределах одного слова, так и б) на границе слов. Примеры: а) korsang ['ku:šaŋ] 'хоровое пение'

(из ku:r ‘хор’ + saŋ ‘пение’), værsyk [`væ:šyk] ‘метеозависимый’ (из vær ‘погода’ + syk ‘больной’), Pers [pe:š) ‘род. п. от мужского имени Пер’; б) gleder seg [`gle:dašæi] презенс от glede seg ‘радоваться’.

(NB! Рассмотренное сандхи (r + s > š) характерно лишь для говоров, в которых представлено переднеязычное **r**. В говорах с увулярным **ʁ** оно, естественно, отсутствует.)

ОРФОГРАФИЯ

69. Изменения в орфографии. Примерно до рубежа XIX–XX вв. в Норвегии использовался готический шрифт (фрактура). Ср. написания **Norge** Norge, **Kristiansund** Kristiansund, **by** by ‘город’. Впрочем, в отдельных случаях готический шрифт применяется и теперь, например в названиях некоторых давно издающихся газет, ср.: «**Aftenposten**» «Aftenposten».

Следует иметь в виду, что, как уже говорилось выше, норвежское слово rettskrivningsreform ‘орфографическая реформа’ означает не только (и теперь в известной мере не столько) ‘реформа правописания’, но и ‘языковая реформа’, поскольку норвежские реформы затрагивали морфологию языка.

В этом параграфе будут затронуты три момента. Первый — это написание иноязычных слов, заимствованных в фонетической форме. Второй — написание двухосновных сложных слов, второй элемент которых представляет собой имя собственное. Третий — раздельное написание сложных существительных.

Еще с начала второй половины XIX в. ведется работа по замене иноязычных написаний норвежскими.

В первую очередь в этой работе уделено внимание заимствованным словам французского происхождения. Характерно, что многие французские слова уже давно стали писаться фонетически, ср.: chauffeur → sjåfør ‘шофер’, bureau → byrå ‘бюро’, point → poeng ‘очко’, genre → sjanger ‘жанр’, milieu → miljø ‘среда’. Разумеется, многие заимствования из французского сохраняют французское написание, например: rouge [ra:s] ‘румяна’, déshabillé [desabi´je:] ‘дезабилье’, chartreuse [šart´rø:s] ‘шартрез’. Как любопытную черту можно отметить, что буквы **o** и **å**, помимо французских заимствований, за редкими исключениями используются только в иноязычных словах скандинавского происхождения, например røntgen ‘рентген’.

Особой последовательности в замене иноязычных написаний не наблюдается. Периодически Языковым советом (Språkrådet, в период 1972–2004 гг. он назывался Norsk språkråd) вводятся новые — фонетические — написания типа guide → gaid ‘гид’, но они немногочисленны,

приживаются, естественно, не сразу и какое-то время употребляются параллельно с существующими, ср. Tanum: tape/teip 'тейп, липкая лента, скотч' (< англ. tape).

Как упоминалось выше, число английских фонетических заимствований, в современном норвежском языке необозримо. Они, как правило, не меняют своего написания. Какое-то количество их, однако, используется в транскрибированном виде, например: røff 'грубый, резкий' (< англ. rough), tøff 'смелый; трудный; жестокий' < англ. tough, teit 'туго натянутый, туго затянутый; тупой, глупый' < англ. tight. (Как явствует из первых двух примеров, английская фонема /ʌ/ произносится в норвежском как /ø/, ср.: trust [trøst, trust] 'трест', cluch [kløtč] (пишется также kløtsj) 'сцепление (у автомашины)', uppercut [ˈøp:arkøt:] 'аперкот (удар в боксе)'.)

Другая новация в области орфографии — введение некоторое время тому назад написания сложных существительных, имеющих первый элемент нарицательный, а второй — имя собственное. Первый элемент следовало писать с маленькой (строчной) буквы, затем ставить дефис, а второй начинать с большой (прописной) буквы, например: vinter-Norge 'зимняя Норвегия'. Правило это сплошь и рядом нарушалось, а к концу XX в. было отменено. Согласно последним изданиям орфографического словаря Tanum, правилом является использование прежнего написания типа Vinter-Norge.

Уже давно встречается орфографическая ошибка — раздельное написание сложных слов (по-норвежски это называется særskriving), например kjempe sannsynlig 'в высшей степени вероятно' вместо правильного kjempesannsynlig. Эксперимент, проведенный среди учащихся одного 1-го класса videregående skole, т. е. 10-й год обучения в школе, показал, что более половины из них (!) написали это слово раздельно. Принято объяснять это явление влиянием английского, однако и ученики, еще не изучившие более или менее основательно английский или вообще не изучавшие его, часто допускают эту ошибку. Так, ребенок дошкольного возраста, лежавший в больнице «Lovisenberg sykehus», подарил персоналу нарисованную им картинку с надписью «Til Lovisen Berg syke hus». Видимо, причина таких ошибок кроется в другом.

ГРАММАТИКА

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

70. Род. Самое важное изменение в области употребления грамматического рода в последние десятилетия, как уже неоднократно отмечалось, — это бесспорная экспансия форм женского рода. На употреб-

ление этих форм общего рода влияет множество факторов разного характера, подробно останавливаться на которых здесь нет возможности. Их использование определяется в основном двумя типами факторов.

Первый тип — это индивидуальность говорящего: возраст, пол, образование, а также место происхождения и/или получения образования. Так, отмечено, что, например, молодые мужчины в большей мере используют показатели женского рода, нежели, к примеру, пожилые женщины с высшим образованием. Однако здесь может идти речь лишь о некоторой тенденции, а не о сколько-нибудь общем правиле.

Второй тип — речевая ситуация. Конечно, никаких четких правил здесь нет, и любой пример, иллюстрирующий сказанное, может легко быть опровергнут другим конкретным примером из живой жизни (ср. абзац выше). Так, один человек, спрашивая у прохожего дорогу, спросит: «Hvor ligger den gata?» 'Где находится эта улица?', другой — «Hvor ligger den gaten?» Но те же самые люди могут в совершенно аналогичной ситуации использовать эти высказывания обратным образом.

Играют роль здесь и такие моменты, как стиль, эмоциональное состояние говорящего, серьезность/шутливость высказывания и т. п. Человек может попросить сына: «Lukk døren er du snill» 'Будь любезен, закрой дверь', но если тот почему-то этого не сделал (особенно при неоднократной просьбе), сказать в сердцах: «Lukk døra sier jeg!» 'Да закрой же ты дверь, тебе говорят!'

Для многих естественно в предложениях типа *книга — величайшее изобретение человечества* употребить форму boken, а во фразах типа *куда запропастилась эта чертова книга* — форму boka. О лондонском мосте Тауэре (Tower) многиие могут сказать broen, а о небольшом мосте в сельской местности — brua. Но опять-таки это лишь некая тенденция, а не правило (в телевизионных передачах в Осло в течение одного вечера летом 2009 г. были использованы все четыре возможные формы: brua, bruen, broen, broa).

71. Число. В употреблении единственного/множественного числа в принципе изменений не произошло, если не считать отдельных лексем, приобретших не свойственные им ранее формы, например: statistikker 'статистические данные'; поэтому в настоящем параграфе будут рассматриваться только морфологические моменты (некоторые из них уже освещались выше).

Так, уже говорилось, что существительные ср. р. иноязычного происхождения, ранее употреблявшиеся во мн. ч. с показателем **-er**, теперь всё шире употребляются во мн. ч. с нулевым окончанием, например: fakultet — fakultet, apparat — apparat. Однако использование форм без окончания мн. ч. не стало абсолютным правилом.

Окончание мн. ч. -e (кроме существительных с суффиксом **-er**) вышло из употребления (не считая архаичных устойчивых сочетаний типа gammel og mett av dage '*библ.* стар и пресыщен жизнью') еще в предыдущем периоде. Впрочем, в последнее время замечается тенденция употреблять в сочетаниях названного типа современное окончание **-er**.

Несколько существительных ср. р., имевших в датско-норвежском окончание мн. ч. **-e** (например: brev 'письмо', skib/skip 'корабль'), в форме мн. ч. с определенным артиклем сохранили тонему **2**: brevene, skipene, bordene 'столы', fjellene 'горы', landene 'страны', husene 'дома', takene 'крыши' (но takene 'захваты') и др. Тем не менее в этом отношении отмечается разнобой.

В радикальном варианте бм у существительных с суффиксом **-er** (например, lærer 'учитель', maler 'художник') во мн. ч. вместо окончания **-e** допускался вариант **-er**. Он был очень малоупотребителен и сейчас официально отменен.

Еще сравнительно недавно действовало правило, согласно которому у существительных на безударный элемент **-(t)or** (типа regulator) во мн. ч. ударение переносится на **-or-** (regulatorer). В настоящее время наблюдается явная тенденция к сохранению места ударения ед. ч. и во мн. ч. (rotorer, kultivatorer, vibratorer). Впрочем, словари здесь далеко не всегда последовательны, что отражает колебания в произношении.

У ряда слов латинского происхождения с исходом на **-um**, **-us** при образовании форм с артиклем или мн. ч. эти элементы, как и прежде, отбрасываются, и артикль или окончание мн. ч. присоединяется непосредственно к основе, например: museum 'музей' — museet, museer; laboratorium 'лаборатория' — laboratoriet, laboratorier; gerundium — 'герундий; деепричастие' — gerundiet, gerundier. Естественно, иногда возникают пары: существительное, сохраняющее латинскую форму, как вышеприведенные, — более новая усеченная форма, например: museum, musé — museet, museer; adverbium 'наречие', adverbiet, adverbier — adverb, adverbet, adverb(er). Главное исключение из этого правила составляют многочисленные названия веществ, например: aluminium — aluminiumet/aluminiumen, magnesium 'магнезия' — magnesiumet/magnesiumen, kalium 'калий' — kaliumet, talkum 'тальк' — talkumen. Они не претерпели изменений.

Некоторые немногочисленные существительные книжного характера сохраняют особенности образования мн. ч. языка заимствования: konto '(банковский) счет' — konti или kontoer, leksikon 'лексикон' — leksika (также leksikon), genus 'грамматический род' — genera (также genus).

72. Падеж. В целом в последние десятилетия продолжается тенденция к замене синтетического родительного падежа различными предложными конструкциями, иначе говоря, продолжается движение от синтеза

к анализу. Например, родительный объектный по-прежнему употребляется, но всё чаще заменяется предложной конструкцией с **av**, ср.: Amerikas oppdagelse 'открытие Америки' → oppdagelsen av Amerika. То же относится к родительному субъектному: Columbus' oppdagelse 'открытие Колумба', Universitetet i Oslos avsettelse av professor N. 'увольнение Университетом Осло профессора N.'. По этой причине вне контекста одно и то же сочетание может быть понято двояко, например, soldatenes bortføring может означать как 'похищение солдат', так и 'похищение солдатами'. Цепочки генитивов (типа Amerikas forente staters økonomiske stilling 'экономическое положение Соединенных Штатов Америки'), избегавшиеся уже ранее встречаются редко (см. также 85).

Совершенно вышли из употребления встречавшиеся редко уже в предшествующий период генитивные формы, которые можно назвать «родительным материала», типа et silkes lommetørkle 'шелковый носовой платок', en fløyels kjole 'бархатное платье'. Вместо таких конструкций употребляются сложные слова (silkeslommetørkle, fløyelskjole) или конструкции с предлогом **av** (lommetørkle av silke, kjole av fløyel).

Из получивших развитие в последние десятилетия аналитических конструкций, эквивалентных по функции родительному падежу, следует остановиться на двух — «скрытом родительном падеже» и «ганзейском родительном падеже» (термины наши. — *В. Б.*).

Скрытый родительный падеж — это конструкции, в которых первый элемент (обычно имя собственное, выступающее в функции определяющего) не имеет показателя родительного падежа **-s**, эвентуальное прилагательное стоит в слабой форме, а определяемое существительное не имеет артикля, например: Oslo Nye Teater '«Новый театр» Осло', Nydalen Medisinske Senter 'Медицинский центр Нюдалена', Rodeløkka Fysikalske Institutt 'Физиотерапевтический институт Руделёкки (район Осло)', ср. более старое название Rodeløkkens kolonihager 'Садоводство Руделёккен'. Такие полные (т. е. трехчленные) конструкции со скрытым родительным падежом встречаются, правда, относительно редко, абсолютно преобладают двухчленные, типа Rodeløkka Legesenter 'Медицинский центр Руделёкки.' Описываемые конструкции весьма разнообразны с семантической точки зрения: первые элементы их бывают топонимами, фамилиями/именами владельцев, названием фирмы, ее профилем и т. д. и т. п.

Название «ганзейский родительный падеж» является калькой норвежского термина garpegenitiv — сложного существительного, первый элемент которого — garp был обозначением ганзейского купца в средние века. Эта конструкция — калька с нижненемецкого и представляет собою следующее: начальный элемент ее — существительное, стоящее на первом месте, — является определяющим, затем следует притяжательное местоимение, в подавляющем большинстве случаев возвратно-

притяжательное sin 'свой', потом идет определяемое существительное. Например:

universitetet sitt bibliotek 'университетская библиотека', доел. 'университет своя библиотека'

studenten sin ordbok 'словарь студента' Steinar sine ski 'лыжи Стейнара'

skiene er Steinar sine 'эти/это лыжи Стейнара, т. е. принадлежат Стейнару'

Ганзейский родительный употребляется также как групповой, например: Universitetet i Oslo sitt bibliotek 'библиотека Университета Осло'. Для таких случаев рассматриваемая конструкция очень «удобная», поскольку она, во-первых, компактная и позволяет избежать более громоздкой и, во-вторых, вариант типа Universitetet i Oslos bibliotek не вполне логичен, так как в нем показатель родительного падежа присоединен к предложному определению.

До сравнительно недавнего времени ганзейский родительный считался сугубым диалектизмом. Полностью литературным он пока не стал, несмотря на всё более широкую употребительность; так, он даже проник на страницы консервативной по своему языку газеты «Aftenposten», ср.: President Barack Obama vil skape sin egen versjon av et rakettskjold i Europa. Det kan bli dyrere enn forgjengeren George W. Bush sitt (2.2.2010) 'Президент Барак Обама хочет создать свой собственный вариант ракетного щита в Европе. Он может оказаться дороже, чем щит его предшественника Джорджа У. Буша'. Характерно, что еще в середине прошлого века вполне допустимым в кодифицированной речи стало сочетание hvem sin…? 'чей…?', например, hvem sin nøkkel er det?/hvem er det sin nøkkel? 'чей это ключ?'. Это объясняется тем, что в норвежском, как это ни парадоксально, нет стилистически нейтральной лексемы для обозначения этого понятия: форма hvems, безусловно, нелитературная, а hvem eier… — слишком книжная, некомпактная и не охватывает всех значений понятия 'чей'.

(Любопытно, что ганзейский родительный по своей структуре и семантике полностью совпадает с так называемым тюркским изафетом, ср. киргизское *мугалим китеби*, доел. 'учитель его книга', т. е. книга учителя'.)

73. Артикль. В отношении формы основные изменения состоят в значительно возросшем употреблении омонимичных артиклей **-a** (ед. ч. ж. р. и мн. ч. ср. р.), о чем неоднократно говорилось выше в разной связи. Напомним, что радикальная форма неопределенного артикля ж. р. ei менее частотна, нежели определенного артикля, так, один и тот же человек может говорить boka 'книга' (с определенным артиклем), но en (а не ei) bok (с неопределенным артиклем).

Следует отметить также всё большее проникновение в печатные тексты просторечных/фамильярных форм определенного артикля мн. ч. общ. р. **-a**: gutta, kara ‘парни, ребята’, henda ‘руки’, tenna ‘зубы’, penga ‘деньги’, unga ‘дети’. Первые две формы уже широко использовались в названном стилистическом качестве, по крайней мере в XX в., ср. gutta på skauen ‘лесные парни’ (о норвежских партизанах во время Второй мировой войны); то же относится к фразеологизму for alle penga ‘≈ полностью, как следует; (в атрибутивном употреблении) ≈ настоящий’.

Что касается изменений в употреблении артиклей, то здесь требуются специальные исследования, но они, насколько нам известно, пока отсутствуют. В общем, представляется, что возросло число случаев употребления существительных без артикля (nakne substantiver, досл. ‘голые существительные’).

Характерно явление, носящее по-норвежски название overbestemmelse, в буквальном переводе ‘сверхопределение’. Им обозначается одновременное употребление при существительном либо обоих определенных артиклей (суффигированного и свободностоящего), либо указательного местоимения и суффигированного артикля, например: den nye legen ‘новый врач’, den smale gata ‘узкая улица’, de nordiske landene ‘скандинавские страны’, denne legen ‘этот врач’. Притяжательные (но не указательные и др.) местоимения могут употребляться в постпозиции к существительному с артиклем: språket vårt ‘наш язык’, barna hennes ‘ее дети’ и т. д. Если существительное в ед. ч. имеет при себе артикль ж. р. **-a**, то находящееся в постпозиции притяжательное местоимение — радикальную форму (mi, di), например: boka mi ‘моя книга’ (но boken min).

В разговорном стиле при обозначении членов семьи возможно употребление постпозитивного притяжательного местоимения без суффигированного: far min ‘мой отец’, bror din ‘твой брат’.

При противопоставлении постпозитивная форма не употребляется: dette er ditt problem og ikke mitt ‘это твоя проблема, а не моя’. Причина этого в том, что при противопоставлении притяжательное местоимение несет на себе ударение, а в иных случаях оно безударное.

Сверхопределение встречалось и ранее, ср. бьёрнсоновское Ja, vi elsker dette landet ‘Да, мы любим эту страну’ (теперь это начальные слова национального гимна), но широкое употребление оно получило лишь в XX в., причем употребление его идет по нарастающей, хотя и не стало абсолютным правилом.

Согласно норвежским пособиям по стилистике, между конструкциями с одним свободностоящим артиклем и сверхопределенными конструкциями имеется смысловое различие. Первая из них обозначает общее, абстрактное понятие, вторая — конкретное. Так, den ukjente soldat выражает понятие неизвестного солдата вообще (ср. den ukjente soldats grav

‘могила неизвестного солдата, т. е. памятник безвестным солдатам, погибшим на войне’, и den ukjente soldatens grav ‘памятник солдату, личность которого не установлена’). Однако это только тенденция, но не жестко соблюдаемое правило.

Впервые это явление было исследовано Эйнаром Люндебю (Einar Lundeby) в 1960-е гг. Через 30 лет он сделал доклад «Сверхопределение 30 лет спустя», в котором содержался интересный вывод: сверхопределение в большей степени представлено на страницах демократической прессы, нежели прессы консервативной.

Само по себе как таковое сверхопределение находится в противоречии с тенденцией языка избавляться от информационно избыточных граммем. Ведь именно их язык лишается в первую очередь. Артикль в словосочетаниях dette landet не сообщает никакой дополнительной информации по сравнению с dette land, а huset mitt — по сравнению с mitt hus.

74. Словопроизводство. В последние десятилетия получили широкое распространение сокращенные (усеченные) формы (kortord). Они представлены двумя видами: начальным элементом слова (hodeord ‘слова-головы’) и последним (haleord ‘слова-хвосты’). При усечении оказывается несущественным, на какой слог падает ударение в исходном слове, ср.: «слова-головы» mikrofon → mikk, kriminallitteratur, kriminalroman → krim, personlig rekord → pers, temperatur → temp, kvalifiséringskamp → kvalik ‘отборочный матч, отборочные соревнования’, matematikk → разг. matte и «слова-хвосты» noja (< paranoja) ‘паранойя’, Polet (< Vinmonopolet), досл. ‘винная монополия’; обычно ‘винный магазин’.

Основная масса усеченных слов характерна для разговорного стиля или сленга. Таковы, например, слова perm (< permisjon) ‘отпуск; увольнительная;’, lok (< lokomotiv) ‘локомотив’, lab(b) (< laboratorium) ‘лаборатория’, info (< informasjon) ‘информация’, mers(e) ‘мерседес’.

Хотя широкое распространение усеченные слова получили особенно в последнее время, явление это, конечно, не новое. Среди них есть единицы, давно вошедшие в язык и являющиеся либо более частотным обозначением понятия, нежели полный вариант (например, bil ‘машина’ (< уст. automobil)), либо вообще единственным (например, trikk ‘трамвай’ (< англ. electric tram(car)). Форма manus вытесняет форму manuskript в значении’рукопись (книги и т. п.); сценарий’. Некоторые усеченные формы (например, el-’электро-’, øko- ‘эко-, экологический’, proff-, [pruf:] ‘профессиональный’, narko- ‘нарко-, связанный с наркотиками’) употребляются в основном или только как компоненты сложных слов: elverk ‘электростанция’, økokrise ‘экологический кризис’, proffbokser ‘боксер-профессионал’, narkohandel ‘торговля наркотиками’ и т. п.

В разговорной речи и особенно в сленге встречаются сложные слова, состоящие из усеченной формы и суффикса, например: kjendis 'знаменитость', alkis 'алкаш, ханыга' (суффикс **-is** заимствован из шведского).

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Основные изменения у прилагательного наблюдаются в отношении образования и согласования.

75. Образование прилагательных. Новые прилагательные образуются путем суффиксации и основосложения. Оба эти способа давно используются языком, так что можно ограничиться отдельными замечаниями.

Суффиксация. Суффикс **-et** всё больше заменяется на **-ete** и **-a**.

Суффикс **-et** при несложных прилагательных (т. е. в модели «существительное + et») довольно интенсивно вытесняется суффикшм **-ete**, ср.: fille 'тряпка' → fillet 'оборванный' → 'fillete, rute 'квадрат, клетка' → rutet 'клетчатый' → rutete; sene 'жила' → senet 'жилистый' → senete.

Суффикс **-a** заменяет **-et** у сложных прилагательных, второй элемент которых образован от существительных, например: godartet 'доброкачественный' → godarta, rødkinnet 'краснощекий' → rødkinna, stivnakket 'упрямый' → stivnakka. Такая замена не является правилом, и прилагательные названного выше типа rødkinnet по-прежнему широко употребительны. Стилистически они нейтральны, тогда как тип rødkinna можно охарактеризовать как радикальный.

Обращают на себя внимание прилагательные типа døvblitt 'оглохший (в результате болезни, травмы и т. п.), т. е. 'ставший глухим' — в отличие от døvfødt 'глухой от рождения'.

76. Согласование. Здесь произошел ряд изменений:

1. Всё шире используется согласование **по численному значению**, когда при собирательном существительном (разумеется, в ед. ч.) предикатив употребляется во мн. ч.: partiet/opposisjonen ble enige om... 'партия/оппозиция достигла согласия относительно...', sykehuset er sparsomme med opplysninger 'больница дает скудные сведения', politiet er misfornøyde 'полиция недовольна', gruppa... er stolte av navnet sitt 'группа... гордится своим названием', Storbritannia sier de er fornøyde. 'Великобритания заявляет, что она (досл. 'они') довольна', ekteparet Hansen er hyggelige 'супруги Хансены симпатичные'. Возможно, такое использование мн. ч. возникло под влиянием английского языка. (Сходное явление характерно между тем и для современного русского языка, ср. уже переставшие быть разговорными конструкции типа *много народу знают об этом.*)

Встречается подобное использование формы мн. ч. предикативного прилагательного также при метонимическом употреблении географических названиий, когда оно обозначает население страны, ее правительство и т. п.: Egypt er skeptiske ‘Египет занимает скептическую позицию’.

2. Относительно недавно вошла в употребление конструкция **«существительное (любого грамматического рода) без артикля в общей соотнесенности + глагол-связка er + прилагательное в ср. р.»**. Существительное в такой конструкции чаще всего обозначает какую-либо деятельность человека, его образ жизни, занятие, продукт, изделие и т. д., а прилагательное — оценку с точки зрения их полезности, приятности, распространенности и т. п. Примеры: gymnastikk er sunt ‘гимнастика полезна / полезное дело’, turer er godt ‘прогулки — вещь хорошая’, melk er godt ‘молоко хорошо для здоровья’. Следует подчеркнуть, что существительное употребляется в таких случаях в общей соотнесенности (‘молоко вообще’) и не имеет артикля, а прилагательное — только в форме ед. ч. ср. р., независимо от рода и числа существительного; ср.: melken er god ‘[это] молоко хорошее’. Объясняют эту конструкцию следующим образом: в ней подразумевается, но не выражено местоимение det, т. е. она развилась из предложений типа gymnastikk — det er sunt. Однако эта конструкция может употребляться теперь и в частной соотнесенности: surfing/klatring er populært her ‘серфинг/альпинизм здесь популярен’, begge deler er ubehagelig ‘и то и другое неприятно’ (прилагательное на **-lig** не имеет показателя ср. р.), ...at mangler ved inspeksjoner ikke er uvanlig ‘...что недостатки при инспектировании дело обычное’.

3. Конструкция **«прилагательное в слабой форме** (без свободностоящего артикля) **+ имя собственное»** употреблялась еще в древненорвежский период для обозначения постоянного/длительного признака объекта. Относительно недавно она приобрела дополнительно новое значение, заключающееся в следующем: прилагательным в этой новой конструкции обозначается **не названный ранее постоянный признак**, о котором говорящий считает нужным сообщить адресату сообщения (хотя данный признак нередко вытекает из контекста). Примеры: nummer to ble finske Savolainen ‘второе место занял финн Саволайнен’ (из спортивного сообщения), best av alle spilte talentfulle Åse Hansen ‘лучше всех сыграла талантливая Осе Хансен’ (из театральной рецензии).

4. Несколько прилагательных, употребляемых **с предложным распространением**, используется в форме ед. ч. также в значении мн. ч.: vi er lei av å vente ‘нам надоело ждать’, de er glad(e) i hverandre ‘они любят друг друга’, de sto klar(e) til å dra avgårde ‘они были готовы отправиться в путь’, de er klar(e) over at... ‘они ясно понимают, что...’; alle er enig(e)

i at 'все согласны с тем, что...'; de er sikker/sikre på at... 'они уверены в том, что...'; landene er avhengig(e) av import 'эти страны зависят от импорта'.

5. Весьма частотное прилагательное **sist** 'последний', в атрибутивной функции в подавляющем большинстве случаев употребляемое в слабой форме, при названии (дней) недели, времени суток или года (т. е. в значении 'прошлый') всё чаще используется в сильной форме: sist(e) fredag 'в прошлую пятницу', sist(e) uke 'на прошлой неделе'.

6. Специфическое формообразование имеет прилагательное **verd** 'стоящий столько-то, имеющий такую-то цену'. Еще в XVIII в. его формы общ. и ср. р. употреблялись, в общем, вперемешку (форма мн. ч. отсутствует, так как давно вышла из употребления), ср.: boka er verd(t) å lese 'книгу стоит прочитать', bilen er ikke fem øre verd(t) 'машина и гроша ломаного не стоит'.

7. Относительно недавно возникло неизменяемое прилагательное **feil** 'неверный, ошибочный'. Оно развилось из существительного feil 'ошибка', которое стало также употребляться адвербиально, ср.: skrive feil 'писать неправильно', huske feil 'помнить неверно'. Из адвербиального значения развилось адъективное: du har fått feil nummer 'вы ошиблись номером, вы набрали не тот номер'.

8. Сходно происходило развитие значений у прилагательных на **-vis**. Из существительного vis 'образ, способ' развились адвербиальное и адъективное употребления: støtvis 'толчками; толчкообразный', parvis 'парами, попарно; попарный'; på ærlig vis 'честным способом'. Наречия на **-vis** с первым элементом, обозначающим некоторое количество (обычно переносно), теперь часто употребляются как существительные (с предлогом i): i massevis 'массами', han har haugevis av penger/han har penger i haugevis 'у него куча денег (haug 'холм; груда, куча') / у него денег куры не клюют'.

9. Специфически развивалось прилагательное **annerledes**. Оно возникло сравнительно недавно из наречия annerledes 'по-другому, иначе' и приобрело значение 'нового типа, нетрадиционный', например: en annerledes grammatikk 'грамматика нового типа, нетрадиционная грамматика', hans siste roman er litt annerledes 'его последний роман несколько необычен'.

10. Формы превосходной степени прилагательных **mange** 'многие' и **få** 'немногие' — соответственно flest и færrest — традиционно употребляются со свободностоящим артиклем — de fleste и de færreste. В рассматриваемый период стали распространяться также их сильные формы, ср.: de fleste etterkommer(n)e 'большинство потомков' → flest etterkommere, de færreste elever/elevene 'меньшинство учеников' → færrest elever.

ГЛАГОЛ

77. У глагола основные **изменения** произошли в области **формы**. Они сводятся к следующим моментам:

1. **Более широкое использование радикальных форм.** Прежде всего это касается слабых глаголов I класса, у которых **-a/-a** — радикальный вариант окончания **-et/-et** — всё больше проникает в разговорную речь. Например, в одной телевизионной передаче было употреблено выражение bra jobbet! ‘хорошо сделано!, хорошая работа!’, а в другой, следовавшей непосредственно за ней, — bra jobba! Ряд слабых глаголов этого класса давно перешел в III класс: sage ‘пилить’ -et, -et → sagde, sagd или во II: trykke ‘давить, жать’ -et, -et → trykte, trykt. Традиционные варианты типа saget, trykket, однако, тоже встречаются нередко. Словарь Tanum для некоторых слабых глаголов допускает возможность нескольких наборов окончаний, например: lage ‘делать, изготовлять’ — lagde/lagd, laget/laget, laga/laga; love ‘обещать’ — lovet/lovet, lovde/lovd, lova/lova, lovte/lovt (4 варианта!). По реформе 2005 г. слабые глаголы с исходом основы на **-g(g)**, имевшие набор показателей III класса (bygge ‘строить’ — bygde — bygd), могут изменяться, как примерно сто лет назад, по I классу: bygge — bygget — bygget.

Официально слабая форма причастия II слабых глаголов I класса имеет два варианта — с суффиксом **-ede** (den lovede ‘обещанный’; ‘обетованный’ в сочетании det lovede land ‘земля обетованная’) и радикальный **-ete** (den lovete). Второй вариант, в общем, не привился и используется в литературном языке сравнительно редко.

Разговорная форма претерита сильных глаголов с корневым **y** (с дифтонгом **øy**) совсем недавно была признана официально, хотя она широко употреблялась, в том числе, например, и образованными слоями Осло. Теперь формы типа brøyt (от bryte ‘ломать’), røyk (от ryke ‘дымиться’), krøyp (от krype ‘ползти’) сделаны равноправными с радикальными формами с дифтонгом **-au-**: braut, rauk, kraup и др.

2. **Переход сильных глаголов в слабые.** Этот процесс характерен для всех германских языков, но затронул он их в разной степени. Так, в современном исландском языке сильных глаголов более трехсот, а в языке африкаанс их вообще нет. В норвежском языке сильных глаголов около 200 и менее 10 — претерито-презентных.

Переход сильного глагола в разряд слабых проходит сначала стадию «просторечной неправильности». Так, сильный глагол skjære ‘резать’ (основные формы skar — slåret) в просторечии может изменяться по парадигме слабого глагола II класса: skjærte — skjært. В словаре Tanum такие варианты даже не отмечены.

Характерная черта очень многих современных норвежских сильных глаголов — при полном или частичном сохранении сильного претерита сильные причастия вытеснены слабыми, например: gli 'скользить' — gled/glei — glidd, lide/li 'страдать' — led/lei — lidd/lidt, skryte 'хвастаться' — skrøt/skrytte — skrytt.

В рассматриваемый период у одного слабого глагола вошла в употребление устаревшая сильная форма претерита: глагол bety 'означать' приобрел практически утраченную форму betød. При этом слабая форма betydde сохраняется (и используется даже чаще, чем возникшая). У обоих вариантов слабое причастие II — betydd.

3. Традиционно у глаголов движения и изменения состояния в литературном языке четко различались **перфект процесса** (со вспомогательным глаголом ha) и **перфект состояния** (со вспомогательным глаголом være). Теперь в учебниках, в частности школьных, рекомендуется использовать только формы перфекта процесса в обоих значениях. Таким образом, в настоящее время в речи многих конструкция han har kommet 'он приходил/пришел' выражает и процесс, и состояние. Некоторые глаголы, ранее употреблявшиеся со вспомогательным глаголом være (ср. de er begynt... 'они начали...' у Ибсена, теперь употребляются только с ha. Даже такой важный глагол, как bli, в последнее время очень часто, даже, скорее, преимущественно, стал также употребляться в перфекте со вспомогательным глаголом ha: problemet har alt blitt behandlet 'вопрос уже рассмотрен/рассматривался'.

4. Получил распространение плеонастический **видовой усилитель opp** при фазовых глаголах со значением окончания: stanse / stoppe opp 'останавливаться', ende / ende opp 'заканчиваться'.

5. В области **образования** отмечается возрастание роли конверсии, например: sport → sporte 'заниматься спортом', kontakt → kontakte 'вступать в контакт; контактировать', front → fronte 'возглавлять; защищаться от чего-л.', buss → busse 'ездить на автобусе; перевозить на автобусе', sjanse 'рисковать'. Возможны и конверсные окказионализмы, например: detektiv → detektive 'работать детективом; вести расследование'.

6. Новое явление — **обратное, или ретроградное, образование**. Так в норвежской грамматической литературе называется создание сложных глаголов на основе сложных существительных, у которых второй свой элемент — отглагольное существительное. Например, от сложного существительного røntgenbehandling 'лечение рентгеном' создан сложный глагол røntgenbehandle 'лечить рентгеном; облучать (в медицинских целях)'. Ср. далее: nødlanding 'вынужденная посадка ^ nødlande 'совершить вынужденную посадку', TV-sending 'телевизионная передача' — TV-sende 'вести телевизионную передачу', frontkollisjon 'лобовое столкновение' → frontkollidere 'столкнуться лоб в лоб', alibisjekk 'проверка алиби' →

alibisjekke *nn* 'проверять *чье-л.* алиби' и т. п. Возможны окказионализмы, например: han ble herointatt 'он был арестован за перевозку героина'.

Иногда «обратные» глаголы образуются от словосочетаний, содержащих глагол, например: hoppe i plastbakke 'прыгать на лыжах с трамплина с искусственным покрытием' → plasthoppe, kvalifisere seg til OL 'пройти отборочные соревнования к Олимпийским играм' → OL-kvalifisere seg, undersøke leveren på *nn* 'обследовать печень *у кого-л.*' → leverundersøke *nn*.

Распространение это явление получило в последней четверти XX в. Первоначально оно появилось в языке прессы, особенно в газетных заголовках.

7. Что касается **глагольных категорий**, то особых изменений у них не произошло.

Система **времен** осталась прежней.

В отношении **залога** отмечаются некоторые изменения. Они касаются рефлексивов — возвратных форм и возвратных конструкций — и пассива.

Возвратными формами (ВФ) называются глагольные формы с возвратным суффиксом др.-норв. **-sk** (из возвратного местоимения sik (вин. п.), sér (дат. п.) и sin (род. п.)), совр. исл., нн -st, бм, дат.-шв. -s, например: норв. brytes 'бороться'. Возвратные конструкции (ВК) — это глагольные формы с возвратным местоимением бм, нн seg, дат., шв. sig, совр. исл. sig (вин. п.), sér (дат. п.), sin (род. п.), например: норв. sette seg 'садиться'. В 1-м и 2-м л. вместо seg употребляются объектные формы личного местоимения — meg, deg, oss, dere, Dem.

Выделяют также отложительные глаголы, которые, имея суффигированный возвратный суффикс, не несут грамматического значения, свойственного возвратным формам, например: норв. lykkes 'удаваться', det ryktes 'распространяться (о слухе)', det våres 'наступает весна', det dages 'светает'. В отличие от ВФ отложительные глаголы имеют полную парадигму: lykkes, претерит lyktes, перфект har lyktes / *lykkes.

Возвратные глаголы — это глаголы, совпадающие по своей форме с возвратной конструкцией, но не имеющие соотносительных невозвратных глаголов с тем же значением, например: kvie seg 'страшиться; не хотеть'.

Уже в древнеисландском ВФ и ВК имели в совокупности весь спектр залоговых значений, свойственный современным скандинавским языкам.

Главное отличие древних рефлексивов от современных состоит в следующем:

а) часть значений ВФ перешла к ВК, ср. др.-норв. leggjask 'ложиться' — норв. legge seg; также у Ибсена в «Пере Гюнте»: kan jeg gledes om jeg ville...? 'могу ли я радоваться, если бы и хотела...?' и совр. glede seg.

Формы типа gledes уже давно считаются книжными и в последнее время встречаются редко;

б) пассивное значение ВФ, свойственное в древненорвежском только книжному стилю, получило в современном языке широкое развитие (так называемый s-пассив, пассив на -s или флективный пассив). Вместе с тем у пассива на -s неполная парадигма: он употребляется в инфинитиве и презенсе; форма претерита слабых глаголов (типа tryktes 'был напечатан') носит сугубо книжный характер и теперь встречается редко, претерит сильных глаголов на -s (типа grepes 'был схвачен') в настоящее время не употребляется вовсе, а формы перфекта и плюсквамперфекта от них вообще никогда не образовывались. Таким образом, полная парадигма есть только у пассива с bli и пассива с være;

в) у ВК и ВФ есть определенная зона пересечения, т. е. имеются значения, которые выражаются обоими типами рефлексивов, например: tidene forandrer seg/tidene forandres 'времена меняются'. Такая же зона пересечения есть у конструкции «глагол bli + причастие II глагола» и ВК, например: han er/har blitt helt forandret и han har forandret seg helt 'он полностью изменился'.

Давно утверждается, что флективным пассивом преимущественно обозначается действие узуальное, повторяющееся, абстрактное, а аналитическим — действие конкретное. Однако скорее можно считать, что полностью верна только первая часть этой формулировки: конкретное действие часто также обозначается флективным пассивом. Это грамматическое различие дополняется другими. Флективный пассив более литературен, нежели пассив аналитический. Далее, в силу своей краткости он часто предпочитается там, где она желательна, например в газетных заголовках, объявлениях и др., ср. обычное объявление в общественном транспорте «Dørene lukkes» 'Двери закрываются'. По этой причине возможно употребление аналитического и флективного пассива в одинаковых контекстах в одном и том же значении, в частности для разнообразия, ср. (сообщение Норвежского ТВ о проверке сигналов воздушной тревоги): Signalet FLYALARM blir sendt kl. 12.00 og signalet FAREN OVER sendes kl. 12.05 'Сигнал «ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА» передается в 12.00, а сигнал «ОТБОЙ ВОЗДУШНОЙ ТРЕВОГИ» — в 12.05.

Выходившие из употребления еще во второй половине XX в. формы претерита флективного пассива слабых глаголов типа tryktes 'был напечатан', как сказано выше, теперь используются всё реже. Однако попрежнему употребительны формы претерита слабых глаголов типа høres 'слышаться' — hørtes, se(e)s 'виднеться', føles 'чувствоваться' — føltes, строго говоря, не имеющих собственно-пассивного значения.

В области **наклонения** следует отметить использование форм (конструкций), ранее употреблявшихся для обозначения нереального условия

и его следствия, относящихся к прошлому, для обозначения такого условия и его следствия, относящихся к настоящему, т. е. вместо, к примеру, jeg ville være takknemlig hvis du gjorde det 'я был бы благодарен, если бы ты это сделал' всё чаще говорится jeg ville vært takknemlig hvis du hadde/skulle gjort det. Такое употребление является, в частности, средством смягчения побуждения, просьбы и т. п.

78. Наречие

По-прежнему очень часто происходит смешение в употреблении форм сравн. ст. lengre (от прилагательного lang 'длинный') и lenger (от наречий langt 'далеко' и lenge 'долго'). Видимо, это становится тенденцией.

МЕСТОИМЕНИЕ

79. Личные местоимения.

jeg 'я'. Наиболее важное изменение в употреблении этого местоимения заключается в том, что оно в значительной мере взяло на себя функции pluralis modestiae («множественного скромности»). Например, в научной литературе и особенно в прессе привычное vi 'мы' как обозначение автора всё больше вытесняется местоимением jeg.

du 'ты'. Это местоимение 2 л. ед. ч. стало нейтральной формой обращения: оно используется при разговоре незнакомых людей, доктора и пациента, профессора и студента, директора и рабочего и т. д. В оппозиции du/De du стало немаркированным членом, ср. De.

han 'он'. Разговорная форма объектного падежа этого местоимения han (< др.-норв. hann вин. п.) официально признана наряду с издавна и по преимуществу употребляемой в кодифицированной речи формой ham (< др.-норв. honum дат. п.). Энклитическая ее форма 'n давно широко употребляется в разговорной речи, ср.: фамильярное har(r)'u snakka med'n? /... sett'n? 'ты с ним говорил? / ты его видел?'. Эта же энклитическая форма заменяет в разговорной речи местоимение den в функции дополнения (но не подлежащего): legg'n på bordet! 'положи его/ее/это на стол' (о неодушевленном предмете).

hun 'она'. Ни одна из разговорных/просторечных форм этого местоимения не стала кодифицированной. Имеются в виду формы типа hu (им. п.), henner, 'a (обе формы — об. п.; ср.: har(r)'u sett'a? прост. 'ты ее видел?'; последняя форма восходит к древненорвежской форме вин. п. hana).

den '3 л. ед. ч. м. и ж. р. по отошению к нелицу'. Отмечается возрастание, преимущественно при передаче разговорной речи, употребления энклитической формы 'n (см. выше han).

det '3 л. ед. ч. ср. р.' В целом без изменений. В значительной мере вытеснило ставшее книжным der в предложениях типа der er ingen som... 'нет никого, кто бы...', der er kommet et brev til deg 'тебе пришло письмо'.

vi 'мы'. Стало менее употребительным в функции pluralis modestiae, ср. jeg. Вместе с тем vi по-прежнему употребляется в письмах фирм (что вполне понятно), редакционных статьях в прессе и т. п.

Характерно, что просторечные формы этого местоимения нормативным словарем не допускаются. Форма об. п. oss, в диалектной речи используемая также как форма им. п. (ср. уже приводившееся выше начало народной песни Oss ha gjort ka gjerast skulle… 'Мы сделали всё, что требовалось…'), остается по-прежнему за пределами нормы, равно как и **форма** просторечная форма об. п. vårs.

dere 'вы'. Теперь единственное местоимение 2 л. мн. ч., ср. De I. Местоимение i (об. п. eder, притяжательная форма eders) уже в прошлом веке было архаизмом и употреблялось только в переводах Библии.

De 'вы'. Вежливая форма 2 л. мн. ч. практически вышла из употребления, теперь используется только форма dere.

De в обращении к одному лицу сохраняется как подчеркнуто официальная или вежливая форма (используется преимущественно старшим поколением), ср. du.

de 'они'. Давно употребляемая в разговорной речи форма об. п. de (вместо кодифицированного и единственной официальной формы dem) явно экспандирует; ср.: разг. jeg skal snakke med de 'я поговорю с ними'. С другой стороны, в непринужденной разговорной речи форма об. п. dem может употребляться в функции подлежащего: dem sier '(они) говорят', dem har ikke/har'ke noe med dette å gjøre 'они не имеют к этому никакого отношения'.

Употребляется теперь также как заместитель собирательного существительного, ср. politiet… de mener… 'полиция… она полагает…'.

80. Притяжательные местоимения. Притяжательные местоимения ж. р. **mi, di, si** используются всё чаще. Это связано с более широким употреблением существительных ж. р. с их специфическими показателями.

После существительного с артиклем **-a** названные притяжательные местоимения употребляются обязательно в форме ж. р.: veska mi 'моя сумка', handa/hånda di 'твоя рука'. Характерно, что в препозиции (mi væske, di hand) эти формы притяжательных местоимений используются меньше, нежели в постпозиции.

81. Указательные местоимения. Разговорные варианты denne her 'вот этот', den der 'вон тот' употребляются всё больше. У них есть еще более разговорные варианты (denne herre, den derre), часто имеющие неодобрительный или иронический оттенок.

82. Отрицательные местоимения. Форма intet (ср. р. от ingen) в субстантивном употреблении (в значении 'ничто') носит теперь книжный характер и в общем используется преимущественно в устойчивых сочетаниях, ср.: alt eller intet (*Ибсен*) 'всё или ничего', intet kommer av intet

‘ничто не возникает из ничего’, intet mindre enn ‘не меньше чем, ни много ни мало’ и т. п. Случаи типа intet i rapporten er… ‘ничто в сообщении не…’ распространены уже меньше (вместо них используются ingenting или ikke noe). В адъективной функции это местоимение (типа intet lys ‘никакого света’) употребляется реже.

83. Относительные местоимения. Местоимение som фактически вытеснило все иные.

Der в этой функции совершенно устарело (напомним, что оно могло являться только подлежащим в придаточном предложении), и сочетания типа mannen der står der ‘человек, который там стоит’ практически вышли из употребления уже в прошлом веке. В книжном стиле еще встречается употребление der, когда хотят избежать использования двух соседствующих som, т. е. в случаях типа N., der som kjent er… ‘N., который, как известно, является…’, однако оно также мало характерно для современного стиля.

Hvilken как относительное местоимение устарело даже раньше, чем der. В книжном стиле еще употребляется атрибутивно в высказываниях типа alt avhenger av hvilken støtte han får ‘всё зависит от того, какую поддержку он получит’. Форма ср. р. hvilket, обозначающая отношение вводимой им части предложения к предыдущей его части или ее смыслу, является книжной, ср.: hvilket skulle bevises ‘что и требовалось доказать’. В этом значениии теперь чаще используются noe (som) или hva (som): ham kan man ikke stole på, hva/noe alle vet или noe som/hva som ikke er er noen hemmelighet ‘на него нельзя полагаться, что знают все / что не составляет секрета’.

Стилистически нейтральное союзное слово **der** ‘где’ всё чаще употребляется вместо ставшего несколько книжным hvor.

Сложные слова, состоящие из элементов **hvor- + предлог** (типа hvorav, hvorpå), носят книжный характер и особенно употребляются в устойчивых книжных сочетаниях, например: hvorav følger ‘из чего следует’. Сложные слова **der + предлог** (derav, deretter, deri и др.) менее книжные, но также не характерны для разговорной речи, ср.: dermed vil jeg ikke ha sagt ‘этим я не хотел сказать’, og dermed forbundne omkostninger ‘и связанные с этим расходы’, planleggingen var dårlig, og resultatet ble deretter ‘спланировано было плохо, и результат получился соответствующий’.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Как известно, в одних германских языках единицы у числительных предшествуют десяткам (ср.: 21 — нем. einundzwanzig, дат. enogtyve), в других языках положение обратное (21 — швед. tjuguen, исл. tuttugu og einn). В датском, как сказано, единицы предшествуют десяткам, и такое же положение было, естественно, в развившемся из него риксмоле.

В 1951 г. был введен **«новый способ счета»** (den nye tellemåte), по которому десятки предшествуют единицам: 21 — tjueen. Для официального нового способа счета характерен также ряд других, менее существенных, деталей: числительные 7 (syv), 20 (tyve) и 30 (tredve) были заменены на соответственно sju, tjue [ç-] и tretti. (Сугубо датские названия десятков были значительно раньше заменены норвежскими: 30 — tredive → tredve, 40 — fyrre(tyve) → førti; 50 — halvtreds(indstyve) → femti; 60 — tres(indstyve) → seksti; 70 — halvfjerd(indstyve) → sytti [søt i]; 80 — firs(indstyve) → åtti; 90 — halvfems(indstyve) → nitti.)

У этого перехода к новому способу счета были свои резоны. В ряде диалектов порядок «десятки — единицы» был распространен и ранее и используется в настоящее время, поэтому он употребляется и в нн, ср. 27 — tjuesju. Он более удобен для операций с числами, и по этой причине, в частности, аналог нового счета употребляется в банковском деле в Дании.

Со времени введения нового способа счета прошло около шестидесяти лет. Как показало относительно недавнее обследование, приблизительно половина (!) норвежцев пользуется старым способом, половина — новым, — и это несмотря на почти шестидесятилетнее преподавание нового способа счета в школе! Мало того, здесь многое индивидуально. Большинство всегда, в любых ситуациях пользуется либо одним, либо другим способом. Однако некоторые используют способ собеседник, а например, в разговоре с одним используют форму femtitre '53', в разговоре с другим — treogfemti. Нет четкости в использовании разных способов счета и у отдельных индивидов: одно и то же лицо может произнести один и тот же телефонный номер 22 55 46 38 и как tjueto — femtifem — førtiseks — trettiåtte и как toogtyve — femogfemti — seksogførti — åtteogtretti/åtteogtredve. Нередко в устной речи встречаются и неумышленные комбинации обоих способов: toogtyve — femogfemti — førtito — trettien и др. Пример (приведен в одной статье, посвященной этой проблеме; цитируется разговор двух пожилых женщин, услышанный в метро в Осло): «Ja, han er to-og-førr og hun bare en-og tyve. Det blir jo tjue-en år i forskjell det! 'Да, ему 42, а ей всего лишь 21. Разница, стало быть, 21 год!'». Предпринимались попытки описать разграничения сферы употребления старого и нового счета, но результаты в целом нуждаются, как представляется, в проверке на более обширном материале.

Почти шестидесятилетний опыт замены одного способа счета другим — лишнее доказательство того, как трудно языковое развитие поддается регламентированию.

Нормативный словарь Tanum до недавнего времени не рекомендовал (т. е. фактически запрещал) формы syv '7' и tredve '30', допуская лишь

соответственно sju и tretti. Форма tyve '20' в этом словаре вообще не приводилась, равно как и форма førr '40' (субстантивный вариант førr используется только в постпозитивной позиции, например treogførr '43', а также без существительного). Между тем формы syv, tredve, tyve (в меньшей степени førr) употребляются очень широко, особенно людьми немолодыми. Теперь эти формы «восстановлены в правах». С формой den annen 'второй' успешно конкурирует (den) andre: (den) annen verdenskrig, den annen verdenskrigen / (den) andre verdenskrig, den andre verdenskrigen 'вторая мировая война'.

ПРЕДЛОГ

Движение от флексии к анализу — общая тенденция развития большинства германских языков. Так, норвежский язык утратил множество флективных граммем (например, лицо, число и наклонение у глагола, падеж у существительного, за исключением родительного, постепенно вытесняемого предложными конструкциями, и т. д.).

Новые предлоги возникают редко. Собственно говоря, новые предлоги — это выступающие в предложной функции слова, являющиеся иными частями речи. Чаще всего это причастия (angående, vedrørende 'в отношении, касательно', unntatt (уст. unntagen) 'за исключением', medregnet, iberegnet, inklusive 'включая, считая' и др.), а также, конечно, предложно-субстантивные или предложно-глагольные конструкции типа på grunn av 'по причине', med hensyn til, når det gjelder 'в отношении'. Они возникли уже давно.

Вошедшим в употребление сравнительно недавно предлогом является grunnet 'по причине'.

Экспансия предлога på. В некоторых современных языках отмечается экспансия отдельных предлогов, вытесняющих другие из привычных конструкций. В норвежском такой предлог — på (основное пространственное значение 'на'). Примеры его нового употребления: studere ved universitetet → studere på universitetet 'учиться в университете', i slutten av året → på slutten av året 'в конце года', delta i en konferanse → delta på en konferanse 'участвовать в конференции'; ср. также альтернативное употребление в одном и том же газетном тексте: fødeavdelingen på/ved Kongsberg sykehus 'родильное отделение конгсбергской больницы.'

Не все такие случаи употребления предлога på привились, во всяком случае пока. В VI (II дополнительном) томе большого толкового словаря «Norsk riksmålsordbok» (1995) приведен ряд примеров «неудачного или неправильного использования» его вместо предлогов i, med, mot, om, over, til. Характерно, что приведенная выше замена ved → på в данном списке не учтена, но при этом в нем содержатся такие сочетания с предлогом på, которые на сегодняшний день представляются вполне

правильными. Можно сказать, что он приобрел общее («размытое») грамматическое обозначение зависимости последующего члена конструкции от предыдущего.

Характерно, что такое «размытое» обозначение грамматической зависимости предлогом på было свойственно «русско-норвежскому» (russe-norsk).

Аналогичное положение наблюдается в датском языке. Датская языковая комиссия (Dansk Sprognævn) отнесла предлог på (почти полностью совпадающий по своему употреблению с норвежским) к числу слов, наиболее динамично расширяющих сферу своего употребления.

Вместе с тем в одном отношении употребление предлога på за последние десятилетия несколько сузилось. Речь идет о названиях норвежских городов. Продолжает действовать давнее правило, согласно которому с названиями крупных городов и расположенных на побережье употребляется предлог i, в иных случаях — på, например: i Oslo, i Bergen, i Stavanger, i Skien, i Florø, på Kongsberg, på Jevnaker (впрочем, правило это не абсолютное). Таким образом, предлог på в отдельных случаях косвенно сообщает, что данный город небольшой. В последнее время несколько названий городов стали употребляться с предлогом i, что словно бы переводит их в разряд крупных, значительных. Примеры замены på на более престижное i: på Moss → i Moss (но сохраняется несколько фразеологизмов, в состав которых входит сочетание på Moss), på Hamar → i Hamar, på Lillehammer → i/på Lillehammer, что связано, можно полагать, с тем, что в двух последних городах в 1994 г. проводились зимние Олимпийские игры.

СОЮЗ

Некоторые союзы переходят или перешли в разряд устаревающих, например: med mindre 'если не' (med mindre det kommer noe uforutsett 'если не случится ничего непредвиденного'), hvis 'чей, которого' (slottet hvis murer... 'зáмок, стены которого...').

Союз **fordi** стал настолько широко употребляться с плеонастическим **at**, что этот вариант сделался совершенно обычным в разговорной речи (но как правило избегается на письме). Сложный союз **fordi om** 'хотя (и)' считается разговорным.

ЧАСТИЦЫ

Сравнительно недавнее явление — возможное изменение позиции инфинитивной частицы **å** по отношению к самому инфинитиву. Широко распространилась и продолжает распространяться постановка ее перед инфинитивом с отрицанием: å ikke gjøre det 'не делать этого' вместо

традиционного ikke å gjøre det. Намечается тенденция к различению оттенков значения этих конструкций: так, в речи некоторых jeg akter ikke å dra dit примерно соответствует русскому ‘я не собираюсь ехать туда’, a jeg akter å ikke dra dit как ‘я собираюсь не ездить туда’, regjeringen har lovet ikke å øke skatten ‘≈ правительство не обещало увеличить налог’ — regjeringen har lovet å ikke øke skatten ‘≈ правительство обещало не увеличивать налог’. Пока что такой новый порядок слов осуждается стилистами.

Видимо, под влиянием такого порядка слов начинают употребляться конструкции типа å faktisk utføre det ‘фактически выполнить это’ вместо обычного faktisk å utføre det/å utføre det faktisk, å helt unngå det ‘полностью избежать этого’ вместо helt å unngå dette/å unngå dette helt, å systematisk unnlate å... ‘систематически не...’.

У нескольких глаголов в рассматриваемый период стало возможным, хотя и не обязательным управление инфинитивом без частицы **å**: du trenger/behøver ikke (å) gjøre det ‘тебе не надо делать это’, han pleier (**å**) handle sånn ‘он обычно поступает так’ и др.

Обратное развитие — модальный глагол tore/tørre ‘сметь’, который по правилам не должен иметь после себя инфинитивной частицы, уже давно широко употребляется многими с ней: jeg tør ikke (å) spørre ham ‘я не осмеливаюсь спросить его’.

ОБЗОРЫ

В предыдущей части книги сведения по внутренней истории норвежского языка давались преимущественно в связи с его внешней историей и поэтому в хронологическом порядке. По педагогическим соображениям ниже даются общие обзоры истории норвежской фонетики и норвежской грамматики.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА

ОБЩЕСКАНДИНАВСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1. **Озвончение f, þ > v, ð** после ударного гласного, ср.: гот. broþar ‘брат’, fadar [-ð-] ‘отец’ — др.-исл. bróðir, faðir.

2. **Слияние R и r в одну фонему** (скальды рифмовали слова с **R** и **r** уже в IX в.).

3. **Появление вставного гласного (сварабхакти)**, ср.: др.-исл. dagr ‘день’ — совр. исл. dag-u-r; др.-исл. bǿndr ‘крестьяне’ — совр. исл. bænd-u-r, норв. bønder; др.-исл. brýtr — ‘ломает’ — совр. исл. brýt-u-r, норв. bryter. Такие в древности односложные слова имеют в современном норвежском тонему **1**.

4. **Лабиализация долгого а: ā > ō** (в континентальных языках; в исл. > au, в фар. > ɔa). В норвежском и исландском это произошло в первой половине XIII в.

Спорадически (в некоторых позициях, например перед rð, nd, ld) происходила лабиализация также **краткого а**: **ă > ŏ**, ср. др.-исл. harðr ‘твердый; суровый’ — шв., дат. hård, совр. норв. hard (книжн. hård).

5. **Расширение i > e, y > o, u > o** (кроме исландского), ср.: исл. vinstri ‘левый’, systir ‘сестра’, bylgja ‘волна’— норв., дат. venstre, søster, bølge.

В некоторых норвежских диалектах этот процесс зашел дальше, ср. ослоское простореч. rektig (< riktig ‘правильно’), brøst (< bryst ‘грудь’).

6. **Гармония гласных**, прогрессивная ассимиляция по степени подъема (данного явления не было на западе региона), ср.: др.-норв. armer ‘руки’, но blindir ‘слепые’, kono — косвенные падежи от kona ‘женщина’, но tungu — косвенные падежи от tunga ‘язык’.

7. **Переход** (кроме исландского) **þ > t** (в безударных словах **d**): др.-исл. þrír 'три', þå 'тогда'— норв. tre, da.

8. **Установление слогового равновесия**, т. е. ударный слог в скандинавских языках (кроме датского) стал всегда долгим и только долгим — краткий гласный + долгий согласный или группа согласных либо долгий гласный + краткий согласный. Таким образом, не стало ни кратких слогов типа fer 'едет', ни сверхдолгих типа nott 'ночь'.

НОРВЕЖСКИЕ ЯВЛЕНИЯ[1]

1. Продолжался **процесс редукции** (он затронул не все диалекты). В целом современные норвежские диалекты делятся на 2 типа:

I. Диалекты, для которых **характерно равновесие** (jamvektsloven; не смешивать со слоговым равновесием!!), т. е. редукция после изначально долгого слога и ее отсутствие после изначально краткого слога, ср.: вост.-норв. kaste 'бросать', но komma (< koma) 'приходить'. Названное изменение прежде всего представлено в так называемом расщепленном инфинитиве (kløyvd infinitiv): **-a** после исторически краткого слога, **-e** — после исторически долгого (fara 'ехать' — kaste).

В диалектах большей частью удлинился гласный, однако в восточнонорвежских говорах — согласный: værra < vera, komma< koma); то же в Трёнделаге и на севере страны.

II. Для которых диалектов **нехарактерно равновесие**. Среди них есть так называемые a-mål, æ-mål, e-mål (a-говоры и т. д. — в зависимости от окончания инфинитива) и др.

Естественно, что в бм, восходящем к датскому, редукция представлена больше, чем в нн; впрочем, для современного более радикального нн характерен ряд типов редуцированных форм, например, для инфинитива (kaste, fare), причастия II сильных глаголов (skrive) и т. и. Можно отметить, что в (радикальном) бм есть несколько омонимичных морфем **-a**, но нет ни одной морфемы, в которой **-a** было бы осложнено каким-либо согласным (как в нн båtar 'лодки').

2. **Монофтонгизация древних дифтонгов** (в восточнонорвежских диалектах — частичная, особенно перед долгим согласным, в датском и шведском — полная): др.-исл. steinn, фар. steinur 'камень' — вост.-норв., дат., шв. sten.

3. **Прогрессивная перегласовка на j** (также в датском и шведском, т. е. в восточноскандинавских языках)**: ja > jæ, je; jo > jø**, ср.: др.-исл. hjarta 'сердце', mjolk 'молоко' — совр. бм hjerte, нн mjølk, шв. hjarta, mjolk.

4. **Переходы o > u, u > a** (то же в шведском) — результат лабиализации **a**. На письме это не отразилось, ср.: норв. bord [bu:r], шв. [bu:ḍ] 'стол', норв., шв. hus [hu:s] 'дом'.

---

[1] Часть этих явлений характерна и для некоторых других скандинавских языков.

5. **Палатализация** (перед гласными переднего ряда и **j**; то же в шведском) **g > j; k > ç; sk > š** (с XIII в.): др.-исл. gefa 'давать'— норв. gi [ji:]; др.-исл. kirkja 'церковь' — норв. kirke [ˋçirkə]; др.-исл. skip 'корабль' — норв. skip [ši:p].

6. Возникновение **«толстого L»** (XIII–XIV вв.).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

АРТИКЛЬ

Свободностоящий определенный артикль развивается раньше суффигированного. Последний редко встречается в «Старшей Эдде». Характерно, что без артикля употреблялись слова типа jǫrð 'земля', iǫg pl 'закон', himinn 'небо', alþmgi 'альтинг' и т. п. Артикль появляется в поздних норвежских рунических надписях.

Видимо, суффигированный артикль развился из конструкций типа '[этот] старый человек'. Поначалу он имел только индивидуализирующее значение (частная соотнесенность), затем приобретает генерализирующее значение (общая соотнесенность).

Первоначально склонялись обе части существительного с артиклем, ср.: др.-исл. armjrjinn 'рука', род. п. armjsjins, дат. п. armjijnum и т. д. Сохранилось несколько таких пережиточных форм, естественно, изменивших значение: steinsens (steinsens rolig 'не шелохнувшись', ikke et steinsens ord 'ни единого слова'), hjertens (si sin hjertens mening 'высказать свое искреннее мнение', det gjør jeg hjertens gjerne 'я сделаю это с большим удовольствием'; форма hjertens восходит к др.-норв. hjartans — род. п. ед. ч. с определенным артиклем) и др.

Неопределенный артикль возникает позднее; он развивается из числительного со значением 'один'. Следует отметить, что в исландском неопределенный артикль не развился; это единственный современный германский язык, в котором нет неопределенного артикля.

Так называемое сверхопределение (overbestemmelse) — явление новое в бм: его нет в датском и, следовательно, не могло быть в датско-норвежском. Оно употребляется, когда существительное стоит в препозиции (за единичными исключениями); часто, но не всегда при наличии указательного местоимения или свободностоящего артикля. Сверхопределение информационно избыточно, и его возникновение противоречит общей тенденции языков к утрате избыточных граммем.

В норвежских диалектах индивидуализирующую функцию артикля при антропонимах может выполнять личное местоимение: han Dag, ho/hu Marta.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Падеж

Выше говорилось, что на дописьменной стадии развития германского языка-основы трехморфемная структура слова стала сменяться двухморфемной. Такое явление наблюдается уже в рунических надписях.

Существительное претерпело самые большие изменения именно в области падежной системы. Она впервые стала доступной наблюдению в целом лишь в рукописных памятниках. Древненорвежская (древнеисландская) четырехпадежная система отличалась богатством формальным и богатством содержательным.

Формальное богатство — это разнообразие показателей для одного и того же грамматического значения. В древненорвежском (древнеисландском) все падежные формы, за исключением дат. п. мн. ч., имели более одного показателя, ср. формы род. п. ед. ч.: armr 'рука' — arms, staðr 'место'— staðar, hersir 'херсир ≈ князь' — hersis, hǫfn 'гавань' — hafnar, Helgi (мужское собственное имя) — Helga, saga 'сага; история' — sǫgu и т. д.

Содержательное богатство заключается в том, что каждая граммема — в данном случае каждый из падежей — может иметь ряд значений. Их краткий перечень:

Именительный падеж был падежом подлежащего, предикатива, приложения, обращения (звательная функция).

Родительный падеж имел, кроме обычных значений притяжательности разного рода, также следующие значения:

– партитивности — margt manna 'много людей';

– неполного охвата объекта — þarfa þin 'нуждаться в тебе'.

Дательный падеж имел, помимо значения адресата, также следующие значения:

– прямого дополнения, например: skipta þessu 'разделить это', ljúka sǫgu 'закончить повествование' (убедительного определения группы глаголов, требующих дополнения в дательном падеже, пока не найдено);

– орудийное — berja hamri 'бить молотком';

– обстоятельства — stundum 'иногда, порой'.

Винительный падеж мог иметь обстоятельственное значение: þetta ár 'в этот год'.

Предлоги управляли падежами, ср.: án þess род. п. 'без этого', á Íslandi дат. п. 'в Исландии', (i) gegnum skóg вин. п. 'через лес'.

К XVI в. винительный, дательный и именительный падежи сливаются в один общий падеж. При этом у сильных существительных побеждает форма вин. п. (arm 'рука'), у слабых — форма им. п. (tími > time 'время; час').

В родительном падеже окончание -s (форма слов с основой на **-a**-) вытеснило все другие.

Некоторые падежные формы пережиточно сохраняются в современном языке в адъективной или адвербиальной функции: hjertens 'сердечный, искренний; сердечно, искренне', landsens 'сельский', av gårde 'из дому', i hende 'в руки', i søvne 'во сне', tilbake 'назад', til stede 'на месте', til skogs 'в лес' и др.

Родительный падеж утратил функции глагольного дополнения и партитивности.

Предлоги управляют в современном языке только общим падежом.

Развился групповой родительный, например: professor Dag Olsens artikkel 'статья профессора Дага Ульсена'. В разговорной речи он встречается чаще, в том числе и в конструкциях, осуждаемых стилистами, например, когда его показатель присоединяется к наречию или адвербиальной группе и т. п., ср.: på alle som er til stedes vegne 'от имени всех присутствующих' (være til stede 'присутствовать').

Давно употреблявшийся в ряде диалектов (особенно западных) ганзейский родительный буквально в последнее десятилетие проник в некоторой степени в письменную речь: Universitetet i Oslo sitt bibliotek 'библиотека Ослоского университета'.

Относительно новое явление — «скрытый» родительный падеж, т. е. конструкции типа Oslo Nye teater '«Новый театр» Осло'.

Число

Важнейшее изменение — отделение категории числа от категории падежа. Если ранее окончание выражало одновременно и число и падеж, то в современном норвежском языке каждое из этих значений выражается своей морфемой, ср. др.-исл. bát|a 'лодок' (род. п. мн. ч.) и совр. норв. båt|er|s. Фактически в данном моменте норвежский язык использует агглютинацию (как известно, в агглютинативных языках одна морфема выражает одно и только одно значение).

Для древнего языка было характерно обилие альтернаций (чередований) при склонении, в частности при образовании форм мн. ч., ср.: др.-исл. fjǫrðr 'фьорд' — firðir, hǫfn 'гавань'— hafnir и др. В современном норвежском языке форм мн. ч. с перегласовкой всего около трех десятков.

Род

Деление существительных по основам древнéе их деления по грамматическому роду.

Уже в древнем языке род был в значительной мере категорией формальной, не отражавшей сколько-нибудь ясных различий объектов, ср.: др.-исл. magi m 'желудок', lifr f 'печень', lunga n 'легкое'.

Особые формы женского рода — явление в кодифицированной норвежской речи относительно новое (подробнее об этом см. в разделе о реформах норвежского языка).

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Формальная дифференциация имени на существительное и прилагательное — явление для индоевропейских языков относительно позднее. Характерно, что в древнеисландском существительное и прилагательное имеют одинаковые основообразующие суффиксы. Прилагательные в м. и ср. р. в сильной форме — большей частью основы на **-а-**, в ж. р. — в основном основы на **ō**. Некоторые прилагательные, однако, имели другие основы: **-ja-** — ríkr 'богатый' — ríkjum (дат. п. ед. ч. м. р. и мн. ч. всех родов) и **-wa-** (gǫrr 'сделанный, готовый'— gǫrvan (вин. п. ед. ч. м. р.)).

Слабое склонение прилагательных сходно со склонением слабых существительных.

Первоначально различие между сильной и слабой формой прилагательного было смысловым: первое обозначало временный/случайный признак, последнее — постоянный (родовой). Впоследствии использование сильной/слабой формы стало определяться синтаксическими факторами.

Прилагательное постепенно утрачивает флексию, остается только различие в роде (gul 'желтый' — gult ср. р.) и числе (gul — gule). Слабая форма совпадает с формой мн. ч. Пережитков флексии прилагательных совсем немного, ср.: поэтизм ved høyen mast 'у высокой мачты' (вин. п. ед. ч.), aller best (род. п. мн. ч. < allra от allr) 'всех лучше'.

В области степеней сравнения основное отличие от древнего языка заключается в том, что при назывании признака, представленного у одного из двух сравниваемых объектов в большей степени, ранее употреблялась сравнительная степень, теперь превосходная. Однако старое употребление сохраняется в определенных случаях, прежде всего в сочетаниях типа nedre veien 'нижняя дорога' (из двух) и в топонимах (Øvre Telemark 'Верхний Телемарк'); ср. также случаи типа Kristian Elster d. y. (= den yngre 'младший'; было два норвежских писателя — отец и сын — с одинаковыми именами).

МЕСТОИМЕНИЕ

Основное изменение в области местоимения — утрата двойственного числа vit 'мы' и þit 'вы' (характерно, что древние формы ми. ч. соотносимых местоимений — vér и þer стали в современном исландском «вежливыми» формами, тогда как формы двойственного числа — обычными формами мн. ч.).

В ходе развития в норвежском были утрачены две специфические конструкции:

1) þeir/vit Gunnar 'Гуннар и его люди, спутники и т. д. / мы с Г., Г. и я';

2) þeir Grim ur ok Helgi 'Грим и Хельги'; здесь личное местоимение выполняет функцию, характерную для определенного артикля, указы-

вая общность, так, до сих пор в современных норвежских диалектах такое употребление характерно только для ед. ч. (см. выше раздел «Артикль»).

«Вежливое» местоимение De используется теперь преимущественно в сугубо официальных ситуациях.

ГЛАГОЛ

Глагольных форм в рунических надписях так мало (они близки к общегерманскому и, следовательно, готскому), что о глаголе можно судить лишь по более поздним древнейшим письменным памятникам.

Доступная нам глагольная система уже сильно разрушена. В результате различных фонетических процессов классы глаголов расщепились на значительное количество подклассов.

Основные моменты в истории норвежского глагола:

1. Четыре основные формы древних сильных глаголов (например, finna ‘находить’ — fann — fundum — fundi заменились тремя (finne — fant — funnet) вследствие утраты спряжения по лицам и числам.

Затемненные уже в древненорвежском чередования по закону Вернера затемнены еще больше, ср. др.-норв. sla ‘бить’ — slo — slogum — slegit и совр. норв. slå — slo — slått.

2. Ряд ранее сильных глаголов перешел в разряд слабых. Среди них, в частности, глаголы dø ‘умирать’, gro ‘расти’, så ‘сеять’, lese ‘читать’, tre ‘ступать’, drepe ‘убивать’, volde ‘причинять’. Характерно, что большая часть их имеет в презенсе тонему **1**, так как сильные глаголы в презенсе в древненорвежском были односложными.

Обратный переход — слабых глаголов в сильные — явление достаточно редкое. Так, изначально слабыми были ныне сильные глаголы skrive ‘писать’ (в современном исландском глагол skrifa слабый — skrifaði, skrifað), lyde ‘звучать’, stride ‘сражаться; спорить’ и некоторые другие.

3. Четыре класса слабых глаголов в древнем языке претерпели следующие изменения: I класс (основы на **ō**, тип kalla ‘звать’) стал господствующим, равно как и III класс (долгосложные основы на **-ia-**, тип dǿma ‘судить’); во втором классе (краткосложные основы на **-ja**, тип spyrja ‘спрашивать’ — перегласовка в инфинитиве и презенсе) осталось всего несколько глаголов: spørre — spurte — spurt ‘спрашивать’, selge — solgte — solgt ‘продавать’, velge — valgte — valgt ‘выбирать’ и некоторые другие.

В современных норвежских грамматиках слабые глаголы перечисляются в ином порядке: I класс — тип kalle ‘звать’, II класс — тип høre ‘слышать’, III класс — тип sage ‘пилить’. Нынешний IV класс (тип nå ‘достигать’, tro ‘верить’) — инновация.

Лицо/число

Постепенно происходит переход к аналитическому выражению лица/числа, т. е. последние выражаются только личными местоимениями. В бм объединились сначала формы 2-го и 3-го л. ед. ч., затем к ним присоединилась (т. е. получила то же окончание) форма 1-го л. ед. ч. Потом эта единая форма ед. ч. вытесняет формы мн. ч. В нн схема развития примерно та же, но в ед. ч. у сильных глаголов форма 1-го л. ед. ч. (tek от taka 'брать') вытесняет остальные формы.

В древнеисландском было множество безличных конструкций (типа segir í Njálu 'в «Саге о Ньяле» говорится'). Они постепенно заменяются личными (чаще всего с формальным подлежащим det).

Время

Все нынешние глагольные времена уже были в древненорвежском/древнеисландском. Основные отличия:

1. Очень широкое использование в древнем языке исторического презенса, что в первую очередь связано с жанровыми особенностями дошедших до нас памятников.

2. Частое использование претерита в случаях, где в современном языке используются перфект (heyrða ek segja... 'слышал я, как говорили...') и плюсквамперфект.

Перфект развился из конструкции с первоначально поссессивно-субъектным результативным значением: nú hef ek þýddan draum, *букв.* 'теперь я имею истолкованным сон'. Впоследствии он распространился на непредельные и непереходные глаголы: уже в «Старшей Эдде» есть случаи типа hefi ek lengi farit 'долго я шел'.

Причастие II в перфектных конструкциях развивается в неизменяемую форму — супин, совпадающий в большинстве скандинавских языков с причастием II ср. р.

Развитие плюсквамперфекта шло параллельно развитию перфекта. Основное его значение, как известно, это действие, предшествующее действию, обозначенному претеритальной формой, т. е. это таксисная граммема.

Как и в других германских языках, будущее действие обозначалось и обозначается сочетанием модального глагола с инфинитивом. Широко использовались и используются в этом значении формы презенса.

Залог

Рефлексивы (возвратные формы и возвратные конструкции). Возвратными формами (ВФ) называются глагольные формы с возвратным суффиксом: др.-исл. **-sk** (из возвратного местоимения sik вин. п., sér

дат. п. и sín род. п.), совр. исл., нн **-st**, бм, дат., шв. **-s**; например: норв. brytes 'бороться'. Возвратные конструкции (ВК) — это глагольные формы с возвратным местоимением: бм, нн **seg**, дат., шв. **sig**, совр. исл. sig (вин. п.), **sér** (дат. п.), **sin** (род. п.); например: норв. sette seg 'садиться'. В 1 и 2 л. вместо seg употребляются объектные формы личного местоимения — meg, deg, oss, dere, Dem. Выделяют также отложительные глаголы с возвратным суффиксом, но без соотносительных невозвратных форм, например, норв. lykkes 'удаваться', ryktes 'распространяться (о слухе)', dages 'светлеть'. В отличие от ВФ отложительные глаголы имеют полную парадигму: lykkes, претерит lyktes, перфект har lyktes/ + lykkes. Возвратные глаголы — это глаголы, совпадающие по своей форме с возвратной конструкцией, но не имеющие соотносительных невозвратных глаголов с тем же значением, например: vegre seg 'отказываться'.

Уже в древнеисландском ВФ и ВК имели в совокупности весь богатый спектр залоговых значений, свойственный современным скандинавским языкам.

Главное отличие древних рефлексивов от современных состоит в следующем:

1. Часть значений ВФ перешла к ВК, ср.: др.-норв. leggjask 'ложиться' — совр. норв. legge seg; также у Ибсена в «Пере Гюнте»: kan jeg gledes om jeg ville...? 'могу ли я радоваться, если бы и хотела...?' и совр. glede seg. Формы типа gledes уже давно считаются книжными и в последнее время встречаются редко.

2. Пассивное значение ВФ, свойственное в древненорвежском только книжному стилю, получило в современном языке широкое развитие (так называемый s-пассив, пассив на **-s** или флективный пассив). Вместе с тем у пассива на **-s** неполная парадигма: он употребляется в инфинитиве и презенсе; форма претерита слабых глаголов (типа tryktes'был напечатан') носит сугубо книжный характер и теперь используется редко; претерит сильных глаголов на **-s** (типа grepes 'был схвачен') в настоящее время не употребляется вовсе, а формы перфекта и плюсквамперфекта от них вообще никогда не образовывались. Таким образом, полная парадигма имеется только у аналитического пассива с bli и пассива с være.

3. У ВК и ВФ есть определенная «зона пересечения», т. е. значения, которые выражаются обоими типами рефлексивов, например: tidene forandrer seg/tidene forandres 'времена меняются', motsetningene tilspisser seg/motsetningene tilspisses 'противоречия обостряются', han gremmer seg/ han gremmes 'он огорчается'. Такая же зона пересечения есть у конструкции «глагол bli + причастие II переходного глагола» и ВК, например: han er blitt helt forandret и han har forandret seg helt 'он полностью изменился'

Пассив (страдательный залог). В норвежском языке есть два вида пассива: флективный (о нем говорилось в предыдущем параграфе) и аналитический. Аналитических пассивных моделей две:

вспомогательный глагол bli + причастие II и вспомогательный глагол bli + причастие II.

В грамматических работах давно утверждается, что флективным пассивом преимущественно обозначается действие узуальное, повторяющееся, абстрактное, а аналитическим — действие конкретное или единичное. Однако скорее можно утверждать, что верна только первая часть этой формулировки: конкретное действие издавна часто также обозначается флективным пассивом. Это грамматическое различие дополняется другими. Флективный пассив более литературен, нежели пассив аналитический. Далее, в силу своей краткости он часто предпочитается там, где она желательна, например в заголовках, объявлениях и др., ср. обычное объявление в общественном транспорте «Dørene lukkes» 'Двери закрываются'.

Пассивные конструкции первоначально образовывались глаголом vera и страдательным причастием. Позднее стал использоваться глагол verða (исходное значение 'становиться') а с XV в. — заимствованный из нижненемецкого глагол bli(va).

Флективные формы, у которых в форманте **-sk** → **-z** → **-st** (причины такого фонетического развития неясны) объединились все падежи возвратного местоимения (род. sín, дат. sér, вин. sik), встречаются уже у скальдов (X в.). Они имели ряд значений:

1) собственно-возвратное (hengjask 'вешаться');

2) косвенно-возвратное (eignask 'приобретать');

3) аутокаузативное (setjask 'садиться');

4) взаимное (berjask 'биться, сражаться', ср. также munu… ok at bǫnum verð ask («Старшая Эдда») 'и станут… убийцами друг друга');

5. пассивное (dømask 'быть судимым').

В современном норвежском языке значения 1)–3) теперь выражаются возвратными конструкциями (henge seg, tilegne seg, sette seg).

Взаимное значение имеет сравнительно небольшая группа ВФ. Продуктивной же является конструкция со взаимным местоимением hverandre 'друг друга', например: de hater hverandre 'они ненавидят друг друга'.

Двойной пассив. Своеобразная конструкция, которую можно назвать двойным пассивом, вошла в употребление еще несколько десятилетий назад и продолжает распространяться. Она состоит из пассивной формы глагола + причастия II, например: teatret ventes bygd neste år 'ожидается, что театр будет построен', доел. 'театр ожидается построенным в будущем году', alle passasjerene fryktes omkommet 'опасаются, что все пассажиры погибли', møtet foreslås utsatt 'предлагается отложить заседание'. Как явствует из приведенных примеров, основной признак двойного пассива — он сообщает о чем-то еще реально не существую-

щем/осуществленном, а лишь ожидаемом, планируемом, предлагаемом, предполагаемом и т. д. Видимо, двойной пассив развился из конструкции «пассив + причастие II (как переходного, так и непереходного глагола)», ср.: mannskapet ble bekreftet omkommet 'было подтверждено, что команда погибла'.

Наклонение

Повелительное наклонение. В этой области каких-либо изменений не наблюдается. Правда, обнаруживаются колебания у некоторых глаголов с основой, оканчивающейся на группу согласных, например у глагола våkne 'просыпаться; пробуждаться': våkn! и våkne!

Сослагательное наклонение. Общая тенденция — развитие от флексии к анализу, т. е. замена форм глагола с окончаниями и перегласовками, как в современном исландском (и немецком), конструкциями с модальными глаголами и инфинитивами I и II или причастием II. Это произошло уже несколько веков назад.

Флективные формы сохранились, как и в предшествующий период, только в нескольких устойчивых словосочетаниях, в которых они совпадают с инфинитивом и выражают пожелание или входят в состав бранных выражений: leve! 'да здравствует!' (leve kongen! 'да здравствует король!'), skje/være 'да будет/произойдет' (skje din vilje! 'да будет воля твоя!'; fred være med eder '*библ.* мир вам'), ta 'пусть возьмет' (faen ta deg 'черт тебя возьми') и др. Сюда же относится модальное слово (по норвежской грамматической терминологиии, наречие) gudskjelov 'слава Богу, *букв.* да будет хвала Богу'.

Конструкции с модальными глаголами и инфинитивами либо причастиями II, а также формы, омонимичные временны́м, уже очень давно употребляются в норвежском для выражения мыслимого, условного, возможного, нереального, желательного и т. п. действия, например: hvem skulle (ha) trodd det? 'кто бы мог подумать?', hvis jeg visste noe, skulle/ville jeg (ha) sagt det 'если бы я что-нибудь знал об этом, я бы сказал'.

Изменения в последние десятилетия в области наклонения не стали всеобщим правилом, а могут быть лишь охарактеризованы как некоторые тенденции. Их можно свести к следующему:

1. Очевидно, что в конструкции skulle/ville + ha + причастие II вспомогательный глагол ha употребляется теперь несколько реже, т. е. всё большее распространение получают конструкции типа jeg skulle/ville sagt det.

2. Конструкции с формами, омонимичными плюсквамперфекту (hadde sagt det), в разговорной речи экспандируют, т. е. успешно конкурируют с конструкцией kulle/ville sagt det.

3. Относительно четко в условных предложениях ранее различалось нереальное условие и его следствие в настоящем (hvis jeg var i ditt sted, skulle/ville jeg tilgi henne '(если бы я был) на твоем месте(,) я бы простил ее') и нереальное условие и его следствие в прошлом (hvis jeg hadde vært/hadde jeg vært i ditt sted, skulle/ville jeg (ha)/hadde jeg tilgitt henne (перевод тот же)). В последние десятилетия формы нереального условия и его следствия в настоящем всё чаще заменяются формами нереального условия и его следствия в прошлом, особенно для выражения меньшей категоричности, смягчения просьбы (hadde du svart på dette brevet mitt snarest mulig, hadde jeg satt stor pris på det 'если бы ты по возможности быстро ответил на это мое письмо, я был бы очень признателен').

СИНТАКСИС

Богатая морфология древнего языка делала возможным относительно свободный порядок слов, в частности, давала возможность постановки глагола как на первое место в предложении, так и на последнее (ср. руническую надпись из Галлехуса **ek HlewagastiR holtijaR horna tawido**). В VI–VIII вв. глагол закрепляется на втором месте повествовательного предложения

Основная тенденция развития порядка слов — закрепление за членами предложения определенного места в нем. Причина этого в том, что разрушение морфологии — падежных, личных и других окончаний — приводит к тому, что грамматические значения начинают выражаться аналитическими способами — служебными словами и порядком слов.

Как сказано выше, устраняются бесподлежащные (безличные) предложения (типа ok lýkr sǫgunni 'и кончается сага'), подлежащее обозначается формальными элементами — местоимениями det или man.

Сложноподчиненные предложения в целом несвойственны древней речи — в отличие от сложносочиненных, широко представленных в источниках. Здесь следует обратить внимание на частый переход косвенной речи в прямую типа Þær kváðusk segja, «en segja kunnum vér nýlundu nǫkkura...» («Сага о Ньяле») 'они ответили, что новостей особых нет, «но мы можем кое-что рассказать...»'.

В подчиненных предложениях использовался универсальный союз es > er, ср.: er hann kom heim 'когда он пришел домой', hestrinn er Gunnarr atti 'конь, который принадлежал Гуннару'. Впоследствии входят в употребление уточняющие слова — þá/þegar er 'когда', sá 'который' и т. п.

Связь предложений выражалась и порядком слов, а именно постановкой на первое места глагола следующего предложения: ...hét Gunnarr. Var hann... ' ...звали его Гуннар. И был он...'.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

Первым серьезным историком норвежского языка был выдающийся ученый **Пéтер Андрéас Мунк** (Peter Andreas Munch, 1810–1863), автор обширного сочинения «История норвежского народа» («Det norske Folks Historie» (1851–1863), 8 томов). Работа Мунка доведена до 1397 г. и основывается на документальном материале, во многом открытом им самим. Мунк был также рунологом, археологом и географом. Он — центральная фигура в духовной жизни Норвегии середины XIX в.

Характерно, что П. А. Мунк впервые высказал в общей форме идею создания ланнсмола, считая, что в основу его должен быть положен наиболее сохранившийся норвежский диалект, т. е. наиболее близкий к древненорвежскому. Как говорилось выше, эта идея была развита Иваром Осеном, показавшим в своих работах преемственную связь современных ему норвежских диалектов с древненорвежским.

Наиболее значительная фигура после П. А. Мунка — **Сýфус Бýгге** (Sophus Bugge, 1833–1907). Считается, что Бугге отодвинул начало истории норвежского языка вглубь на полтысячелетия (правда, Мунк считал рунические надписи готскими). Особенно новаторский характер носят его работы в области древнескандинавской филологии (издание народных баллад, рунология). Бугге прочел знаменитую руническую надпись на золотом роге из Галлехуса; издавал серию «Норвежские надписи старшими рунами» («Norges Indskrifter med de ældre Runer» (1–3, 1891–1924; издание было продолжено после его смерти)), издал «Эдду» и написал ряд работ по эддической поэзии и сагам.

Друг Бюгге **Ýлуф Рюгг** (Oluf Rygh, 1833–1899), хранитель древностей, давший их описание, особенно известен как основатель серии «Названия норвежских хуторов» («Norske Gaardnavne» (1897–1936), 18 томов), содержащей колоссальный материал по норвежской топонимике.

Фольклорист **Мóлтке Му** (Moltke Moe, 1859–1913), в частности, выдвинул идею «samnorsk» — варианта единого норвежского языка, в котором были бы объединены в одно целое черты риксмола и ланнсмола.

Пастор **Юхáн Фритцнер** (Johan Fritzner, 1812–1893) составил Большой словарь древненорвежского языка («Ordbog over det gamle norske sprog» (1862–1867, 2-е изд. 1883–1896), 3 тома).

После Бюгге наиболее значительными историками норвежского языка были Алф Торп и Магнус Ульсен. **Алф Торп** (Alf Torp, 1853–1916), широко образованный компаративист, вместе с Я́лмаром Фалком (Hjalmar Falk, 1859–1928) создал «Историческую фонетику датско-норвежского языка» («Dansk-norskens lydhistorie» (1898), «Синтаксис датско-норвежского языка» (1899–1900)). Фалк и Торп издали также совместно двухтомный «Этимологический словарь норвежского и датского языка» («Etymologisk ordbog over det norske og danske sprog» (1903–1906); второе издание этого словаря было выпущено по-немецки («Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch» (1910–1911), фототипическое переиздание — 1960; эта работа до относительно недавнего времени была единственным этимологическим словарем норвежского языка). Помимо этого Торп самостоятельно написал «Этимологический словарь ланнсмола» (1920) и совместно с **Мариусом Хегстадом** (Marius Hægstad) «Древненорвежский словарь» (1920). Следует упомянуть также «Древненорвежский синтаксис» **Мариуса Нюгора** (Marius Nygaard, 1905).

В связи с этимологическим словарем Фалка и Торпа необходимо назвать пришедший ему на смену превосходный большой (1147 с.) словарь «Наши древние слова» («Våre arveord. Etymologisk ordbok», 2000). **Харальда Бьюрванна** (Harald Bjorvand) **и Фредрика Отто Линдемана** (Frederik Otto Lindeman).

Магнус Ульсен (Magnus Olsen, 1868–1963), крупнейший рунолог, с 1902 г. продолжал издание «Норвежских надписей старшими рунами» («Norges Indskrifter med de ældre Runer» до 1924 г.), а впоследствии издал («Норвежские надписи младшими рунами» («Norges Indskrifter med de yngre Runer» (1941–1960), 5 томов). Ему принадлежат исследования об Эггьюмском камне — самой длинной надписи старшими рунами, ряд работ по истории топонимов. Ульсен продолжил рюгговское издание работы «Norske Gaardnavne». Интересна его книга, в которой освещаются норвежские топонимы с социальной и историко-религиозной точек зрения («Ættegård og helligdom. Norske stedsnavn sosialt og religionshistorisk belyst»» (1926)).

Одним из крупнейших рунологов XX в. был **Карл Марстра́ндер** (Carl Marstrander, 1883–1965), кельтолог, компаративист, выдвинувший теорию происхождения рунического письма из одного из кельтских алфавитов в районе Альп.

Западнонорвежские говоры углубленно изучались в историческом плане упомянутым выше Мариусом Хегстадом (Marius Hægstad, 1850–1927), автором фундаментального труда «Западнонорвежские диалекты до 1350 г.» («Vestnorske maalføre fyre 1350» (1905–1941), 7 томов).

Перу **Ди́дрика А́рупа Сейпа** (Didrik Arup Seip, 1884–1963) принадлежит множество работ по истории норвежского языка, в том числе полемических. Так, он, в частности, показал, что ряд форм, считавшихся

датскими, представлен в восточнонорвежских гово-рах. В 1930-е гг. Сейп был сторонником samnorsk (как сказано выше, сторонником сближения обоих вариантов норвежского языка), затем занял более умеренную позицию. Особенно известны его «История норвежского языка примерно до1370 г.» («Norsk språkhistorie til omkring 1370» (1931)) и выдержавшая ряд переизданий брошюра «Краткая история норвежского я́зыка» («En liten norsk språkhistorie»).

Рано ушедший из жизни филолог и историк **Гу́став И́ндребё** (Gustav Indrebø, 1889–1942) был автором ряда работ преимущественно по норвежской топонимике. Посмертно была издана его обширная «История норвежского языка» («Norsk målsoga» (1951)). Следует отметить консервативный характер его ланнсмола.

Ра́нгвалл И́версен (Ragnvall Iversen, 1882–1960), диалектолог и исследователь тайных языков Норвегии («Secret Languages in Norway» (1944–1950), 3 тома)), опубликовал, в частности, работы «Книжный и разговорный норвежский язык в 1560–1630 гг.» («Bokmål og talemål i Norge 1560–1630» (1921–1932), 2 тома) и «Древнезападноскандинавская грамматика» («Norrøn grammatikk» (1923 и переиздания)).

Несколько изданий выдержала изданная впервые в 1956 г. небольшая популярная книжка **Э́йнара Лю́ндебю** (Einar Lundeby) и **И́нгвалла Турвика** (Ingvald Torvik) «Наш язык на протяжении столетий: Краткая история норвежского языка» («Språket vårt gjennom tidene: Kort norsk språkhistorie»). Книга была после смерти Турвика переиздана с участием Арилля Лейтре (Arild Leitre) в 1975 г.: «Språket vårt før og nå» («Наш язык раньше и теперь» (3-е изд. 1990)).

Обширный материал содержится в книге, написанной по-английски американцем норвежского происхождения **Э́йнаром Ха́угеном** (Einar Haugen), «Скандинавские языки» («The Scandinavian Languages» (1976); немецкий перевод — 1984)).

В антологии «Из истории норвежского языка» Эскиля Хансена («Fra norsk språkhistorie: En antologi ved Eskil Hansen» (1979, 2-е изд.)) приведены важнейшие полемические работы XIX и XX вв., связанные с выбором нормы и вариантов норвежского языка (Мунк, Вергеланн, Осен, Сейп и др.).

Трехтомная популярная энциклопедия по норвежскому языку, изданная в 1987 г. под редакцией **Э́гиля Берре Йонсена**, содержит также обширнейший материал по истории норвежского языка («Vårt eget språk», redigert av Egil Børre Johnsen).

Из ряда последних общих работ по истории норвежского языка назовем некоторые: *S. Vemund*. Norsk språkhistorie. Oslo, 1976; *T. Arne*. Norsk og nordisk før og nå. Oslo, 1982; *T. Arne*, *V. Lars*. Hovuddrag i norsk språkhistorie. Oslo, 1993; *E. H. Jahr*. Utsyn over norsk språkhistorie etter 1814. Oslo, 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

88. История и социолингвистическая характеристика каждого языка уникальны. Конечно, есть более или менее частые пути развития, например образование литературного языка на основе диалекта политически и экономически ведущей области страны, но и в таких случаях всегда есть расхождения в некоторых частностях. Что касается истории норвежского языка, то она совершенно исключительна. Вкратце ее можно охарактеризовать следующим образом.

В Норвегии на протяжении многих веков население говорило на различных, порой весьма несхожих диалектах, что в известной мере сохраняется и по сей день. К XVI в. в силу исторических причин норвежский язык был постепенно вытеснен из официальных сфер датским. Однако последний в Норвегии сохранял определенную норвежскую фонетическую и лексическую специфику. Сложилось своеобразное двуязычие: сельские норвежские говоры (а сельское население еще в XVIII в. составляло около 90% всех жителей страны) и официальный датский язык. Преодоление этого положения пошло в Норвегии двумя путями. Во-первых, постепенно была осуществлена «норвегизация» официального языка, т. е. приведение датской нормы в соответствие с речевой практикой образованного населения, прежде всего городского. Так возник *риксмол*, впоследствии получивший название *букмола*. Во-вторых, на базе норвежских сельских говоров был создан не существовавший ранее вариант языка. Первоначальное название его было *ланнсмол*, затем, уже в XX в., он стал называться «новонорвежским». Эти два варианта норвежского языка со второй половины XIX в. существуют параллельно, с 1885 г. — официально.

Разумеется, такое положение с двумя официально равноправными вариантами языка, каждый из которых также, в свою очередь, многовариантен, было противоестественным, тем более для страны со сравнительно небольшим населением (в 1822 г. в оно достигло 1 млн. жителей, в 1890 г. — 2 млн, в 1942 г. — 3 млн, в 1975 г. — 4 млн). Вполне оправданным было желание преодолеть это положение. Выходом из него сочли создание варианта официального общенорвежского языка (samnorsk ‘единый норвежский язык’) с объединением в нем черт обоих вариантов.

Путем решения данной задачи было избрано языковое планирование — официальные реформы обоих вариантов. Пример Норвегии убедительно показал, что путь государственного планирования языковых изменений не дает желаемых результатов и бесперспективен.

89. Уроки языкового планирования. Первая реформа была осуществлена более века тому назад, в 1907 г. Как и последовавшие за ней, она носила название орфографической (rettskrivningsreform). Она была действительно орфографической, и потому население приняло ее в целом позитивно. Следующая реформа, осуществленная в 1917 г. и носившая такое же название, была тоже орфографической, но, помимо этого, в ней содержались моменты, затрагивавшие морфологию языка и отчасти закреплявшие то, что уже реально было в норвежском языке, а отчасти — то, чем предлагалось заменить употребительные формы.

Пиком «норвегизации» явилась реформа 1938 г. Она была совершенно нереалистична, навязывая формы, несвойственные речевой практике образованных слоев Норвегии и потому рассматривавшиеся значительной частью населения как просторечные или даже вульгарные и поэтому абсолютно непрестижные. Характерно, что полностью ей следовали практически считанные единицы. Следствием этой непродуманной и неразумной реформы явилось то, что она подорвала в народе уважение к официальной языковой норме. Средний норвежец счел, что данной нормой можно пренебрегать. Это отношение усугублялось такой характерной психологической чертой норвежского народа, как стойкий индивидуализм. Сохраняется это отношение и по сей день, тем более что из-за многовариантности нынешней нормы ее в общем и нарушить трудно.

Естественно задаться вопросом, почему была предпринята реформа в 1938 г. Основной причиной ее, очевидно, было нетерпение реформаторов: им хотелось как можно скорее, не откладывая на далекое будущее, максимально приблизиться к их идеалу — samnorsk. Им, как и некоторым их предшественникам около века тому назад, казалось, что речевую практику народа можно изменить в желательном для них направлении в директивном порядке.

Принятая в 1938 г. реформа была, как уже говорилось, пиком «норвегизации». Все последующие вплоть до 2005 г. это постепенное возвращение к положениям реформ первой четверти XX в. В целом следует признать, что реформирование норвежского языка потерпело фиаско.

90. Причины неудачи языкового планирования в Норвегии. Главной причиной этой неудачи было пренебрежение психологией членов языкового коллектива. В целом взрослому человеку, как правило, свойственно рассматривать свой идиолект как правильный языковой вариант — на всех уровнях. Конечно, корректирование идиолекта, возможно, и принимается индивидом, но только в известных пределах, в отношении

деталей и частностей. Например, говорящих на языке с подвижным ударением можно убедить в том, что в таких-то словах ударение падает на такие-то слоги, а говорящих на языках с динамически-тоническим ударением, как норвежский, — что то или иное слово произносится с такой-то тонемой, и эти поправки обычно принимаются. Системные же нарушения поддаются коррекции трудно или вообще не поддаются.

Главную роль играет здесь **отношение к норме**. У многих языковых коллективов норма пользуется авторитетом, и нарушение ее обычно объясняется недостаточным владением ею индивидом. Как правило, при понимании этого человек старается исправить ошибку. Напротив, если официальная норма непрестижна и противоречит языковой практике населения образованных слоев, что, в общем, встречается редко), пренебрежение ею становится обычным явлением. При этом ход рассуждения достаточно прост: я всегда так говорю, мои родители так говорят/говорили, мои товарищи так говорят, так говорит политический деятель X, так пишет писатель Y и т. д. Почему же мне следует говорить иначе?

Языковая норма — это всегда принуждение. Она не может быть «языковой демократией» для всех. Подчинение этому принуждению, конечно, дело добровольное, но в очень многих языковых коллективах его члены стремятся к соблюдению ее. Владение ею — это, в частности, показатель образованности и, шире, культуры.

Для такого отношения к официальной норме необходимо, чтобы она была маловариантной и, как сказано, пользовалась престижем. Многовариантность нормы или ее нереалистичность могут иметь следствием пренебрежение ею. Яркий пример этому — неоднократно упоминавшаяся норвежская реформа 1938 г., всей совокупности положений которой, по признанию самих нормализаторов, практически никто не следовал.

Важнейших требований к норме предъявляется три. Во-первых, это представленность факта у наиболее авторитетных авторов, особенно у писателей-классиков. Во-вторых, важным критерием признается распространенность рассматриваемого явления. Третьим критерием считается довольно расплывчатое требование соответствия явления основным законам языка, его важнейшим закономерностям. При этом характерно, что возможность приложения всех этих трех критериев одновременно не считается обязательной: в зависимости от того, какой из них может служить доказательством правоты нормализаторов, именно он, этот критерий, и привлекается в качестве аргумента. Так, всегда можно сказать: «Вот видите, и Ибсен (Пушкин, Гёте, Бальзак, Диккенс и т. п.) так писал», но можно с такой же убежденностью сказать: «Со времен Ибсена (Пушкина, Гёте, Бальзака, Диккенса и т. п.) норвежский (русский, немецкий, французский, английский и др.) претерпел серьезные изменения, и по-

этому данный аргумент не имеет доказательной силы. Так же обстоит дело со вторым критерием. В одном конкретном случае можно сказать: «Все или почти все норвежцы (русские и т. д.) так говорят», и это должно служить доказательством правоты нормализатора, но эти же нормализаторы в другом случае могут высказать прямо противоположную мысль: «Общераспространенной может быть и ошибка».

Приложение этих критериев к норвежскому языку XXI в. особенно затруднительно.

Разрыв между современной норвежской речью и языком классиков XIX в. — прежде всего «великой четверки» (Ибсена, Бьёрнсона, Хьелланна и Ли) — достаточно велик и в области морфологии и синтаксиса, и в области словоупотребления, не говоря уже об орфографии. Ведь официальной нормой в то время был датский язык. Это можно проиллюстрировать несложным предложением из Вельхавена: der kom, hvorom han aldrig drømte… breve og bud til ham 'к нему приходили, о чем он никогда и не мечтал… письма и сообщения', совр. det kom brev og bud til ham noe/hvilket han aldri hadde drømt om. Ср. также у Кьелланна: «"Til floder i Frankrike" gjentoges det nedover klassen» '«До рек во Франции» прокатилось по классу' (претеритные формы флективного пассива, особенно сильных глаголов, в современном норвежском абсолютно неупотребительны, о чем уже говорилось).

С критерием распространенности дело обстоит несколько сложнее. В речи языкового коллектива в целом всё время допускаются отклонения от нормы. Одни из них являются, с точки зрения большинства, ошибками, другие получают со временем широкое распространение и могут стать нормой. При возникновении таких отклонений определить, какое будущее их ждет, вряд ли возможно. Выше уже приводился пример: всё чаще вместо правильной (пока еще?) формы сравн. ст. lenger (от наречий langt 'далеко' и lenge 'долго') употребляется форма сравн. ст. lengre (от прилагательного lang 'длинный'), примеры чему можно найти на каждом шагу. Неясно, станет ли такое употребление нормой. Вряд ли тезис «общераспространенной может быть и ошибка» бесспорен. Если норма будет жестко, неукоснительно, без малейших отклонений соблюдаться языковым коллективом (случай, впрочем, полностью гипотетический), прекратится развитие языка. Любая новация в языке с закрепленной нормой является сначала ее нарушением.

Третий, достаточно расплывчатый, критерий вообще трудно приложим особенно к норвежскому языку с его многовариантностью. Как можно доказать, например, что всё ширящаяся постановка отрицания не перед инфинитивной частицей **å**, а после нее (å ikke gjøre det 'не делать этого') вместо традиционного обратного порядка (ikke å gjøre det) противоречит закономерностям норвежского языка?

В принципе существует два вида языковой нормы: норма официальная и норма реальная. В ряде стран они совпадают (хотя, разумеется, не всегда стопроцентно). Официальная норма в норвежском, как уже много раз подчеркивалось, слишком многовариантна для того, чтобы вообще считаться нормой в традиционном смысле этого термина. Вместе с тем в Норвегии существует и реальная норма.

Эта **реальная норма**, в общем, представлена на страницах крупнейших газет страны, еженедельных журналов, которые издаются очень большими тиражами, в основной массе произведений художественной литературы. Ее можно охарактеризовать как «умеренный букмол». Конечно, она тоже допускает известные варианты, в зависимости от жанра текста (письменного или устного).

Весьма характерно, что эта реально существующая норма норвежского языка в явном виде нигде не зафиксирована.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

Берков Валерий Павлович

ИСТОРИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Н. В. Пивоварова*
Корректор *К. В. Герцен*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.
Подписано в печать 26.12.2011. Формат 60 × 90 1/16. Тираж 300 экз.
Усл. печ. л. 9,5. Заказ № 4096.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано в типографии
ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие “Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2

В. П. БЕРКОВ

ИСТОРИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА